

СМЕНА

№ 4 ФЕВРАЛЬ 1977

Я — СОЛДАТ ТВОЙ, ОТЧИЗНА,
И ЗВАНИЕ ЭТИМ,
КАК НАГРАДОЙ ВЕЛИКОЙ,
ГОРЖУСЬ!

К ДНЮ
СОВЕТСКОЙ
АРМИИ
И ВОЕННО-
МОРСКОГО
ФЛОТА

ЗВАЛАСЬ ЗЕМЛЯ НИЧЕИНОЙ...

Леонид ПЛЕШАКОВ

НИЧЕИНОЙ...

Свой рассказ хочу начать с двух фотографий военной поры, которые показала мне Вера Ивановна Артамонова. На первой — Саша Шляхова, Лида Ветрова, Нина Белоброва, Ийя Галиевская и Вера Артамонова, или, как ее звали, «Верка-художница». Снимок сделан в конце 1943 года на Калининском фронте. Настроение, как видите на фото, у девиц отличное. Война еще не окончена, но враг отступает. Форсирован Днепр, освобожден Киев, Левобережная Украина, прорвана блокада Ленинграда.

Девчонкам по двадцать. Они верят, что после победы вернутся домой, встретят своих женихов, родят детей и о войне останутся одни воспоминания.

На втором снимке гвардии лейтенант Вера Ивановна Артамонова запечатлена в немецком городе Ратенов через несколько дней после взятия Берлина, куда она пришла вместе со своей 3-й ударной армией. Вера Ивановна рада: победа! Смеется гвардии лейтенант. Но смех этот не мог быть беззаботным. Вера Артамонова знает: уже никогда не придут домой ни Саша Шляхова, ни Клава Иванова, ни Соня Котломаметова. Ни многие другие ее подруги по Центральной снайперской школе. Победа оплачена и их жизнями.

Как-то во время нашей беседы Вера Ивановна сказала:

— Отец очень хотел, чтобы я выучилась на врача. А мне нельзя: видна кровь не выдерживаю, боюсь.

Сразу вспомнился мой разговор с Екатериной Сергеевной Успенской, секретарем совета ветеранов Центральной снайперской школы, которая, советуя встретиться в Ленинграде с Артамоновой, объясняла:

— На ее боевом счету восемьдесят девять фашистов. Это очень много, если учесть, что на фронт Верочка попала только летом сорок третьего года, когда мы уже начали наступать. Для снайпера в наступлении, сами понимаете, работы мало, не то что в обороне. И еще не забудьте: она два раза поднимала в атаку бойцов. А такое не каждый мужчина сможет.

Я не забыл. И вместе с тем в разговоре с Верой Ивановной о ее боевых делах постоянно думал об этом поразившем меня признании в том, что она боится крови. Была бы она на фронте летчицей, связисткой, прожектористкой, зенитчицей, пулеметчицей, наконец, я, возможно, не обратил бы на ее слова особого внимания. Но она была снайпером. И стреляла не вообще по врагам, подвинувшимся, предположим, в атаку, когда стреляющий, как правило, видит сразу

много людей и никого в отдельности. Она же всякий раз целилась именно в конкретного человека, врага, приближенного оптического прицелом настолько, что можно было рассмотреть чуть ли не выражение его лица. Она видела, как после выстрела он, обмякнув, оседал в окопе или падал, уткнувшись лицом в землю. Иногда враг был настолько близко, что вероятность промаха полностью исключалась. Его сражала ее пуля, и еще мгновение назад от нее зависело, нажать на спусковой крючок или нет, послать эту самую пулю, а вместе с нею смерть или не посылать. Она посылала. Восемьдесят девять смертей. И наверняка успела бы больше, попадая она на фронт в то время, когда наши еще держали оборону от наседавшего врага. И это девчонка, которая всегда боялась крови, которая даже там, на фронте, случилось, и трусила немного, не показывал, правда, при этом вида, в чем теперь, через тридцать лет после войны, она искренне признается. И захотелось понять, что сделало ее другой, что заставило стать снайпером-истребителем, человеком с железны-

ми нервами, необыкновенной выдержкой, который часами выжидает живую цель.

— А знаете, чего мы, девчонки-снайперы, больше всего боялись? — вдруг спрашивает Вера Ивановна. — Ранения в лицо — замуж не выйдешь. А еще в ногу. Мечтали после войны на танцы ходить, а как наденешь туфли с каблучками, если нога изуродована?

Девчонки остались девчонками, даже если профессия у них — снайпер!

— Вы помните, как открыли счет своим восьмидесяти девяти?

— Конечно. Это было 8 августа сорок третьего года, на Птахиных высотах. Мы с Ниной Лобковской уже неделю ходили, как было принято говорить у снайперов, на охоту и все безрезультатно. У всех подруг уже счет открыт, а у нас ни одного. Не везло нам. В тот день в нашей паре я была истребителем, Нина наблюдателем. Когда работаешь в паре, роли всегда распределены. Истребитель готовится к единственному выстрелу, дает отдых и глазу и рукам. А наблюдатель следит за обстановкой. Чуть

заметит цель, сразу сообщает координаты, расстояние, упреждение на ветер. Истребитель изготавливается и стреляет.

Вот и в то утро лежим мы с Ниной в нейтральной полосе. Наши окопы на склоне одной пологой высотки, немецкие — на склоне противоположной. А между нами поле спелой ржи. Чуть светало. Нина вдруг говорит: «Вижу цель!»

Казалось, просмотрели за эти дни изученный до мелочей передний край противника. Все вроде бы так, но что-то неумолимо изменилось. «Ну, конечно же, — говорит Нина, — вот этой глины не было, была зеленая». Нина готовила себя, удобнее располагалась в ячейке и вдруг говорит: «А ведь он еще и сейчас что-то копает, присмотрись... нет-нет да и показывается то слева от того бугорка, то справа верх каски». Тогда Нина говорит: «Ты следи за правой стороной, а я навела прицел на левый край». Он словно почувствовал, отодвинулся влево, и вдруг... выстрел, я увидела уже не верх, а всю каску, как бы опрокидывающуюся назад, не помню, как и зачем тоже выстрелила, почти

закрыв глаза, помнил весь передний край. Прикидываешь, как лучше стрелять, когда. Когда почту разносит или когда несут обед и т. д. Смотришь, в какое время дня и откуда солдате светит, чтоб, не дай бог, прицел «зайчика» не пустил. Тогда тебя засекут. И станут не то что из пулеметов — из минометов, из пушки бить. На снайпера снарядов не жалуют. Дело не только в том, что наш выстрел редко ранит, чаще убивает, — снайпер дезорганизует жизнь в окопах. Его присутствие нервирует солдат противника, сеет страх, сковывает любые их действия. Поэтому снайперу пощады нет. Поэтому снайпер, как минер, ошибается один раз.

— Вы ошибались?
— Жива, значит, не ошибалась.
— И даже не были ранены?
— Дважды. Но легко. Слез было больше, чем крови.
— А ваши подруги?
— Бывало, ошибались... Вот Клава Иванова погибла из-за демаскировки. В двадцать лет девочке хочется быть красивой. Даже на передовой. Отправилась она на охоту, а на ней красный шарфик. По этому шарфику и засек ее немецкий снайпер...

— На фронте у вас была одна из самых опаснейших профессий. Скажите, Вера Ивановна, вам было страшно? Или к опасности все-таки привыкаешь?

— Привыкаешь. Но все равно страшно. Ведь мы, девочки, трусихи по натуре. А тут еще такое дело: лежишь в засаде между своими и немецкими окопами, и кто знает, вдруг они в атаку пойдут. Или засекут. Надеяться не на кого. Тогда ничто уж не поможет. Сашу Шлихову немецкий снайпер ранил под вечер. И тут же они накрыли ее окопчик таким минометным огнем, что никак к ней было не пробраться, чтобы помочь. Только дождавшись темноты, вынесли ее к себе, но уже мертвую. А до этого погибли Клава Придко... Герой Советского Союза Алия Магдагулова...

Но даже если отбросишь этот вполне естественный страх — в конце концов о своей смерти мало кто думает, ведь веришь: с тобой лично ничего не случится, — все равно профессия снайпера очень тяжелая, особенно для женщины.

Ушел затемно на «нейтралку», затемно вернулся. Ночь накоротке переспал — подым, и снова на охоту. Лежишь целый день, не шелохнувшись. Сухарь пожевал, воды попил из фляги или горсть снега зацепил, если дело зимой, и снова лежишь ждешь. Считайте, я две зимы на мерзлой земле отлежала. Оттого сейчас и хвори всякие не отускают.

Как видите, нелегко, каждую минуту ходишь рядом со смертью, а все равно хочется нравиться, хочется добрых человеческих отношений. И о любви мечтала.

Наши землячки всегда были позади первой траншеи. Наведешь в них чистоту, уют, на огонек в минуты затишья приходят соседи. Говорим о прошлом, о будущем, песни поем. А на другой день, смотришь, кого-то из ребят уже нет. Убили. Нет, к этому нельзя привыкнуть!..

Иногда возвращаешься после охоты, пролежав в снегу целый день. Все обледенело, ватные брюки колом стоят, лицо почернело. Знакомым такой продрогшей замухрышкой показаться стесняешься. Пробираешься стороной. Смешно, правда? Только что своей жизнью рисковала, сама чужью жизнь на мушку брала, а теперь чьей-то усмешки испугалась.

Но вообще-то понятию: девочка!
Я прикинул: первого врага Вера уложила, когда ей не было двадцати. Действительно девочка. А сколько надо было выдержки, силы духа, выносливости, чтоб вот так каждый день затемно выползать на «нейтралку». В дождь, в зной, в стужу. Изнывать от жажды, коченеть от мороза. И ждать, ждать, пока можно будет взять на мушку цель и плавно, без рывка нажать на спусковой крючок.

Восемьдесят девять уничтоженных фашистов записано в ее снайперской книжке. Это много. На самом деле их было больше. Когда немцы поднимались в атаку, снайперы становились обычными бойцами.

— Тогда мы занимали место в первой траншее вместе с солдатами, — поясняет Вера Ивановна. — И стреляли в атакующих вместе со всеми. Но мы не могли уже стрелять не по-снайперски. Быть только напарника. И видишь, темные фигурки после твоих выстрелов падают, падают, падают. Но этих мы не засчитывали. Такой бой — не охота.

Слушая рассказ Веры Ивановны, я ловил себя на том, что хотел побольше узнать о ее предфронтовой жизни. Ненависть к фашистам, любовь к Родине, стремление защитить ее от врага — все это для поколения Артамоновой было естественным и единственно понятным, как естественным и понятным был порыв молодежи идти на фронт. Но ясно и то, что каждый из этих миллионов имел еще и свой личный счет к

дулетом. Вот так и открыли мы свой боевой счет.

А через несколько дней, там же, смотрю, идет во ржи паренек в немецком военном френче. До него метров пятьсот. Прицелилась я и думаю: «Подожду, что-то уж больно он в открытую идет».

А паренек тем временем сбросил френч и давай рожь косить. Наш, выходит, деревенский. А тут и женщина, вижу, к нему полев идет, держа за руку девочку. Мать, наверное. А Нина снова кричит: «Цель!» — и ориентиры называет. Глянула я, а с бруствера немецкого окопа в парня солдат целится. Я его опередила. Только увидела, как он после моего выстрела осел. И тут же пуля рядом со мной: вжик. Их снайпер, значит. В это мгновение Нина выстрелила в него. И попала. Так в наш счет записали еще по одному врагу.

Между прочим, в нашем деле лишнего себе не прибавишь. Вся передовая разбита на секторы, известно, где кто из снайперов охотится. Так что запись в снайперской книжке точная, ошибки быть не может.

Ну, а после тех первых фашистов дела у нас с Ниной пошли хорошо. По боевому счету мы не только догнали, но и обошли подруг.

Порой трудно понять, по каким признакам фронт дает те или иные клички. Почему, например, грозный реактивный миномет называли женским именем «Катюша»? Вот и слово «снайпер», родившись в окопах первой мировой, происходило от английского глагола «снайп», что в переводе означает охоту на бекасов. Вот уж, казалось бы, чего общего?

И я спросил Веру Ивановну:

— Вы сказали, что «работали парами». А в чем заключается работа снайпера?

— Во всяком случае, не только в том, чтобы прицеливаться и выстрелить. Выстрел — это кульминация. Бывает, с утра до вечера пролежишь в окопчике, так ни разу и не выстрелишь. Обычно же раз-два в день, не больше. А работы снайперу хватает.

Между нашими и вражескими траншеями чаще всего бывало метров 600—800 нейтральной полосы. Поэтому, чтобы выстрел был верным, снайпер должен выползать в «нейтралку», поближе к траншее противника.

Уходишь затемно. Роешь окопчик, маскируешь его дерном, веточками. Землю из плащ-палатке выносишь в тыл или в какой-нибудь ровик ссыпаешь. Напарница оканывается рядом. Сразу охоту начинать нельзя. Нужно, чтобы бруствер твоего окопа стал привычным для противника. А пока изучаешь его передний край. Вот там у них находится кухня. Тут ленец, кустик. А вот амбразура дота. И так далее. Нужно, чтоб,

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц

№ 4 (1194) ФЕВРАЛЬ 1977

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРАВДА

Наша обложка: группа преследования

Фото Юрия УСТИНОВА

1 К ДНЮ СОВЕТСКОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА. «ЗВАЛАСЯ ЗЕМЛЯ НИЧЕЙНОЙ...». Очерк Леонида ПЛЕШАКОВА.

2 Валерий ГАНИЧЕВ. «ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ». Заметки о сотрудничестве писателей с комсомолом.

4 «ПО ЭТУ СТОРОНУ ЧЕРТЫ». Репортаж с пограничной заставы.

9 НОВОЕ ИМЯ. Рассказ Андрея ЯХОНТОВА «ЭКЗАМЕН».

12 НАСТАВНИК И УЧЕНИК. Виктор РОЖКОВ, заслуженный мастер профессионально-технического образования РСФСР. «ЭТОТ ТРУДНЫЙ ВОЗРАСТ...»

15 Александр СОЛОДОВНИКОВ, фрезеровщик Оренбургского станкостроительного завода. «ТА ЗАВОДСКАЯ ПРОХОДНАЯ, ЧТО В ЛЮДИ ВЫВЕЛА МЕНЯ».

16 Владислав БАХРЕВСКИЙ. «РОДНАЯ ЖИЗНЬ».

19 Стихи Бориса СЛУЦКОГО.

20 ФЕВРАЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. Обзор зарубежной печати.

22 ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ. «ПИСАТЕЛЬ, АКТЕР, РЕЖИССЕР ШУКШИН».

24 Роман Андрея ЛЕВИНА «ЖЕЛТЫЙ ДРАКОН ЦЗЯО».

28 ЧЕМПИОНЫ О СЕБЕ. Заслуженный мастер спорта Николай АНДРИАНОВ. «ДВЕНАДЦАТЬ ШАГОВ К ПЬЕДЕСТАЛУ ПОЧЕТА».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. АБАШИН, С. А. АБРАМОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Г. Л. НЕМЧЕНКО, В. Г. ПОБЕДНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, Г. В. СЕМЕНОВ, А. П. СЕРЕДА, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИПОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник С. П. Тюнин. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда», «Смена», 1977 г.

вразу. Наверное, думал я, был он и у Веры Ивановны, когда она шла добровольцем в снайперскую школу.

Я понял, что разговор об этом нужно начинать не с момента, когда она пошла на передовую, даже не с того времени, когда в ней родилась жажда мести, — забирать нужно гораздо раньше. И я попросил Веру Ивановну рассказать о жизни, о том, что запомнилось больше всего или что считает она для себя главным.

— Родители мои — рязанские крестьяне. С бедности да безземелья отец поехал искать счастье в Питер, работал на конке. Да время, видно, выбрал неудачно. Сначала мировая, потом гражданская война. Голод, разруха. В семье уже было двое детей — старшие мои сестра с братом, а кормилец один. А когда пришло время родиться мне — это был 1923 год, — перебрались родители снова к себе в деревню: все постынее около земли. Смазана их хорошей жизнью на Алтай. А там не повезло: дом сгорел, скотина передохла. В общем, лет через пять вернулись снова в Ленинград, на свою Сердобольскую. Отец стал вагоновожатым на трамвае. Мать — по дому. Еще два брата у меня появились. Старшая сестра в шестнадцать лет замуж вышла, с мужем да с сынишкой у нас же поселилась. Так вот и жили — девять человек в двух крошечных комнатных: шумно, тесно и бедновато. От крестьянского склада да малого достатка имели огород, разводили кур, поросит, козу держали. Перебивались. Права у меня был веселый, не то что теперь. Любила свой город, любила учиться, любила петь, плясать, участвовала в художественной самодеятельности. Как-то и даже ездила на конкурс в Москву, и меня жюри премировало за выступление отрезком маршкета на платье, это тогда-то! После десятого класса решила учиться на артистку. Но началась война, и мои планы пошли прахом.

— Вы помните день 22 июня?

— Конечно. У меня в тот день в парке Лесотехнической академии свидание было назначено с Костей, курсантом из Военно-морского училища имени Фрунзе. Есть в том парке пруд и крошечный островок, и на него переброшен мостик. Договорились встретиться после обеда. Нагладилась я — и в парк. Жду-жду, а Кости все нет. Визу, на проспекте люди почему-то группами собираются, говорят о чем-то. Прислушалась: война. Вот и ушла я на свидание, не зная, что не сможет мой курсант прийти. Больше я его так и не увидела.

Война войной, а надо учиться дальше. Школу окончила, пора идти в артистки. И я стала сдавать экзамены в театральную студию. Поступила. Но тут оказалось, что и театр и студия эвакуируются в Алма-Ату. Отец говорит:

— Зачем в такую даль ехать? Война месяца через четыре кончится, опять придется сюда возвращаться. Подожди их тут, поработаешь до осени: как раз к началу занятий они вернутся.

Отец считался у нас человеком многоопытным. И я поступила на «Светлану». Знал бы папа, что через четыре месяца наш город будет в блокаде, а сам отец, опухший от голода, слезит в постель, чтобы уже никогда не подняться!

Со «Светланой» перешла на другой завод. Как работала, не помню. Помню, одна мысль мучила: где бы добыть чего съестного для матери и отца?

Проработала я до конца декабря, а дальше уже сил не было на завод ходить. Ноги распухли, в валенки не лезут. И с отчаяния пошла как-то на Финляндский вокзал. Там ларек был, где уезжающие из Ленинграда хлебные карточки за десять дней вперед отоваривали. Вот, думаю, получу паек, наемся доехать, а там будь что будет.

Часа три шла до вокзала. Очередь отстояла, а продавщица не отпускает.

— Знаем, — говорит, — мы таких. Хлеб за десять дней вперед съедите, а потом мрете с голоду как мухи. Нам из-за вас неприятно.

Расплакалась я. А тут подходит военный.

— Тетка, может, чем помочь надо?

Ему женщина из очереди:

— Какая она тебе тетка: ей лет восемнадцать только.

А я и правда на старуху похожа была. С голоду опухла. От коптящих все лицо черное, под носом сажа. Пятьдесят лет — не меньше.

— Что же ты не уезжаешь? Помрешь ты тут, девушка, — говорит военный. — Надо тебе выбираться из города. Приходи завтра сюда же, я тебя через Ладогу переправлю.

— Не могу я. Ведь не одна живу.

— Забирай всех своих — всех и переправлю.

Когда я дома рассказала об этом маме, она говорит:

— Я уж, Верушка, не поеду. Отца бросить одного нельзя и влезть не возьмешь: плох очень. Да и Кольку из училища не отпусти.

Езжай с Валькой. После нам вызов пришлет.

«Наверное, так лучше», — подумала я. Оставлю папи с Валькой карточки, 375 граммов хлеба в день им троем большая поддержка, отойдут к концу месяца чуть-чуть и придут к нам. Согласилась со мной ехать сестра Саша с сыном Толей да мой подружка Вера с братом.

Ночь прособирались. Вышли из дома в три часа ночи, чтобы к утру прийти на Финляндский. Мама проводила до угла: езжайте, говорит, с богом и о нас не беспокойтесь, все будет хорошо. Попроцались мы, как оказалось, навсегда.

А мой старший лейтенант нас на вокзале встретил. Я так понимаю, что приезжал он в город за пополнением и возвращался к себе с новобранцами. Выдал он нам по буханке хлеба на двоих, масла топленого дал, сахарку да по три куска мыла. Вот ведь какой человек! Старший лейтенант, помню, звали Александр Павлович. Это и помню. А фамилию спасителя нашего забыла. Я уж после писала во все концы, старалась найти Александра Павловича — безуспешно. Так и не смогла отблагодарить.

— А что было дальше?

— Командант в Войбокало дал нам эвакуационный и отправил в тыл. Только сказал на дорожку: «Что же вы так задержались? Доедете ли — больно уж плохо...» Но мы поехали. Череповец, Вологда, Киров. Я с Валентином остался в Нижнем Тагиле у брата Дмитрия. Пошла работать на вагоностроительный завод. Вскоре сюда эвакуировался с училищем брат Николай. Сообщил он, что папу они схоронили на седьмой день после нашего отъезда; мама, мол, еще держится и обещает приехать к нам, как только обживемся.

Когда он подал свое первое заявление на фронт, и сбегала в военкомат, упростила, чтобы не отирали: мальчишка ведь совсем, семнадцати нет, да и дистрофика. Меня послушали. А за вторым его заявлением и не уследила. Отправили его сначала в Саратов, в училище, оттуда на передовую. Погиб он совсем скоро под Харьковом. А потом нам написали, что и мама умерла.

Вот такие дела...

В это время мужа сестры, как высококлассифицированного токаря, вызвали на самолете из блокадного Ленинграда в Новосибирск. Перебрались к нему Саша с Толей и мы с Вальей. Пошли все мы на завод, даже мальчишки, хоть было им по четырнадцать. Делали снаряды. Продукция нужна, но все равно и себе покой не находила. Уже трех человек потеряла наша семья в этой войне. Остальные, сами видите, чего натерпелись. А никто из Артамоновых фашистам не мстит. Вот я и решила, что должна за всех за нас идти...

И подала Вера Артамонова заявление в райвоенкомат. Был конец 1942 года. В то время по инициативе ЦК ВЛКСМ как раз создавалась Центральная снайперская школа. И Вера Артамонова оказалась в ней.

— Больше всего запомнился первый день, — вспоминает Вера Ивановна. — Во первых, нас сразу же остригли. И стали мы в наших новых шинелях, ушанках, валенках казими-то грубыми, неотесанными, и не девушки вроде, а парни. Потом на первом построении я без разрешения вышла из строя. Мне сразу наряд вне очереди. Я, конечно, я рев: так я, неупевающая, никогда до фронта не доберусь. Кто же будет мстить?

Было нас двести девушек из разных городов нашей необъятной Родины. Жили дружно. Но ближе всего я сошлась с Ниной Лобковской. Позже, на фронте, мы с ней в одной паре работали, а потом — с Ниной Белобровой, так как Нина Лобковская стала нашим командиром роты.

Учили нас бывшие фронтовики, оставленные в тылу после ранения. Стреляли они великолепно. А через полтора и мы могли с первого выстрела поразить и «поисную мишень», и «пулемет», и «амбразуру». И чей-то могли откопать не хуже ребят. И ползали по-пластунски, как надо. А когда летом нас повезли на стрельбище под Подольск, мы выстирали в реке по особому рецепту свои новые гимнастерки, чтобы они полиняли и казались выпревшими, как у правых фронтовиков — был такой шик, — и стали с виду настоящими солдатами.

На фронте в июне сорок третьего мы сдали экзамены. Сто лучших оставили при школе инструкторами. Оставили и меня с Ниной. Но спасибо нашей маме Кате, замполиту школы, майору Екатерине Никифоровне Никифоровой — это она помогла нам попасть в группу убывающих в действующую армию. Она же и сопровождала нас на Калининский фронт.

Когда прибыли на место, устроили проверочные стрельбы, которые всех порадовали хорошей подготовкой. И только после них командующий армией генерал Галицкий выдал нам снайперские книжки.

На охоту мы в основном выходили, когда наши части временно занимали оборону. В наступлении же мы становились простыми бойцами. С передовыми отрядами вступали в деревни, в города. И в различных боях нам работы хватало.

— А последнего, восьмидесят девятого, где вам записали?

— Последнего... — Вера Ивановна думает. — Последнего в Польше... Кажется, в Польше. А потом не до охоты было — в Германию. Ведь наша армия самый центр города брала, рейхстаг. Там нам дел хватало. Чуть не со всех окон фаустишки торчат. Такие тяжелые уличные бои шли, просто представить трудно. А надо идти вперед. Вот нам иной раз и скажут:

«А ну, девчата, помогите!»

И начинали мы по окнам, амбразурам, чердакам бить. Но это тоже обычный уличный бой — не охота.

На Кюстринском плацдарме Вера Артамонова была уже гвардии лейтенантом, командовала взводом снайперов. В ночь, когда началось наше наступление на Берлин, девушки заняли место в первой траншее. И вот, когда наши поднялись в атаку, случилось так, что одна машина с прожекторной установкой загорелась, а девушки-прожектористки растерялись. Командир роты гвардии лейтенант Нина Лобковская приказала Артамоновой погасить.

— Где бегом, где ползком мы с Аней Вострухиной и Тамарой Аверьяновой подошли к этой машине, давая землей, песком пламя сбивать. Погасили, а командир прожектористов приказывает:

— Обеспечьте работу установки.

Непривычное дело, а пришлось обеспечить: светить немцам в глаза. За участие в этом бою наградили меня орденом Отечественной войны.

Тут я попросила Веру Ивановну рассказать о том эпизоде, когда она солдат-мужчин в контратаку поджала. Один из двух орденов Славы у нее за этот подвиг.

— Немцы пошли в очередную атаку, а нас в окопе осталось человек десять. Визу, солдаты как бы растерялись, да и сама трушу, но если отступили, то это верная смерть, перецелкают всех. Вот я вскочила и крикнула:

— Ребята, куда же вы?! — И вроде бы еще добавила: — Я девчонка, и то не боюсь! — и первая вскочила из окопа, а остальные за мной. Атаку мы ту отбили.

Другие мне потом об этом рассказывали, и я вроде бы припомнила какие-то детали. Но иногда кажется, что не со мной то было, а с кем-то другим. Раньше о фронте и сама старалась забыть. Навсегда. Не женское это дело — война. Я человек впечатлительный, эмоциональный (пожалуй, смлшком), когда вспоминаю прошлое, будто заново все переживаю. Рамена и войной в самую душу. Может, поэтому и жизнь после не так пошла, как хотелось.

Это только в последние годы решила я память свою расшевелить, да и то потому, что школьники допрашивают: расскажите да расскажите, как вы снайпером были. А детям нельзя отказать. Нужно, чтобы дети знали, какой ценой их сегодняшнее счастье оплачено.

А я и не помню. Фронтовой сиклероз. Странно, но почти все забыла: как делиться надо, как маскироваться, как выслеживать надо, как выслеживать врага. И тогда поехала в музей нашей ЦСШ и переписала всю свою снайперскую книжку — она там в качестве экспоната. А в книжке есть памятка для снайпера на все случаи жизни. И теперь на любой вопрос ребят отвечаю без запинок.

А еще спрашивают о Берлине, штурме рейхстага, есть ли на его стене мои росписи. Когда бои кончились, и у рейхстага только потом была. Но не расписывалась. Там до меня все уже исписали. Мне места не осталось. Да и я не хотела, честно говоря. Победа — чего уж писать. Пора по домам...

Она демобилизовалась в сентябре сорок пятого и вернулась в Ленинград. Ее все еще не оставляли мечты о сцене. И когда через два года в Театре имени Комиссаржевской выездная комиссия устроила экзамены для поступающих в студию МХАТ, Вера Артамонова тоже подала документы.

— Я не завалилась, — говорит мне она. — Просто не прошла по конкурсу. Фронт наложил отпечаток. Война еще сидела во мне. Понимаете, пришли девочки, молоденькие, хорошенькие, с модными прическами, в шляпках «а-ля Каренина». А у меня на голове фронтовой берет цвета хаки, самого подходящего цвета для «нейтралки».

Так и не состоялась «Верка-артистка».

Ей было тогда всего двадцать три года. Но два самых дорогих из них она пропала со снайперской трехлинейкой № 6409.

Вот что рассказала мне Вера Ивановна Артамонова-Данковцева, старший инженер Научно-исследовательского котло-

ЗАМЕТКИ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ С КОМСОМОЛОМ

Валерий ГАНИЧЕВ

В грозные дни сорок первого года над страной прозвучал страстный призыв нашей партии, надолго определивший и жизнь всего советского народа и судьбу молодежи: «Все для фронта, все для победы!» Три с половиной миллиона комсомольцев влилось в ряды Советской Армии. Партизанские отряды более чем наполнили составы из молодежи. На временно оккупированной фашистами территории только осенью 1943 года действовало свыше 3 тысяч подпольных комсомольских организаций.

В жестокой схватке с врагами комсомол не мог обойтись без страстного публицистического слова советских литераторов. В свою очередь, писатели страны постоянно обращались к молодым советским воинам, к труженикам тыла, избирая их в качестве главных своих героев и читателей.

Издательская деятельность ВЛКСМ не прекращалась в самые тяжелые дни. В трудное время войны комсомольское издательство «Молодая гвардия» выпустило книг и брошюр больше, чем в довоенный 1940 год. С июня 1941 года по 1945 год было выпущено 427 названий книг тиражом свыше 21 миллиона экземпляров.

Книги советских писателей, военных журналистов, подготовленные издательством, внесли свой вклад в достижение победы над врагом, они вдохновили советскую молодежь на героические подвиги, на самоотверженный труд во имя победы.

Одна за другой выходят 22 книги серии «Герои Отечественной войны». Среди самых первых — рассказ В. Орлова о Герое Советского Союза старшем сержанте Василии Кисякове — комсомольце, в одиночку сумевшем отстоять важную высоту. Следующий выпуск был посвящен балтийскому летчику А. Антоенко. Елена Кононенко подготовила брошюру «Герой Советского Союза младший лейтенант В. Талалихин», выпущенную двумя изданиями. «Эти книги «Молодой гвардии» пользовались огромным спросом в действующей армии и в тылу», — писал впоследствии бывший первый секретарь ЦК ВЛКСМ в годы войны Н. А. Михайлов.

Осенью 1941 года, когда фашисты рвались к Москве, когда все силы армии и фронта были направлены на то, чтобы остановить вероломного врага, не отдав ему родной столицы, издательство выпустило небольшую, тиражом в 50 тысяч экземпляров, книжечку — «Родная Москва». Среди авторов сборника значились имена Алексея Суркова, Алексея Толстого, Сергея Васильева, Самеда Вургуня, Максима Рыльского...

Война требовала обучить молодых воинов науке ненависти к вероломному захватчику, к чудовищному облику фашизма. Известное стихотворение Михаила Светлова «Итальянец» пророчески обращалось к иноземцу-поработителю:

Я не дам свою Родину вывезти
За простор чужеземных морей!
Я стреляю — и нет справедливости
Справедливее пули моей!

ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ

Великой ненавистью, страстью борьбы, верой в победу были пронизаны вышедшие в «Молодой гвардии» в 1942 году «Рассказы о войне» В. Кожевникова, «Рассказы» Л. Соболева, «Песня о Днепре» Е. Долматовского, «Декабрь под Москвой» А. Суркова, «Город на Неве» А. Яшина. Молодежное издательство опубликовало и два знаменитых сборника А. Твардовского: «Василий Теркин» и «Юго-западный фронт».

Когда враг откатился от стен столицы, встала задача хотя бы в какой-то мере обеспечить районы, освобожденные от врага, необходимыми как воздух книгами. Несмотря на то, что бумаги были крайне мало, а типографские мощности чрезвычайно слабы, издательство подготовило целую серию книг. В нее вошли статьи и очерки Б. Горбатова, П. Лидова, Ем. Ярославского. Отдельной книжечкой вышли карикатуры Куркрыников со стихами С. Маршака. Тираж библиотечки по тем временам был солидный — 65 тысяч экземпляров.

В 1943 году появилось несколько серий («Беседы о военном воспитании», «Советы будущему воину», «Искусство воинов» и др.), к изданию которых были привлечены известные публицисты и писатели. Особой популярностью пользовалась серия «Великие люди русского народа». «Великие русские люди», в которой вышли книги о Пушкине, Радищеве, Глинке, Репине, Щепкине, Маяковском. Среди авторов серии были известные писатели Н. Асеев, А. Югов, Л. Гумилевский, С. Марков.

Большой интерес у молодых читателей вызвал сборник «Комсомол в боях за Родину», выдержавший три издания. В предисловии к сборнику М. И. Калинин писал: «Предлагаемый сборник есть скромный труд, в котором собраны далеко не полные факты о героических боевых действиях, о беззаветной преданности Родине тех, кто перенес с полным сознанием правоты своих действий все муки, какие только можно вообразить, и погиб, твердо уверенный, что фашизм будет разбит, с гордым возгласом: умрем за Родину, за счастье своего народа». Авторами сборника стали А. Гайдар, В. Ставский, В. Кожевников и другие. «Для тех, кто отправляется на фронт, выбора быть не может, их лозунг должен быть «смерть или победа» — эти ленинские слова сделались лейтмотивом вышедшей книги.

После героической гибели Лизы Чайкиной в ЦК комсомола была составлена небольшая книжечка о ее подвиге. По этому поводу Михаил Иванович Калинин сказал: «Такие книжечки как бы временные памятники героям. Потом появятся и романы». Роман действительно появился, его написал Н. Бирюков. Писатель Николай Бирюков, чья жизнь во многом похожа на жизнь Н. Островского, с 1923 года поддерживал связь с пионерской и комсомольской печатью, был активным юнкором. В 1933 году, уже прикованный к постели, он принял участие в радиоконкурсе молодых поэтов и получил вторую премию. Центральный Комитет комсомола постоянно поддерживал будущего писателя в его учебе в Литинституте, помог опубликовать первый роман. Теперь комсомольские работники устроили ему

встречу с партизанами, с комсомольцами-разведчиками, с матерью Лизы Чайкиной. Особенно большое впечатление на писателя произвела беседа с партизанкой Зиной Калашниковой, проведенная в одну дерзкую операцию в тылу у врага. К тому же Зина была племянницей Николая Островского, и это не могло не вдохновить писателя, который продолжал подвиг автора знаменитых комсомольских книг.

В первой редакции роман Н. Бирюкова назывался «Лиза Чайкина». Когда книгу сверстали, требовательный к себе писатель, проявив мужество и волю, убедил издателей рассыпать набор и начал писать роман заново, уже под названием «Чайка». Окончил он его через три года. Потом автор скажет: «Вслушиваясь в доходящее до меня многоязычное эхо полета «Чайки», я испытываю огромную признательность издательству «Молодая гвардия» и Центральному Комитету комсомола. Та книга, набор которой рассыпали, в лучшем случае была бы литературным памятником Лизе Чайкиной. А книга должна быть бойцом, активно вторгнувшимся в жизнь». «Чайка», переведенная на сорок языков, стала большим художественным обобщением подвига советской молодежи.

Наверное, самая яркая книга о героях комсомольцах — это «Молодая гвардия» А. Фадеева. До ее выхода журналисты М. Котов и В. Лясковский выпустили брошюру «Сердца смелых», которая рассказывала о подвиге краснодонцев. Еще раньше рассказ о молодогвардейцах поместила на своих страницах «Комсомольская правда». Но свое художественное отражение полные героики и трагизма события нашли в книге Александра Фадеева. ЦК ВЛКСМ передал писателю обширный материал о мужественных подпольщиках. На встрече в ЦК ВЛКСМ, когда Александру Александровичу был сделан полный высокого смысла, поистине драгоценный социальный заказ, он взволнованно сказал:

«Да, вы угадали, мне давно хотелось написать о молодежи, о сегодняшней молодежи, я очень ее люблю, восторгаюсь ею. Но удастся ли? Сам-то я очень хочу написать, а что выйдет? Вдруг провалюсь?» Эта озабоченность не покидала знаменитого писателя, когда он изучал документы, собирал факты, встречался с участниками событий, партизанами. Но она не помешала ему работать быстро, вдохновенно. Роман был окончен за один год и девять месяцев. В середине 1945 года издательство получило рукопись романа, который стал символом нашей литературы о молодом поколении, символом вдохновляющей связи Ленинского комсомола и советских писателей.

Образ молодого бойца вставал со страниц почти всех произведений писателя военной поры. В первой военной публикации Михаила Александровича Шолохова «На Дону» молодой казак Роман Выпрямкин, выступающий на митинге призванных в Красную Армию после старого красного партизана, говорит, как бы продолжая эстафету: «Финские белогвардейцы убили моего брата. Я прошу зачислить меня добровольцем в ряды Красной Армии и послать на финский фронт, чтобы засту-

пить на место брата и беспощадно отомстить за его смерть».

Леонид Максимович Леонов в страстном и взволнованном очерке «Твой брат Володя Куриленко», опубликованном в октябре 1942 года и выпущенном отдельной брошюрой в издательстве «Молодая гвардия», обратил слова признательности и благодарности к молодым героям: «Высокие, под самые облака, тени предков обнажают головы и склоняют свои знамена перед ними».

Гастелло и севастопольские моряки, Матросов и герои-панфиловцы — их подвиги не могли не вдохновлять мастеров слова. «Бессмертен образ комсомолки Зои, которую мы впервые увидели на белом снегу газетной страницы в траурной рамке. Вся страна пылливо вглядывалась в это красивое лицо русской девушки. Ни смертная мука, ни ледяная могила не смогла стереть с него выражение бесконечной решимости и пророческой улыбки милой Родине... Созвездия бы надо называть именами этих людей, смертью поправших смерть», — писал Л. М. Леонов.

Писатели активно работали на всех участках борьбы, в том числе вели пропагандистскую работу среди молодежи. В комсомольских газетах, пропагандистских группах можно было встретить тогда известных литераторов и журналистов. Многие из них постоянно сотрудничали в «Комсомольской правде» и в издательстве «Молодая гвардия».

В осажденном Ленинграде писал о комсомольцах с присущей ему страстью Всеволод Вишневский. Его постоянно внимательное отношение к молодому поколению — вспомним хотя бы вдохновенное выступление «Героический путь комсомола», посвященное 20-летию ВЛКСМ, — делало его желанным гостем в комсомольских ячееках фабрик и вузов, воинских частей и кораблей. Наблюдения, записи, встречи помогли ему воссоздать историю боевых дел ленинградского комсомола. Значит, это было действительно важно, если известный писатель столько времени посвящал скрупулезному изучению самых разных документов и на их основе создал большой исторический очерк о комсомольской организации.

В очерке «Ленинградский комсомол в дни Отечественной войны» Всеволод Вишневский писал: «Перед войной мы не раз задумывались над вопросом о качестве нашей молодежи, о ее путях, о ее нравственных идеалах, о ее целях и замыслах, о внутренней ценности современного молодого человека. Вспомним, что раздавались голоса, говорившие о том, что-де наша молодежь не имеет достаточной закалки, она пришла на готовое, она получила все права, все возможности, все привилегии в готовом виде из рук старшего поколения. Говорили о том, что наша молодежь лишена представления о подлинном лике нашей жизни, что она не имеет той суровой закалки, которая одна и могла породить богатырей русской революции...» И на десятках примеров Всеволод Вишневский показывал, как советская молодежь, молодые ленинградцы доказали свою принадлежность к революции. «Поистине это была большая проверка,

ибо нет более глубокой проверки людей, как проверка в дни войны, в дни народных бедствий». Молодежь овладевала наукой воевать, она овладевала опытом старших поколений советских людей, которые «несли в себе опыт создания беспримерного в мире государства, крепости и единству которого уступят все другие. Русские несли в себе опыт непрерывной череды боевых столкновений с опаснейшими врагами, с теми же немцами, с европейскими коалициями, с восточными ордами. Это был не только опыт — это была глубокая национальная наука, национальная стратегия, которую создавали Александр Невский и Дмитрий Донской, Иоанн Грозный, Минин и Пожарский, Петр Первый, Суворов, Кутузов, Ушаков и Сенявин, Нахимов и Корнилов, Брусилов. Эта национальная военная наука была поднята на новую, еще более высокую ступень вождем народа Лениным, в дни, когда России пришлось отстаивать свое существование против натиска сил Антанты».

И это постоянное подчеркивание преемственности поколений, создавшей атмосферу полного взаимопонимания, доверия и опоры, когда «одно поколение брало пример с другого», было характерно для очерка писателя, для всего его творчества. Это настоящий волнующий рассказ о подвигах молодых ленинградцев — пулеметчиков и зенитчиков, рабочих и партизан, которые прошли такие «университеты», которых не могла придумать никакая фантазия романистов. Внимательно вглядываясь в лица молодых героев, в их душу, писатель с любовью писал: «Вот в этой борьбе за Ленинград молодежь пришла к постижению идеи Родины; она посмотрела на мир, на природу, на людей новыми глазами; и в них засветилась бесконечная любовь к людям, народу, любовь безмерная... Они доверяли друг другу все свои мысли, все свои тайны, они поддерживали друг друга, чтобы усилить сопротивление города, России, за жизнь и счастье которой они трепетали».

Можно с уверенностью сказать, что В. Вишневский был одним из тех умно и внимательно всматривавшихся в лицо молодежи писателей, кому удалось наиболее полно и глубоко поведать о ее помыслах и о душевной чистоте ее, о ее мужественном характере и о делах ее в годы войны. Поведавать о беспримерном комсомольском подвиге.

С нетерпением ожидали читатели номера «Комсомольской правды», где печатались страстные выступления А. Толстого, М. Шагинян, А. Гайдара. Вся страна вчитывалась в проникновенные строки очерка «Морской орленок» Бориса Лавренева, заучивала наизусть стихи А. Твардовского, К. Симонова, М. Исаковского и многих других советских поэтов и писателей, чье слово в тяжкую годину было обращено к молодому солдату и труженику войны.

Комсомол, направляемый Коммунистической партией, видел в советских писателях своих верных друзей, плечом к плечу с молодежью стоявших в едином боевом строю, помогавших с удвоенной силой бить врага, отстаивать светлое будущее Родины.

ПО ЭТУ СТОРО

РЕПОРТАЖ С ПОГРАНИЧНОЙ ЗАСТАВЫ

ЧАСОВОЯ ПА ВІШКІ — ІНТЕНСІВНОЕ
ОКО ГРАНИЦЫ

ДЕСНУ НИ РАЗУ НЕ ПОДВОДИЛА ЕЕ
«ПОГРАНИЧНАЯ ИНТУИЦИЯ»: НЕТ,
ЧЕЛОВЕКА ЗДЕСЬ НЕ БЫЛО.

Заства, на которую вы собираетесь, вообще-то считается тихой. Место для нарушителей неудобное: отвесные скалы, почти вся местность как на ладони, всюду заросли верблюжьей колючки—не продерешься.—Комендант участка сделал паузу.—Правда, последнее время там что-то непонятное происходит. Словом, путь добрый, я сам позвоню Малинскому, чтобы встретил на стыке... Вам, кстати, на лошадях ездить приходилось? Там ведь другого транспорта нет.

Мы переглянулись и дружно соврали, что приходилось.

— Ну, тогда все в порядке. А то, знаете, без привычки трудновато.

Простившись с комендантом, мы сели в «газик» и поехали на заставу. После двух часов лавирования между каменными кручами, могучими чинарами и огромными валунами мы остановились возле густых зарослей арчи.

— Все,—объявил наш водитель Толя,—дальше машина не пройдет, так что можно закурить.

Закурили и стали ждать начальника заставы.

Он появился внезапно и совсем не с той стороны, откуда мы ждали.

— Лейтенант Малинский, исполняющий обязанно-

сти начальника заставы... Начальник в отпуске. Извините, что опоздал...—Он был высокого роста, сухощавый, с мальчишеским румянцем на щеках.

— Лошади наверху. Тут метров сто всего.

По дороге мы разговорились. Рассказывал Алексей о своей жизни охотно, чувствовалось, что он делает это не из стремления произвести впечатление на нового человека, а от прямодушия, свойственного его натуре.

— В пятом классе нам дали такую тему для домашнего сочинения: «Кем ты хочешь быть и почему?». А я тогда уже твердо решил стать пограничником, о чем и написал. Потом выяснилось, что служить на границе собираются еще шестеро ребят из класса. И все потому, что накануне к нам на сбор пришел

НУ ЧЕРТЫ

...они поехали к дальневосточник, рассказавший много интересного о своей службе. Не сговариваясь, мы и написали семь одинаковых сочинений. Так всемером и поехали поступать в погранучилище. Правда, повезло мне одному...

Нет, Алексей не хвастался. Если бы он хотел похвастаться, то рассказал бы о том, что на протяжении всех лет учебы считался лучшим стрелком в группе, что быстро и точно ориентируется на местности, что имеет первый разряд по лыжам и прекрасно читает следы. Он мог бы рассказать, как в первый свой отпуск поехал к морю, но не высидел на берегу и двух недель, вернулся на заставу. Но все это я узнал от других людей.

Поднявшись на скалу, мы оказались у входа в неширокое ущелье, вдоль которого вытянулось несколько белых одноэтажных строений.

В тот день застава жила обычной размеренной жизнью. На той стороне границы не происходило

ничего, вернее, почти ничего, что могло бы изменить график несения пограннарядами привычной службы. Я не оговорился, написав «почти». Дело в том, что неподалеку от одного из пограничных знаков дважды был замечен мужчина, одежда которого резко отличалась от крестьянской. Сам факт его появления на той стороне еще ни о чем не говорил, но пограничников настораживало существенное обстоятельство: зачем приезжему понадобилось приближаться к границе. После некоторых колебаний Малинский доложил о неизвестном коменданту.

— Усилите наблюдение, — приказал Коллегов.

В целом же комендант отнесся к докладу лейтенанта спокойно. Малинского это обрадовало: больше всего он не хотел прослыть среди офицеров «пустолаем», как называли на границе тех, кто по любому поводу звонит начальству и докладывает о «чрезвычайной обстановке». Правда, не исключено, что комендант, как ему и положено, располагал значительно большей информацией о положении на вверенном ему участке. Как бы там ни было, от него не последовало никаких указаний, кроме «усилить наблюдение», что не могло существенно изменить распорядок жизни заставы. Так что пока каждый занимался своим делом.

ЧУЖОЙ СЛЕД.

У ТРЕВОЖНОЙ ГРУППЫ НА СЧЕТУ КАЖДАЯ СЕКУНДА.

В это утро кузнец заставы ефрейтор Владимир Уразовский производил осмотр лошадей, вернее, их копыт. Делал он это не спеша, в особенности когда очередь дошла до жеребцов, чей крутой нрав был ему хорошо известен.

— Ну что, Падишах, как твои делишки? — приговаривал Владимир, подходя к вороному, на котором последнее время ездил Малинский. — Дай-ка я гляну на твои копыта...

Уразовский отлично знает, какую из лошадей надо брать лаской, а какую строгостью. Нил, например, без сахара ковать себя не даст, Комету же надо просто долго уговаривать и рассказывать ей всякие байки. К Падишаху лучше с ковкой не подходить, если у того дурное настроение, а Опрятная терпеть не может, если на Уразовском при этом нет белого фартука.

Только один раз его подвела профессиональная интуиция. И надо же было случиться такому, чтобы Уразовский, который считался самым опытным кузнецом на участке и большим знатоком психологии животных, был обманут, как новичок. И кем?! Молодой кобылой по кличке «Исповедь», прибывшей на заставу совсем недавно. Сам Уразовский рассказывал:

— Я с ней по-хорошему хотел. Даже ковать не стал, пусть, думаю, оклемается на заставе, обвыкнет.

«ПРИКАЗЫВАЮ ВЫСТУПИТЬ НА ОХРАНУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ...»

находится еще на службу за свой век. А горда она на редкость: бывало, заготовишь ей сахар, но руку в кармане держишь. Другая учует и давай тут же мордой в тебя тыкаться, просить. Исповедь, наоборот, отвернется, словно хочет сказать: нужен мне, мол, твой сахар. И пока сам не дашь ей лакомство, ни за что не попросит. Но тут вдруг, смотрю, Исповедь стала необыкновенно послушной и приветливой, не лягается, ремни не грызет, под седлом идет не хуже других. Я думал: все, привыкла.—взял да и выпустил попаситься на воле, что обычно дозволяется не каждой новой лошади. Она и удрала...

Исповедь обнаружили через несколько дней в одном из табунов, пасущихся поблизости от заставы. Ловить ее поехал сам Уразовский, поскольку считал себя единственным виновником этой истории. Полчас он гонялся за лошадью по склонам гор вместе с местными табунщиками, пока наконец Исповедь не сдалась.

Все-таки удивительные это животные, пограничные лошади. Стоит им «прослужить» на одной заставе несколько месяцев, как они накрепко запоминают маршруты нарядов, даже ночью безошибочно ориентируются на местности и могут смело пойти рысью над пропастью, где любая оплошность грозит гибелью животному и всаднику.

Насколько у этих животных развито «пограничное» чутье, мы убедились в первый же день, когда вместе с Малинским поехали по участку. Наши лошади, верные своей привычке, трижды без всякой команды останавливались возле телефонных розеток, установленных в тех местах, где пограничники обычно выходят на связь. А совсем недавно произошел такой случай. Один из нарядов, объезжая тыловые участки, остановился возле ручья, чтобы напоить коней. Только ребята сели перекурить, как вдруг лошади бросили пить и подняли головы, нервно раздувая ноздри. Пограничники вскочили в седла и дали лошадям свободный повод. Метров за сто от ручья, в зарослях камыша, они наткнулись на незнакомого человека с ружьем. Проверили документы—у охотника они оказались не в порядке.

Итак, каждый на заставе занимался своим делом. Уразовский—лошадьми, связист Владимир Осадчий проверял свое «хозяйство». Разложив прямо на крыльце около двух десятков телефонных трубок, он поочередно брал каждую из них, включал в переносную розетку и скороговоркой называл трехзначное число. Если его напарник «на том конце» повторял число без ошибок, Осадчий откладывал трубку направо, если напарник из-за помех путал цифры, Осадчий откладывал трубку налево, в ремонт.

Комсорг заставы ефрейтор Александр Яровой в это же время в учебном городке проводил тренировку с рядовым Юрием Нецвитаем. У потомственного шахтера, будущего маркшейдера Александра Ярового, когда он попал на границу, внезапно открылся недожинный талант следопыта. Он прекрасно овладел теорией этой мудреной науки и, самое главное, умело применял ее на практике.

Год назад Александр отличился в настоящем деле. Тогда заставу подняли ночью по тревоге и бросили в поиск в тыловом районе. В дороге ребятам сообщили, что где-то на их участке к границе пытаются пролезть двое рецидивистов. Два дня пограничники лазили по горам, тапились в засадах, обшаривали каждый куст. На ноги были подняты дружинники из ближних аулов. Но след бандитов обнаружить не удавалось. Пограничники предполагали, что они прячутся где-то в ущельях. Но где именно?

И вот на исходе второго дня поисков рядовой Александр Яровой вдруг обнаружил на известняковом откосе царяпины от двух пар туфель с шипами—едва заметные, но все же следы. Три часа пограничники шли по ним, пока им не передали, что воины соседней заставы задержали преступников в одной из лощин. На ногах у них были... шиповки.

—Смотри, Юра, вот здесь снос.—Яровой приложил ладонь к учебному следу.—Яровой человек слегка косопалит. Носок сапога оставил ровные очертания, значит, человек шел не спеша, не оглядываясь по сторонам. Размер сапога—сорок три, след неглубокий, стало быть, вес его хозяина не превышает нормы и он шел без ноши...

Нецвитаю внимательно слушал и кивал головой.

—Теперь попробуй «прочувствуй» сам.—Александр показал товарищу другой след, абсолютно непохожий на предыдущий. Через несколько секунд Юрий, помня уроки Ярового, дал точный «портрет» владельца следа.

Итак, в тот день на участке было относительно тихо. Все началось, пожалуй, с доклада старшего пограннаряда сержанта Черникова.

«...В 4 часа 40 минут на сопредельной территории двое мужчин спустились на мотоцикле в долину и остановились в двадцати метрах правее пограничного знака №... Мужчины были одеты в куртки защитного цвета, брюки заправлены в сапоги. На крестьян не похожи. Один из них вел наблюдение за нашей территорией, другой делал вид, что собирает хворост. Как только началась буря, они сели на мотоцикл и уехали, оставив собранный хворост в кустах».

По опыту пограничники знали, что обнаруживать себя накануне перехода границы может только неквалифицированный нарушитель или какой-нибудь отчаявшийся контрабандист. В конце концов это могло быть просто игрой на нервах или... Или продуманная система дезориентации. Что бы там ни было, ситуация требовала принятия мер, исключающих возможность нарушения нашей границы. А тут эта буря...

Это была даже не буря, а настоящий ураган, пронесшийся над долиной в течение двадцати минут. Ветром сорвало крыши с нескольких домов, неподалеку от заставы сломало тридцатиметровый старый орех, но самое страшное: обрушившаяся на горы дождевая лавина вызвала обвал; сотни камней перегородили русло небольшой горной реки. За несколько часов уровень воды в реке выше внезапно образовавшейся плотины поднялся на полтора метра. Сколько времени выдержит плотина, никто не знал. Может быть, день, может быть, два. Но все равно наступит мгновение, когда масса воды прорвет нагромождение камней и хлынет в долину. И тогда неминуемо пострадают поля, мосты, жилища, скот...

Лейтенант Малинский и все, кого он поднял по тревоге в то утро, отчетливо понимали: надо что-то срочно предпринять, чтобы вода сошла. Поэтому, как только с наблюдательного пункта на заставу передали о случившемся, все свободные от службы пограничники отправились к реке.

Шли прямо по пересохшему руслу, цепляясь за длинные, еще влажные стебли осоки и не успевшие обвянуть водоросли. По гряде камней взобрались на плотину и увидели вихрящуюся поверхность воды, заливавшую ущелье. Даже Малинский, казалось, в тот момент растерялся.

—Что будем делать, ребята?—спросил он, переводя взгляд с одного на другого.

Все молчали...

Но нашелся все-таки человек, сумевший раньше остальных спокойно и деловито оценить случившееся. Этим человеком был рядовой Василий Оглоблин, работавший на «гражданке» дизелистом буровых установок. Здесь, на заставе, он легко справлялся с самой трудной работой, был незаменим там, где дело касалось моторов и лошадей, и считался первым помощником Уразовского.

У ЮРИЯ И ЕВГЕНИЯ НЕЦВИТАЙ НА ДВОИХ ВСЕГДА ОДНО ПИСЬМО ИЗ ДОМА.

ИМ МОЖЕТ НЕ ХВАТАТЬ МАСТЕРСТВА, НО ОТНЮДЬ НЕ СПОРТИВНОГО АЗАРТА.

— Что делать, говорите, товарищ лейтенант? Да разбирать потихоньку завал там, где можно. Мелкие камни сами отодвинем, а большие—тросами обмотаем и лошадей впряжем. Все равно сюда никакая техника не пробьется.

Сразу же принялись за работу. Часа три без передышки пограничники разбирали завал, постепенно освобождая путь воде. Вскоре ближайший колхоз прислал еще людей, и дело пошло быстрее.

К обеду ребята вернулись на заставу. Мокрые, с исцарапанными в кровь ладонями, они молча уселись за стол и съели столько, что привели в изумление даже Якова Маймескула. Когда Яков, превыше всего ценивший в кулинарии раскладку, проворчал, что за такое количество плова он бы один разобрал плотину. Уразовский ответил, что он все равно не наелся. Тихо ворча, Маймескул стал жарить ему яичницу.

...В связи с создавшейся на участке напряженной обстановкой распорядок жизни личного состава был изменен: отменялись всякие хозяйственные работы, спортивные занятия; пограничникам, входившим в состав тревожной группы, было дано указание находиться в готовности к немедленному выходу на участок.

Лейтенант считал, что одно из важнейших звеньев в комплексе мероприятий, обеспечивающих безопас-

ность границы,—надежный рубеж прикрытия. Отгадать возможный маршрут нарушителя трудно: он идет не там, где удобнее, а, напротив, может избрать наиболее опасный и сложный путь, лишь бы избежать встречи с пограничниками. Взвесив все обстоятельства, Малинский избрал в качестве дополнительного рубежа прикрытия долину, которая переходила в каменистое ущелье.

Для того, чтобы тревожной группе попасть туда, надо было сначала подняться по крутому откосу на одну из ближайших гор, пройти по верхней кромке хребта до узкой черной трещины между двумя скалами, а там повернуть к тропе, скользящей серпантином вниз. Существовал и другой путь в долину, кратчайший, но им не пользовались с тех пор, как при спуске камнем перебило ноги лучшей лошади заставы. Так как ситуация на участке была напряженной, Малинский, чтобы выиграть время, решил все-таки послать наряд в долину по старому, хотя и самому трудному маршруту.

Спускались по очереди: если начнется оползень—внизу никого не должно быть. Первым шел сержант Бондарь. В особенно отлогих местах он спешился и брал коня под уздцы. Тогда Жилет шел смелее. Ноги сержанта почти по края сапог увязали в мелком сухом скальнике, медленно плывущем густой,

тяжелой массой вниз. На одном из выступов Жилет вдруг остановился.

— Что, струсил, Жиля, ну, потихоньку, ну, давай вместе со мной...—угроvarивал его Василий Бондарь.

Конь хрипло заржал, скосил на хозяина мутные, с красной поволокой глаза и пошел.

В то же время сержант Черников вместе с братьями Нецвитай проверил состояние инженерных сооружений. Мокрые, уставшие, они вернулись на заставу к вечеру и доложили Малинскому о том, что на левом фланге—«порядок» и что ими установлены дополнительно несколько линий МЗП (малозаметных препятствий).

В 22 часа лейтенант связался с комендантом участка и сообщил о принятых мерах. Тот выслушал его, не перебивая, только изредка произносил одобрительное «так».

— Все? Теперь слушайте внимательно. Скоро к вам прибудет группа усиления с двумя собаками. Используйте ее по назначению. Кроме этого, вас подстраховывают с тыла члены добровольной народной дружины. Но это так, на всякий случай, лучше, если их помощь нам не понадобится. Докладывайте мне об обстановке каждые два часа...

...Из служебного доклада старшего пограннаряда ефрейтора Осадчего:

«Около 1 часа ночи на сопредельной территории в «дом отшельника» зашел мужчина. Одет в длинный плащ без рукавов. Голова его была укрыта капюшоном. Неизвестный высокого роста, походка быстрая. Под плащом нес какой-то предмет. После его появления свет в доме горел еще полтора часа. В 3 часа из дома были произведены две короткие световые вспышки. Предполагаю, что это какие-то сигналы».

Когда-то в том доме действительно жил отшельник. После его смерти дом обветшал, ветры сдули с него слой краски, обнажив глиняную кладку. Стоявший в полусотне метров от границы, «дом отшельника» вот уже несколько десятилетий служил местом пристанища для чабанов и путников на той стороне. Но не только для них... Найти место, откуда было бы удобнее вести наблюдение за нашей территорией, трудно, вот почему временные обитатели «дома отшельника» всегда беспокоили пограничников.

Ночью на контрольно-следовую полосу с чужой стороны приходило стадо кабанов. Потоптавшись на КСП и разрушив контрольный валик, звери убралась обратно. Во всяком случае, так доложил начальнику заставы Осадчий. И хотя оснований не доверять опытному следопыту не было, Малинский, учитывая напряженность последних дней, решил съездить и посмотреть на следы сам. В свою группу лейтенант включил рядового Николая Титова—вожатого Десны. По реакции собаки можно было точно определить, действительно ли кабаны приходили на КСП.

Метров за тридцать до разрушенного валика Десна рванула поводок и вопросительно посмотрела на своего проводника.

— Учужала, товарищ лейтенант.

— Собаку не отпускать!

На КСП Десна присела на задние лапы и залаяла протяжно и зло.

— Кабаны. Если человек, она лает резко и приглушенно,—сказал Титов.

Тем не менее пограничники еще раз тщательно осмотрели все вокруг и обнаружили на обломанных кустах несколько клочков кабаньей шерсти. Нет, человека здесь не было, это точно. Ребята привели КСП в порядок и вернулись на заставу.

...День начинался туманом, пришедшим с белых тупых вершин, бесконечной грядой тянувшихся вдоль границы. Ветер стих, и все окружающее—горы, ореховые рощи, ущелье и долина—растворилось в серой густой тишине. Туман на границе—самое большое зло, потому что в туман можно не увидеть человека и в пяти метрах от себя.

При очередном докладе коменданту участка Малинский попросил разрешения перекрыть долину, используя для этого резервную группу.

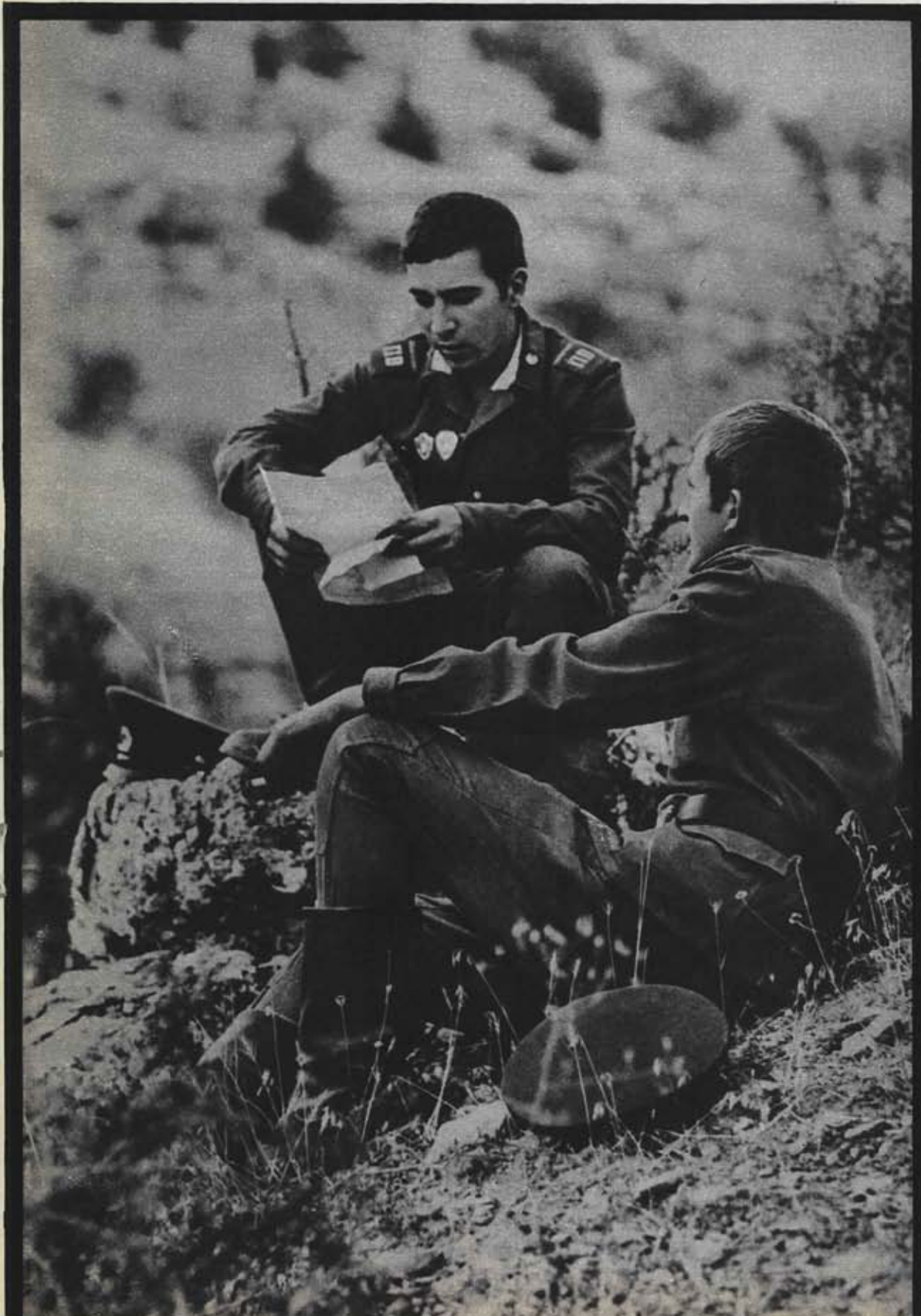
— Это единственное место, где сейчас возможна попытка нарушения границы, остальные участки почти недоступны из-за тумана.

— Действуйте,—сказал комендант.

Сержант Бондарь, который возглавил группу, расставил людей так, чтобы каждый из них находился на визуальной связи хоть с одним из своих товарищей. Яровой и Уразовский были выдвинуты вперед, к реке.

Потом, когда все кончилось, я записал рассказ людей, ставших непосредственными участниками происшедшего, о том, что они пережили в те часы.

ВАСИЛИЙ БОНДАРЬ. СТРАШНЕЕ ВСЕГО ОЖИДАНИЕ. ОТ НЕГО УСТАЕШЬ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ОТ САМОЙ ТЯЖЕЛОЙ РАБОТЫ. КАЖЕТСЯ, ЕЩЕ НЕМНОГО, И ТЫ НЕ ВЫДЕРЖИШЬ, СОРВЕШЬСЯ, ВЫКИНЕШЬ НЕЛЕПОСТЬ КАКУЮ-НИБУДЬ. ЧЕТЫРЕ ЧАСА, КОТОРЫЕ МЫ ПРОВЕЛИ В ДОЛИНЕ, НЕ СМЕЯ

ВОЕННАЯ СЛУЖБА УЧИТ МНОГОМУ.

ШЕВЕЛЬНУТЬСЯ, ПОТОМУ ЧТО ЛЮБОЙ ШОРОХ МОГ НАС ОБНАРУЖИТЬ. БЫЛИ ЕДВА ЛИ НЕ САМЫМИ ДЛИННЫМИ ЗА МОЮ СЛУЖБУ. К ТОМУ ЖЕ, КОГДА ТЫ В ЗАСАДЕ, НЕЛЬЗЯ ДАЖЕ МЫСЛЕННО РАССЛАБЛЯТЬСЯ, ОТВЛЕКАТЬСЯ. ВЕДЬ ТЫ ОТВЕЧАЕШЬ ЗА ТО, ЧТОБЫ ЗДЕСЬ НЕ ПРОШЕЛ ВРАГ.

ВЛАДИМИР УРАЗОВСКИЙ. Я ЗНАЛ, ЧТО В ДВАДЦАТИ МЕТРАХ ОТ МЕНЯ ЛЕЖИТ ЯРОВОЙ, КОТОРЫЙ ПО ПЕРВОМУ ЖЕ СИГНАЛУ ПРИДЕТ МНЕ НА ПОМОЩЬ, ТАК ЖЕ, КАК, ВПРОЧЕМ, И Я ЕМУ. НАДО БЫЛО ЛИШЬ ВЫДЕРЖАТЬ И ПОСТАРАТЬСЯ ПОДПУСТИТЬ НАРУШИТЕЛЯ ПОБЛИЖЕ. В ОБЩЕМ, В ТЕ ЧАСЫ МЕНЯ ЗАНИМАЛИ В ОСНОВНОМ

ПОГРАНИЧНЫЙ НАРЯД.

ЖАЖДА.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ДЕТАЛИ ЗАХВАТА, НИКАКИХ ИНЫХ ЭМОЦИЙ Я НЕ ИСПЫТЫВАЛ. ВСЕ ЭТО БЫЛО РАНЬШЕ, НА ПЕРВОМ ГОДУ СЛУЖБЫ, КОГДА ИДЕШЬ В НАРЯД И ВЗДРАГИВАЕШЬ ОТ КАЖДОГО ШАКАЛЬЕГО ШОРОХА И ВСЮДУ МЕРЕЩИТСЯ НАРУШИТЕЛЬ, КОГДА ДАЖЕ СЛЕД СОБСТВЕННОГО САПОГА КАЖЕТСЯ ЧУЖИМ.

АЛЕКСАНДР ЯРОВОЙ. МЫ БЫЛИ НА САМОЙ ПЕРВОЙ ЛИНИИ, И Я НЕ СКРОЮ, ЧТО ГОРДИЛСЯ ЭТИМ. КАЖДЫЙ ИЗ НАС ДАВНО ГОТОВИЛ СЕБЯ К ПОЕДИНКУ С НАРУШИТЕЛЕМ ГРАНИЦЫ И БЫЛ ГОТОВ ПРОЯВИТЬ ПРИ ЭТОМ ВСЕ СВОЕ МУЖЕСТВО И УМЕНИЕ.

Яровой и Уразовский лежали, окутанные туманом, в высокой, ломкой траве, вслушиваясь в тишину и не сводя глаз с камышовых зарослей. Мерное журчание реки не могло утаить от человеческого слуха ни одного постороннего звука. И потому неожиданный хруст камыша ударил в тишине, как винтовочный выстрел. Огромным усилием воли Уразовский подавил в себе желание тут же броситься вперед, навстречу нарушителю, который был от него в каких-нибудь тридцати метрах. Он только крепче сжал автомат и напружинил готовое к броску тело. Он слышал, как на той стороне кто-то осторожно ступил в воду и медленно пошел к нашему берегу. Еще несколько шагов — и он окажется по эту сторону невидимой черты, разделяющей территории двух государств. Уразовский на мгновение перевел взгляд туда, где находился Яровой, и увидел, как тот слегка качнул ветку кустарника. Это был условный знак: «Все понимаю, готов!» Еще несколько шагов и...

Внезапно пограничную тишину у них за спиной расколол оглушительный рев горного обвала, дрогнула земля, гулкое эхо прокатилось по ущельям, взметывая в небо сотни испуганных птиц...

В следующую секунду из воды назад, к камышам, метнулась серая человеческая тень, и, ломая сухие стебли, кто-то бросился прочь от границы.

Тот обвал — чистая случайность. Не произойди он, у нарушителя все равно не было ни одного шанса прорваться через нашу границу. Потому что ее надежно охраняют десятки, сотни людей, связанных между собой священным долгом перед Родиной, памятью о ее героическом прошлом, ответственностью перед своей совестью.

...Дня через три после того, как обстановка на участке нормализовалась, на заставу прибыло молодое пополнение. Уразовский, рассказывая молодым о том, самом «свежем» эпизоде с обвалом, говорил:

— Участок у нас вроде бы тихий, но... все равно, ребята, пограничному делу надо учиться как следует.

Андрей ЯХОНТОВ

Андрей Яхонтов в числе тех сегодняшних молодых литераторов, кто приходит в литературу не с опасной одержимостью напечататься во что бы то ни стало, опубликовать каждую написанную строку и страницу, а с упорным желанием научиться писать. Научиться писать содержательно, интересно, современно и по-своему. Если вся жизнь любого писателя — ученичество, школа самовоспитания — поэт — вечный ученик, гласит старая мудрость, — то к молодым литераторам эта истина имеет прямое отношение.

За работой Андрея Яхонтова я слежу давно. Помню его первые, не уверенные еще, однако отмеченные живой наблюдательностью литературные опыты. Потом был факультет журналистики МГУ, углубленная работа, жадное испытывание классической литературы — русской и мировой. За эти годы А. Яхонтов достаточно много узнал и обдумал, чтобы излишне торопиться или выносить на суд читателя то, в чем он сам до конца не уверен.

Поэтому напечатана только небольшая часть из написанного — рассказы, юморески, сатирические зарисовки. Имя Андрея Яхонтова, журналиста «Литературной газеты», уже не раз встречалось читателю и на 16-й полосе «Литературки», и в «Литературной России», и в «Московском комсомолец», и в тонких журналах столицы.

Чем же примечательно написанное им?

Остротой и свежестью взгляда, образного зренья.

Преимущественным интересом не к самоудовлетворяющей живописности фразы, не к «густому» письму, а к простому, стилистически не затрудненному выражению жизненных коллизий и человеческих характеров.

Склонностью к юмору, тоже не форсированному; к смешному, возникающему не из «реприз», не звонко-лихо, а из внимательного и, я бы сказал, грустно-сочувственного прослеживания поступков и судеб героев.

Живым ощущением современности не только в выборе героев или сюжетов, но и в подтексте, в скрытом, трудно поддающемся разбору, внутреннем движении его рассказов.

Инстинктивным знанием того, что самое простое, обыденное, даже «заурядное», выхваченное из жизни и точно повернутое, таит в себе огромные возможности, только концы поглубже.

Доброй иронией. Нелюбовью к длинным периодам, а особенно к общим местам и назидательности.

Может быть, это еще не все, что нужно художнику, но для начала пути, для работы, которая должна обить всю жизнь, этого, я думаю, достаточно.

Александр БОРЦАГОВСКИЙ

ЭКЗАМЕН

РАССКАЗ

У этой в общем-то смешной истории не слишком веселый конец: я перессорился с лучшими своими друзьями. Но все по порядку...

Еще с вечера я условился с Вадимом, Игорем и Мишкой прийти на следующий день в институт за полчаса до начала экзамена. Три года мы отвечали на всех экзаменах первыми, и это уже стало своеобразной традицией. Смелость первооткрывателей обычно расценивалась преподавателями весьма положительно, а иногда даже побуждала их к благородному поступку: повышению оценки на балл, что было для нас отнюдь не безразлично. Разумеется, не тщеславие нами руководило. Нет, забота самая прозаическая, житейская — стипендия. Троечникам ее не платили.

Я выехал из дома рано, до института добрался необыкновенно быстро. Заглянул в экзаменационную аудиторию и только руками развел: там уже нервно расхаживал студент нашей группы Перов. Все три года этот Перов путал нам с ребятами карты. Обычно Вадим, Игорь, Мишка и я делили экзаменационные вопросы на четыре части. Каждый готовил шпаргалку на свою долю, а на экзамене, взяв билеты, мы обменивались нужными «материалами» и с честью выходили из самых трудных положений. Если же Перов вклинивался в нашу четверку — в аудиторию выпускали, как правило, только четверых, — он не давал нам воспользоваться полным комплектом «шпор».

А ведь шпаргалка — важный моральный фактор при подготовке к ответу. Можно все знать и вдруг растеряться, перепутать, забыть. Вот я, например, совершенно не могу рассчитывать на свою память. Едва приду на экзамен, от волнения, что ли, все забываю. И тут на помощь студенту приходит его верный друг — шпаргалка. Заглянул в нее — и все встало на место, все утряслось, все улеглось по клеточкам. Чувствуешь, что успокоился. Можно идти отвечать. Мне кажется, что шпаргалка, этот феномен студенческой жизни, еще недостаточно хорошо изучена, потому и получает у многих педагогов оценку крайне одностороннюю. У многих, но не у всех. Крайнев, который читал курс истории, за хороший комплект шпаргалок ставил пятерку. Так и предупреждал: «Я не против конспектов прочитанного, если только они ваши». И он тысячу раз прав. Толково изложить огромный курс так, чтобы он уместился в записной книжке, — разве для этого не нужно обладать особым талантом?

Из-за Перова засыпался на предыдущем экзамене Игорь. Перов зашел с нами в аудиторию, а когда преподаватель попросил кого-нибудь одного подождать, нагло соврал, что у него болит зуб, и он опаздывает к врачу. Уйти пришлось Вадиму. Он, правда, оставил нам свои шпоры, но разобраться в них без него мы так и не смогли. Игорю, которому досталась трилогия Фолкнера — ее как раз конспектировал Вадик, — пришлось выкручиваться с помощью собственной «смазки». В билете стояли только названия частей трилогии — «Деревушка», «Город», «Особняк». Исходя из этих данных, Игорь сделал вывод, что с особой остротой вопрос о стирании граней между городом и деревней поставлен Фолкнером в первых двух книгах, получивших соответствующие названия. Будущее же человечества американский писатель рисует в романе «Особняк» — о большом, светлом доме, где все народы соединятся в единую семью.

Конечно, за двойку Игоря мы отплатили Перову с лихвой. Следующего экзамена — русской литературы — мы не боялись. Основной преподаватель, профессор Корчапов, заболел, а заменял его молодой аспирант Арипов. По слухам, он не поставил еще ни одного «неуда», всем студентам удавалось убедить его в том, что они знают предмет «минимум на четыре».

Три дня, предназначенные для подготовки, мы посвятили отдыху. Как-то,

расположившись на квартире у Игоря, мы вспомнили о существовании Перова и решили ему позвонить. Первым беседовал с ним Вадик.

— Слышь, Борь, — сказал он, — ты ничего не слыхал? Нет? Так ты не знаешь, что Корчапов у нас экзамен принимать будет? — Вадик тужился изо всех сил, чтобы не прыснуть со смеху. Видно, Перов здорово струхнул. — Да нет, — продолжал Вадик срывающимся от смеха голосом, — зашел в учебную часть, а мне говорят: «Ты готовишься к экзамену-то? А то, знаешь, Корчапов выздоровел, сам будет принимать...»

Вадик жаждал микрофон законую и, коротко высмеявшись, закончил:

— В общем, я тебя как товарища предупреждаю. Конечно, подготовиться не успеем — это ясно. Но, говорят, и Арипов тоже придет. Вдвоем экзаменовать будут. Вдруг к Арипову попадем... Так ты почитай что-нибудь по программе на всякий случай. Ага, не за что. Ну, привет.

Вадик положил трубку, и мы хохотали минут пятнадцать.

Потом Перову позвонил я.

— Ты слыхал, какие дела, старик? — сказал я. — Корчапов у нас принимать будет.

— Да, да, я в ужасе, — закричал Перов, — ведь столько прочитать нужно, а всего день остался. Я, наверно, просто не пойду сдавать. Все равно двойка. Правда, говорят, и Арипов будет, — выразил он слабую надежду.

— Да нет, ты что, — сказал я, — Корчапов всегда сам принимает. На Арипова ты не надейся.

— Ой, — сказал Перов.

— Ну, ладно, — сказал я, — я просто хотел тебя предупредить.

Мы еще посмеялись, и, горя справедливым чувством отищения, Перову стал звонить Игорь.

— Какой ужас, — с ходу начал жаловаться он, — говорят, Корчапов узнал, что Арипов слишком легко принимает, и решил деканатскую комиссию к нам в группу на экзамен позвать. Чтoб знания как следует проверить... Да, каждый студент будет сдавать целый комиссию...

Должно быть, после наших звонков Перов кинулся в читальню и сидел там все оставшееся до экзамена время, плодя слухи о Корчапове и деканатской комиссии. И в день экзамена решил прискакать в институт первым: авось, за смелость отметку до тройки повысят.

— Привет, — сказал я ему и про себя злорадно улыбнулся. — Слышал новость? Говорят, кто комиссия не сдаст, того из института выгонят. Так вроде бы декан с Корчаповым решили.

— Что же делать, я ведь совсем не готов, — в отчаянии забегал по аудитории Перов. — И аудитория маленькая, не спишь...

— Эту мысль ты оставь, — сказала я. — У Корчапова списать невозможно. Он и в большой аудитории все видит, а тут... Да не волнуйся, может, и не выгонят, может, это все разговоры.

Вскоре пришли Игорь и Мишка. С философским спокойствием поговорили о том, что обидно, конечно, с четвертого курса вылететь из института. Волнение Перова достигло апогея. Тем большей была его радость, когда пришел скромный Арипов в черном костюме и сером синтетическом галстуке на резиночке. Арипов робко предложил «троим товарищам студентам отдать ему зачетные книжки и взять билет».

— Почему троим, почему троим? — зашумели мы в четыре голоса. — Мы все хотим.

— А вас четверо? — нерешительно спросил Арипов.

— Да, да, четверо.

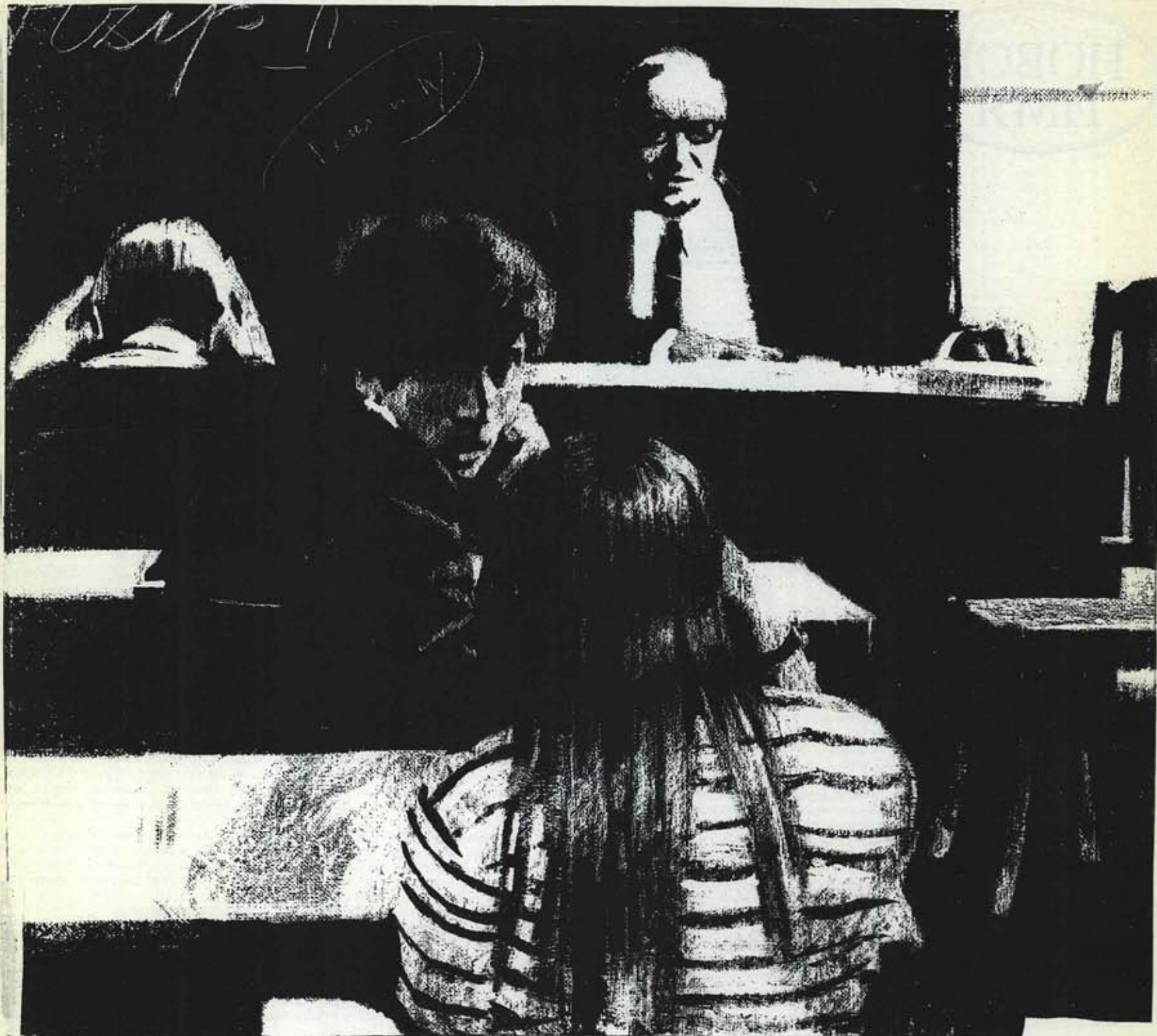

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

— Ну, тогда давайте вчетвером, — согласился он и разложил на столе голубенькие экзаменационные билеты.

Мы отдали Арипову зачетки и потянулись к билетам. На всякий случай я незаметно взял два: всегда лучше заготовить впрок. Свой выбор остановил на том, в котором первым вопросом была статья Белинского о Крылове. Конечно, можно было оставить и другой, со стихотворением Лермонтова «Валерик», но непрочитанная статья дает больший простор для полета фантазии, чем неизвестное стихотворение. И, кроме того, дедушку Крылова я все-таки читал в детстве. Вторым вопросом шло «Горе от ума». Более или менее уверенный, что уж Арипову-то сумею ответить, я положил лишний билет на прежнее место и сел за предпоследний стол готовиться. Слева от меня Игорь, справа — Мишка. Перов сел передо мной. Все сразу же полезли в портфели за учебниками — почерпнуть по возможности больше знаний. За спиной Перова я чувствовал себя спокойно, однако только успел положить учебник себе на колени, дверь распахнулась. Испугавшись, что это преподаватель, я срочно стал запикивать книгу в стол. Но тревога оказалась ложной: вошла опоздавшая Юля.

— Можно мне взять билет? — спросила она, забыв поздороваться.

— Нет, — сказал Арипов, — тут, и так четыре студента.

— Но я спешу. У меня дома водопроводный кран сорвало, — слезливо потянула она, так что меня даже передернуло. Терпеть не могу глупых девчонок. Ну кто, кроме Арипова, поверил бы в такое объяснение?

— Кран? — помямлил он. — Ну, тогда берите.

— Номер тринадцать, — пожаловалась Юля.

— Ничего, — ободрил ее Арипов, — все будет хорошо.

— А правда, что у нас на экзамене Корчашов будет? — испуганно поинтересовалась Юля.

— Правда, — сказал Арипов.

Перов, оказывается, хорошо разносит слухи, подумал я. Даже Арипова в заблуждение ввел.

Юля устроилась за последним столом, прямо у меня за спиной, и тоскливо сообщила:

— Ни первого, ни второго вопроса не знаю.

Я сочувственно вздохнул и вновь положил учебник на колени.

Арипов, видимо, почувствовав, что мешает нам работать в полную силу, встал и пошел к двери. По дороге он заметил, как нахально сдвигает с книги абзац за абзацем Игорь.

Арипов еще раз покачал головой и вышел.

Статьи о Крылове я, конечно, в учебнике не нашел и решил пока уточнить ряд деталей из «Горя от ума». Ознакомился с основными идеями великой комедии, когда вдруг услышал за спиной негромкий вскрик Юльки. Обернулся — и сам вздрогнул. Рядом с ней стоял Корчашов и благосклонно наблюдал, как она торопливо захлопывает разложенные на столе книги и тетради. Должно быть, он наблюдал за ней давно, войдя в аудиторию тихо, словно пантера.

Я молниеносно задвинул учебник в стол. Корчашов сказал:

— Так, девушка, вы придете ко мне в следующий раз.

Лицо Юльки опять смялось в слезливую гримасу.

— Я больше не буду, — затаила она. — Простите меня.

— Нет, — сказал Корчашов, — придете в следующий раз.

Юлька заплакала. У нее природный дар вызывать жалость. И на Корчашова действовало.

— Ну, ладно, — поморщился он, — берите другой билет.

— Спасибо, — сразу прекратила выть Юлька и бодро побежала менять билет.

Везет же ей! А каково мне Корчашову сдавать будет — лучше и не думать. У меня с ним свои счеты. Убегая с первой лекции Корчашова, еще не зная его в лицо, я столкнулся с ним в дверях аудитории.

— А вы куда, молодой человек?

— Меня Корчашов отпустил, — без запинки ответил я.

— Ну, раз Корчашов, тогда идите.

В тот же вечер мне позвонил Мишка и спросил, о чем я разговаривал с Корчашовым.

— С каким Корчашовым? — удивился я.

Конечно, тогдашнее чувство испуга не шло ни в какое сравнение с тем, какое я

испытал, увидев Корчащова за спиной у Юльки. Выходило, что мы с ребятами обманули сами себя: экзамен у нас и в самом деле будет принимать строгий профессор.

А он удобно устроился за столом, окинул всех веселым взглядом и спросил:

— Ну, что, гвардейцы?

— Ничего, — вразнобой и невесело ответили мы.

— Готовьтесь, готовьтесь, — посоветовал Корчащов.

Легко сказать — готовьтесь! А если знать ничего не знаешь? И к тому же не спишь. Вот вам еще одно доказательство пользы шпаргалок. Знай мы, что будем сдавать Корчащову, мы наверняка запаслись бы «вспомогательным материалом». А для того, чтобы его подготовить, исправно посещали бы библиотеку, читали дома и, глядишь, таким образом подготовились бы к экзамену.

— Ну вот, тот билет я уже выучила, — пожаловалась у меня за спиной Юлька, — а здесь какие-то песни Кольцова и «Сашка» Лермонтова. Ну, «Сашку»-то я еще кое-как знаю, а вот песни эти...

— А у тебя что, Миш? — спросил я.

— Да вот, — сказал он, — Белинский о Пушкине.

— Знаешь?

— Да у меня кое-какие конспекты есть, — как-то очень виновато сказал он.

— Откуда? — удивился я. — Мы же не готовились.

— Я ночью заметки делал. Что-то не спалось.

Я почувствовал к Мишке неприязнь. Выходит, днем он бездельничал вместе с нами, а ночью тайком писал конспекты. И никому ни слова об этом не говорил! Но демонстративно свое неудовольствие в столь напряженных условиях было просто глупо. Подавив желание съязвить, я вежливо спросил:

— Слушай, а Белинского о Крылове у тебя нет?

— Нет, старик, — сказал он, — этого нет.

— Эх, — вздохнул я, — что же делать-то?

Тут, полькнув рыжей шевелюрой, с места поднялся Перов.

— Можно мне идти отвечать? — спросил он.

— Пожалуйста, — сказал Корчащов. — Какой там у вас вопрос? Ах, «Женские образы в «Евгении Онегине». Прекрасно. Начинайте.

Перов занял место прямо против Корчащова и начал:

— Пушкину принадлежит первое место в галерее русских женщин...

— То, что вы сейчас сказали, для меня большая новость, — рассмеялся Корчащов.

— А у тебя что? — повернулся я влево к Игорю.

— Лучше не спрашивай, — махнул рукой он, — ничего не знаю. Буду на пафосе выезжать.

— А Белинского о Крылове у тебя случайно нет?

— Откуда? — сказал он.

— Как ваша фамилия? — спросил Корчащов. — Вы все время разговариваете.

— Моргунов, — повинно сознался я.

— Я вас запомнил, — сказал Корчащов.

Что запомнил? Что я разговариваю или что я ушел тогда с лекции? Очень было бы интересно узнать. Но выкручиваться все равно надо. Корчащов не Арипов. Ему без статьи Белинского не докажешь, что дедушка Крылов — великий баснописец.

— Юль, — я слегка повернул голову назад. — У тебя есть Белинский о Крылове?

— Есть, — шепотом сказала она, — а у тебя есть Кольцов?

— Есть, — обрадованно сказал я.

Какой молодец: захватил с собой Кольцова. Утром что-то в голову ударило. Думал: почитаю в метро. И вот пригодился.

— Давай меняться, — прошептал я.

Полез в стол левой рукой, а правой продолжал якобы что-то писать на листочке бумаги. Поднял глаза и увидел, что Корчащов смотрит прямо на меня. Тихонько переложил руку из стола в карман и вытащил носовой платок. Корчащов отвел глаза.

Снова опустил руку под стол — для того, разумеется, чтобы спрятать платок. Корчащов опять посмотрел на меня и покачал головой. Я спрятал платок и положил руку на стол. Решил: в третий раз не получится — больше пытаться не буду. Но в третий раз удалось. Достал маленькую книжечку и положил ее себе на колени. Взглянул на Корчащова. Что-то пишет. Быстро схватил Кольцова и, не оборачиваясь, словно дискбол, отбросив назад руку, положил книжечку на задний стол.

Юлька суетится, шуршит бумагами, шепчет наконец:

— Спасибо.

Мысленно я заставляю сердце успокоиться и не стучать с такой быстротой и ждущим, когда же Юлька передаст мне «Крылова».

— А я вам еще раз повторяю: вы плохо готовы к ответу, — говорит Корчащов Перову. — Сядьте и подумайте.

— Ну? — говорю я Юльке, полуобернув голову назад.

— Прекратите разговоры, Моргунов, — говорит Корчащов, — вы очень неспокойно себя ведете.

Я отворачиваюсь. Через несколько минут, когда терпение мое иссякает, я снова повторяю Юльке:

— Ну?

На этот раз уже с трагической интонацией.

— Не могу, — шепчет Юлька, — я боюсь.

— Ты что, спятила? — неожиданно громко говорю я.

— Нет, — непреклонно отвечает она, и я понимаю, что книжки не получу.

— Так, Моргунов, — Корчащов поднимается с места, — сил моих больше нет слушать ваши разговоры. Что вы хотите от девушки? — Он подходит к Юльке. — Какие у вас вопросы? О, песни Кольцова, «Сашка». Замечательно. Вы ведь их знаете?

— Знаю, — лепечет Юлька.

Конечно, с моей книжкой знает. А я? Что буду делать я?

Тут встает Игорь.

— Я готов. Можно отвечать?

— Да, — говорит Корчащов, и они идут к экзаменационному столу.

Справа от меня шуршит своим конспектом Мишка, за спиной перелистывает мою книгу Юлька, передо мной по новой готовится Перов. Что-то будет?

— Вы понимаете, я всю ночь не мог заснуть, — начал свой ответ Игорь. — Понимаете, снег, стужа. Да. Холодно. Я почти физически ощущаю холод, когда читаю: «Шалун уж отморозил пальчик». Понимаете? Стужа. Мороз. Холодно. И одинокая песня ямщика. Луна. Колокольчик. Стужа.

— Да, да, — растроганно согласился Корчащов, — вы совершенно правы. Это замечательно.

— Вот молодец, да? — толкнул меня в бок Мишка. — Как дело повернул! А ведь ничего не знает.

А про Корчащова, значит, верно старшекурсники говорили, что он со странностями.

— Вы мне не скажете случайно, кто такой был Рылеев? — обратился Корчащов к Игорю.

— Он был поэт, — не моргнув глазом, ответил тот.

— Спасибо, — сказал Корчащов и поставил ему в зачетку пять.

Мы с Мишкой только переглянулись.

— Ну, старик, — сказал он, — пока Корчащов в таком настроении, я счастья попытаю.

— Не вздумай сказать, что Пушкин «бичевал», Лермонтов «обличал», Гоголь «клеячил», понял? — напутствовал я его. — Корчащов этих слов слышать не может.

Мишка сел перед Корчащовым. Игорь ушел, весь сияя.

На всякий случай я решил заглянуть в Мишкин конспект. Может, хоть какие-нибудь мысли из других статей уворую. Первой же в конспекте была статья о Крылове.

Этому я вообще не мог найти объяснения. Одно дело — скрывать, что пишешь конспекты, другое — иметь нужный твоему другу и не дать. Что это? Жадность? Желание вырваться вперед, получить пятерку, заодно лишив такой возможности друга?

Надо будет рассказать обо всем ребятам, подумал я. Но и после того, как все откроется, и Мишка станет извиняться, я его не прощу. «Избавь нас бог от этаких друзей...» Это, кажется, из Крылова, иронически замечу я. Теперь нужно было решить вопрос, могу ли я воспользоваться подарком судьбы или из принципиальных соображений должен отвергнуть конспект. С минуту я колебался. Во мне боролись два желания: благородное — закрыть тетрадь и, ничего не объясняя бывшему другу, порвать с ним всякие отношения, и низменное — воспользоваться благоприятным моментом и попытаться увильнуть от двойки. Но лишь минуту одолевала меня сомнения — я положил тетрадь на место.

Тут в аудиторию самоуверенно вошел опоздавший Вадим. Он, конечно, думал, что экзамен принимает Арипов и, даже увидев Корчащова, по инерции все равно прошел немного вперед.

— Почему вы так беспрепятственно врываетесь во время экзамена? — нахмурился Корчащов.

— Извините, — попытался к дверям Вадим.

— Вадик, милый, — отчаянно зашептал я, — будь другом, напиши мне Крылова по Белинскому, пока будешь ждать. А когда войдешь, передай...

— Так, молодой человек, — вскочил с места Корчащов. — Я же вам сказал, чтобы вы подождали за дверью. А вы, Моргунов, — вы мне надоели. Сядьте на первую парту — так будет спокойнее и вам и мне!

Я покорно пересел на первый стол и обхватил голову руками. Надежда была только на Вадима и Игоря. Авось, они что-нибудь придумают.

Мишка тем временем ответил на оба вопроса и, получив четверку, ушел. Вошел Вадик. Пока Корчащов записывал номер его билета, он кинул мне на стол туго свернутую бумажку. Вот настоящий друг, с благодарностью подумал я и зажал ее в кулаке.

Разворачивать бумажку нужно было аккуратно, так, чтобы Корчащов не услышал шороха. Тем более, что после Мишки никто не шел отвечать и Корчащов скучно вычерчивал что-то на листочке.

Я перенес руки в стол и осторожно начал разворачивать сложенный во много раз листок.

Вдруг я вздрогнул от неожиданности и испуга: в аудитории кто-то запел. Я осторожно поднял глаза — пел Корчащов. Пел низким, сильным голосом, самозабвенно закрыв глаза.

С ума сошел, подумал я. Так вот он чем болел. Он, наверное, просто сумасшедший и убежал из сумасшедшего дома прямо на экзамен. А если так — я спасен!

Но Корчащов кончил свой вокализ и обратился к Юльке:

— Это я, разумеется, чтобы напомнить вам песни Кольцова.

Я вытер пот. Вот оригинал!

Юлька, ободренная таким вниманием, пошла отвечать, и я, пользуясь тем, что Корчащов сосредоточил внимание на ней, развернул тетрадный листок. Взглянул в него краем глаза... Там было всего три слова: «Иван Андреевич Крылов».

Я обернулся к Вадиму и вопросительно дернул головой.

— Извини, — прошипел он и развел руками, — не успел...

Задержаться подольше и накатать мне конспект он, естественно, не мог. Выручить друга не мог. И он тоже...

Если рассуждать здраво, Вадик вовсе не должен был, сам трясись перед предстоящим, еще и обо мне заботиться. Понятно, собственная оценка волновала его больше. Но я бы так не поступил. Попроси он меня хоть целый учебник переписать, я сделал бы это. Да и как же иначе — ведь друг в беде!

Оставалась последняя надежда — Игорь. Он ведь сдал и знает, что я горю. Авось, что-нибудь придумает.

А Юлька сыпалась самым отчаянным образом. Кольцова она с грехом пополам ответила, а вот с «Сашкой» Лермонтова ей тяжело приходилось. И кончилось дело тем, что она так Корчащову и заявила:

— Да если вы хотите знать, мне вашего «Сашку» стыдно читать было. Там такое... Если бы моя мама знала, чему меня учат!

— Двойка, — коротко сказал Корчащов. — До «Сашки» тоже надо дорасти.

Юлька ушла в слезах, появился следующий. Но от Игоря ничего не принес. И я понял, что ждать бессмысленно.

Я встал и сказал:

— Можно мне прийти в следующий раз?

— Может быть, вы хотите взять второй билет? — участливо спросил Корчащов.

— Нет, спасибо, — ответил я.

— Ты что, с ума сошел? — шепнул сзади Вадик, но я даже не посмотрел в его сторону. Вернул Корчащову билет, сложил книги и вышел из аудитории.

— Ну что, сдал? — спросили у меня в один голос стоящие у двери Мишка и Игорь.

Не замечая Мишки, я обратился только к Игорю:

— Почему ты не написал мне Крылова?

— Ты же Вадика просил, — удивился он.

— Но он не успел, а ты?

— Извини, старик, я перенервничал, — сказал Игорь. — Так устал, что как-то даже не сообразил...

...Конечно, не в таких пустяках, как этот экзамен, проверяется дружба. Но ведь и в таких тоже.

Пожалуй, на этом я и закончу. Кому интересно, что было дальше, может заглянуть в начало рассказа. Я думаю, вы уже благополучно забыли, о чем я там говорил.

Наставник — понятие, несущее в себе замечательные свойства Учителя и Мастера. Движение наставничества, заботливо пестуемое Коммунистической партией, сформировалось в явление огромной политической, социальной и нравственной силы. Оно оказывает решающее влияние на становление молодого рабочего поколения.

Завод ли, стройка, профтехучилище — повсюду наставники стараются не только помочь своим подшефным хорошо работать, учиться, но и стремятся раскрыть их лучшие задатки. Жизнь дает немало примеров того, как ученики, перенимая опыт

старших, развивая его, еще в молодые годы сами вырастают в наставников. Цепочка знаний, мастерства, высоконравственного отношения к труду непрерывна. Благодаря наставничеству миллионы молодых производственников расценивают свое рабочее место как государственный пост!

В редакцию «Смены» приходит немало писем, авторов которых интересует широкий круг вопросов о взаимоотношениях наставника и ученика. В предлагаемых читателю материалах рассказывается об опыте наставничества, о воспитании личности молодого рабочего.

ЭТОТ ТРУДНЫЙ ВОЗРАСТ...

Виктор РОЖКОВ,
мастер производственного
обучения ГПТУ № 18 г. Моск-
вы, заслуженный мастер про-
фессионально-технического
образования РСФСР

Воспитание подростка в труде...

Никто никому не даст на этот счет готовых рецептов и безоговорочных оценок. Потому что это — искусство. А оно тем и чудесно, что в нем многое спорно. Даже при большом опыте горьких выводов и трудно постигнутых истин ни один мастер не скажет: «Это надо делать только так». Мне думается, важен по-настоящему лишь собственный опыт, добытый ценой ошибок, порой мучительных, ценой постоянных поисков.

В системе профессионально-технического образования произошли большие перемены — после серьезных и очень деловых постановлений партии и правительства, направленных на укрепление ее в условиях научно-технической революции. Никогда еще жизнь, учеба, становление молодых рабочих не привлекали такого широкого и пристального внимания, как сейчас. Усилена работа по подбору кадров мастеров производственного обучения, училища оснащаются новейшей современной техникой. Гармоническое развитие подростков, их нравственное воспитание предъявляют новые и новые требования к мастеру ПТУ.

И тут я должен с некоторой горечью задать вопросы тем, кто сегодня пришел к подросткам в училище:

— Что принесли вы с собой? Что готовы щедро и бескорыстно отдать своим воспитанникам? Хватит ли сил и терпения на этих беспокойных, подчас упрямых и отнюдь не простых мальчишек? Не придут ли горькое разочарование и отчаяние после первых педагогических ухабов? Заставите ли вы по

утрам ожидать вас с нетерпением? Поверят ли они вам?..

Из многих компонентов складывается работа в ПТУ. Когда молодой мастер, подойдя ко мне, беспомощно разводил руками и произносит: «Ты поди привей любовь к работе этому чудовищу Сашке Аркуше или Лешке Миневичу», — я, откровенно говоря, не знаю, что ответить этому мастеру, и, честно говоря, не хочу.

По одной лишь причине. Мальчишку — самого трудного, самого запущенного — надо прежде всего уважать. Кроме того, непременно надо узнать о нем все, что скрыто от людских глаз. От школы, от товарищей, даже от мамы. Не ждать и не надеяться, что от одной или двух бесед по душам произойдет чудо.

Письмо от Володьки Алешина...
«Жив я, Виктор Андреевич, и здоров! Чего желаю и вам! Пришли на Урал. От самой Бухары тянули газопровод. Швов тыщу штук положил! Правда! С премии купил себе роскошный баян. Мечта идиота. Только не смейтесь! Учусь играть по вечерам...»

Я представил себе вечер в степи, полевой монтажный вагончик. И Володьку. Склонил свою вихрастую с выгоревшими за лето волосами голову над баяном и играет что-то тихое, только ему понятное.

Далеко же забросила парня судьба! Вспомнил я, как намучился с этим парнишкой из «Калужской губернии». До сих пор в памяти строй группы перед началом практики. В нем, как правило, отсутствовал по неизвестной причине Володька.

Он исчезал всегда внезапно. Среди бела дня, прямо с уроков. Появлялся в

общезитии уже к отбою. Я знал, что в Москве у него не было ни родных, ни знакомых. В ответ на мои терпеливые расспросы Володька отмалчивался или неопределенно улыбался.

— Чего с него взять? По шее за такие штуки надо! — говорил староста Яша Никитин. — Всю группу своими прогулами назад тащит...

— И зачем таких в столицу учиться зовут? — искренне удивлялся Федя Лобецкий. — Чего с ним нянчиться? Пусть домой едет...

Я как можно строже обрывал сердитых паренков и старался — безуспешно — проникнуть в причины столь частых исчезновений Алешина. Мало того, что Володька «наматывал» нам прогулы, он стал хуже учиться, с каждым днем становился все более рассеянным, все более равнодушным к жизни в группе.

До беды, как оказалось, было недалеко...

— Садитесь, — сухо сказал мне следователь и показал на стул. — Слушайте, чем занимался ваш Алешин.

На столе лежала стопка магнитофонных кассет. Я с удивлением посмотрел на Володьку. Он виновато опустил похужую на подсолнух голову.

— На этих пленках записана модная джазовая музыка, — продолжал между тем следователь. — В этом никакой беды нет. Но вслед за музыкой идут матерщина и похабщина. Пластинки, так сказать, с сюрпризом. Задержали его с ними возле ГУМа. Тех, кто снабжал его этими «шедеврами», мы накажем. Мне только хочется спросить при вас самого Алешина. Понимает ли он, что это мерзко, или нет? Будет ли он и дальше заниматься подобным промыслом?

Молчал Володька. И было ему, веро-

ятно, очень и очень тяжело. Страшно было поднять голову и встретиться со мною взглядом. Только ярко горели оттопыренные уши, а по лицу шли багровые пятна.

— Поставьте одну пленку, — попросил я следователя. Володька вскинул на меня белесые брови.

— Не надо! — прошевелил губами почти беззвучно.

Шипела и хрипела кустарная запись. Гремел в маленьком строгом кабинете капитана милиции джаз. Я смотрел в упор на сжавшегося и убитого Володьку. Пальцы его терли, терли выгоревшую, измазанную мазутом штанину. Стонала истощенным голосом, рыдала и хрипела отборной бранью магнитофонная лента.

Мне казалось, впервые в жизни Володька казнил себя так, понимая постыдный до ужаса смысл происходящего...

— Порвите все... — глухо сказал он и впервые посмотрел мимо нас в окно потемневшими глазами. Там по стеклу ползли тяжелые капли дождя.

Под ноябрьский праздник взял я у замполита училища два билета на концерт Людмилы Зыкиной. Это одна из моих самых любимых певиц. Просто мне хотелось, чтобы хорошая русская песня коснулась мальчишеского сердца, осветила его своим удивительным огнем, напомнила, быть может, о доме.

— Ну, дает Володька! Ну и берет же! — кричал Федя Лобецкий. — С мастером на концерт идет! Шастал, шастал по Москве, тунейдец несчастный! А ему билетик на концертик! Завтра я начну прогуливать...

Володька густо краснел и топтался на месте, не зная, куда деть свои по-мужски большие в кистях руки.

Пришел он за час до начала. Мокрый, продрогший, ждал меня у вестибюля Октябрьского зала. Унылое лицо его не выражало радости. Через силу улыбнулся мне, потом вздохнул как-то обреченно.

Я понял, что Володька не в восторге от моей затеи. Но мужественно приготовился к предстоящим испытаниям. Как никак, не кого-то другого, а его взял с собой на концерт мастер!

Чувствовал он себя в зале неважно в своем стареньком пиджачке с короткими рукавами. То и дело оглядывался по сторонам, рассеянно и с боязливым смущением. И только когда погас свет, он немного успокоился.

На сцену вышли баянисты. Их выступление, казалось, заставило Володьку отрешиться от окружающего мира. Окаменев, он был весь во власти звуков. В широко открытых Володькиных глазах я видел удивление. Похоже, новое, незнакомое прежде чувство охватило его, вызывая то ли радость, то ли неясную тревогу. О чем он думал, что вспоминал? Родные осины в далеком калужском селе, затерянном в лесах, прозрачную ледяную воду осенних озер, запахи скошенных луговых трав? Не знаю...

Одевался он неторопливо, словно боясь растерять это удивительное новое чувство. Шли, не садясь в трамвай, под теплым дождем. Молча. Воротник изрядно потертого Володькиного пальто был поднят.

— А знаете, — вдруг решился Володька, — почему я связался с теми? Все не потому, что я какой-нибудь жадюга до денег. Честно!.. Я баян хотел купить. Мне чуток не хватало... Возле прилавка меня те делиги сманули...

Он виновато умолк.
— А музыку я люблю хорошую. И песни, какие мамка поет, когда невеселая. У меня дома хромка старенькая осталась от отца. Так я на ней на всех свадьбах и вечерках играл... А как увидел тут баяны, аж сердце зашлось! Убысь, думаю, а куплю настоящий баян!.. И сплеховал вот... Вас подвел и пацанов в группе...

Нахлобучив на непокорные светлые вихры смятую белую кепчонку, зашагал по лужам, угловатый, широкоплечий...

Многие годы работы с подростками раскрывали передо мною удивительные, подчас неожиданные стороны их характеров. Противоречивые, наполненные взрывчатой энергией возраста,

ребята всегда поражали меня прежде всего своей непосредственностью. До болезненной остроты — жадной справедливой к ним отношения. Кипучая душевная энергия могла разрушить подростка — или создать заново весь его внутренний мир. Она порождает пронзительную и бескомпромиссную прямоту суждений, трудно уловимую для взрослых логику самопознания.

Я никогда не торопился наказывать мальчишку или осудить его за странную выходку. Сквозь, казалось бы, несложную и однообразную жизнь своих питомцев мне хотелось разглядеть причины плохого или хорошего поступка, скрытые пружины наивного и мудрого механизма.

Как необходимо мастеру завоевать доверие подростков!

Однажды по не зависящим от нас причинам группа не могла вовремя выехать с места практики. Деньги кончились. Ехать предстояло три дня. Давать телеграмму в училище было поздно. Видя мой хмурый взгляд и унылое настроение, ребята присмирели и нахохлились, уйдя в невеселые мысли.

Не унывал, казалось, лишь удивительно беспечный Вася Цыганков. Как рыба в воде чувствовал он себя среди пассажиров крохотного зала ожидания — в своем новеньком матросском бушлатике с горящими пуговицами и в расклеванных брюках, туго перехваченных ремнем с сияющей, как солнце, бляхой.

Этот бушлат был предметом величайшей гордости Цыганкова.

Подарок «брата», служившего на флоте, Васькина форменка вызвала у всех ребят в группе добрую зависть. На фоне потрепанных одежонок бушлат Васькин выглядел на редкость эффектно и красиво. Цыганков это прекрасно понимал и явно красовался перед стайкой девчонок, бросавших в его сторону отнюдь не равнодушные взгляды.

Возле станционного буфета толпились бородатые мужики-шабашники, выпивали, закусывали, не обращая на нас ни малейшего внимания. Васька о чем-то с ними разговаривал, издали бросая на нас загадочные взгляды, и не подходил к нам до самого отхода поезда.

Каково же было мое удивление, когда, погрузившись в вагон, мы недосчитались нашего Цыганкова. Он появился спустя полчаса в одной ковбойской рубашке, из распахнутого ворота которой выглядывала матросская тельняшка. Улыбнувшись мне, протянул свернутые тугим комком деньги. А ребятам бросил на столик увесистый сверток с салом.

— Это вам от мироедов... Низко кланяться изволили...

Притихли сразу ребята.
— Зачем ты это сделал, Вася? — спросил я.

Васька только шуточно отмахнулся.
— А ну вас! Подумаешь, сокровище какое — бушлат! Скоро сам в армию пойду... Другой дадут... Новенький!..

Этот случай заставил меня о многом задуматься. Попробуй кто из ребят дома, в училище, допросить у Васьки бушлат. Он не расстался бы с ним ни за что на свете. А тут без тени сожаления, понимая крайность нашего положения, мальчишка простился с подарком брата. Эта, может быть, на первый взгляд не ахти какая жертва, принесенная ради своих товарищей, была еще и обязывающим ко многому свидетельством уважения Цыганкова ко мне. Он прекрасно понимал, что в той ситуации, в которой очутилась группа, труднее всех было мне. И, как мог, он сумел облегчить положение группы и мое.

Это уважение друг к другу я считаю наиболее важным в отношениях мастера-наставника и его питомцев.

А ведь бывает иначе. Подросток вдруг начинает критически относиться ко все-

му, что делает или о чем говорит мастер. Взгляды и убеждения его почему-то вдруг становятся не по душе мальчишке. И тут уж ему не прикажешь строго и раздраженно: делай так или этак. Он в этом случае замкнется в себе, если не станет дерзить открыто и вызывающе. Все прежние мосты, так терпеливо наводившиеся мастером, могут быть безжалостно разрушены. Подросток уже не пытается определить, в какой мере действия мастера справедливы. Снежный ком взаимной неприязни вырастает до громадных размеров. Подавляя с трудом глухое раздражение, вызванное поведением нерадивого ученика, мастер сам теряет способность объективно разобраться в причине возникшей враждебности, дать самокритичный анализ своих собственных поступков, найти в них первую, едва заметную ошибку, промах...

Высокий профессионализм мастера — дело обязательное.

Ребята могут простить мастеру почти все. Не простят неумения. Не простят примитивности в показе новых приемов в рабочей практике. Насколько же важен профессионализм в наших отношениях с подростками, похожими на чуткие радары!

Вспоминается группа. Трудная, покинутая уже вторым мастером по многим, весьма неприятным причинам. Как правило, в каждом училище перед началом учебного года есть такая сиротская группа. И те, кому приходилось принимать такую группу «подкидышей», знают, насколько сложно завоевать в ней авторитет и уважение.

Мальчишки обычно встречают нового мастера с настроенным любопытством и недоверием. Соблазн прощупать, на что способен «мастик», у ребят настолько велик, что будьте уверены: они не откажут себе в этом удовольствии. Тут уж, как говорится, ухо держи востро...

Меня сразу же спросил хитроватый, с лукавой искоркой в черных глазах паренек:

— Вы у нас какой по счету будете, товарищ мастер?

— Третий, — ответил я. — Думаю, что четвертого не будет.

Шустрый мальчонка Саня Чуркин решил проверить меня уже на второй день практики. Подойдя, он протянул мне две стальные пластины, сваренные прочным швом. По журналу я видел, что Саня — один из лучших учеников. Против его фамилии стояли одни пятерки.

Однако готовность к любым неожиданностям в этой группе заставила меня мельком взглянуть в торец сваренных пластин. Так и есть! Валик шва был слегка сдвинут на одну из пластин.

Саня стоял, слегка пошмыгивая носом, с нетерпением ожидая моей похвалы. За его спиной сгрудились ребята, очевидно, знавшие уже о проделках «кореша».

— Пока, Чуркин, ставлю вам двойку, — сказал я, изобразив на лице сожаление и стараясь выдержать взгляд широко распахнутых глаз паренька. — Шов прекрасный, но прочности в таком соединении ноль.

Саня с изумлением взглянул на своих друзей.

— Да вы что?! — попробовал он возразить, демонстрируя удивление и обиду. — Шовчик что надо! Сила! Какой же вам еще?

— А ну разломи, — приказал я хитрощему мальчишке, отдавая должное его актерским способностям. — Шов, я уверен, у тебя посредине не разломится. Ну?..

Широкоплечий и неторопливый Илья Лобов ударил по Санькиному изделию кувалдой. Шов, как и следовало ожидать, весь остался на одной пластине. Ребята ликовали, хлопая рукавицами по брезентовым плечам своего товарища.

Санька был посрамлен.

Однако «экзаменом» он остался весьма доволен.

— Извините, Виктор Андреевич! Это мы и того мастера так проверяли... Он мне тогда пятерку вкатил! А на вас осечка вот вышла. Двоичку вы мне законно влепили сейчас!

В тот первый день практики, не сумей я тут же раскрыть Санькин подвох, мог бы разделить я печальную участь своего предшественника...

...В фантазии и коварной выдумке парням не откажешь. Недавно, вынужденный переменить в распределительном щитке, мальчишки погрузили в темноту всю электромонтажную мастерскую у молодого, только что пришедшего к ним мастера. Покопавшись при свете спичек в щитке и не найдя причины неисправности, мастер отпустил своих питомцев, к величайшей их радости, с занятий.

Я не ошибусь, представив, о чем говорили эти ребята, расходясь по домам...

Был у меня в группе очень запущенный, как принято говорить, мальчишка — угрюмый и нелюдимый Тимка Огнев. Пришел он в группу позже всех на два месяца.

Честно говоря, не хотелось мне принимать этого парня. Группа уже сдружилась, окрепла, а судя по внешнему виду новичка, хорошего от него ожидать было наивно.

На уроках Тимка ничего не делал. Рисовал в тетрадках какие-то зловещие скелеты, беспечно покуривающие на могильных холмиках, коньячные бутылки и скрепленные ножи, подозрительных типов в техасских шляпах с кольцами за поясами...

Короче говоря, все преподаватели уже через неделю умоляли меня отдать Огневу документы и навсегда избавить группу от его общества. Актив мой во главе со старостой и комсоргом хранил непонятное молчание.

Я побывал у новичка дома. Отца у Тимки не было. Матери я не застал дважды. Пришлось поговорить о семье Огневых с соседями. Услышал

примерно вот что: «Дуська-то? В торговле она! На улице апельсинами и яблоками торгует день и ночь... Тима? Что вам сказать... Как былинка в поле...»

Эти слова не выходили у меня из памяти, когда я разговаривал с Огневым или наблюдал за ним. Какая-то совсем не детская тоска, что ли, была спрятана в глубине зеленоватых, похожих на щелчки глаз. Он никогда не смотрел прямо. Тут же отводил взгляд, если чувствовал, что его изучают.

В группе он ни с кем не дружил. Заканчивались уроки, и он исчезал из училища. На наши мероприятия шел с явной неохотой, как-то насмешливо поглядывал, с затаенным превосходством, презрительно, если я предлагал ребятам пойти, скажем, в Третьяковку или в поход.

На практике он работал по принципу: лишь бы день прошел. Мои попытки проникнуть в его внутренний мир наталкивались на непроницаемую стену молчания. Какое-то раздраженно-безучастное выражение появлялось на лице парнишки, когда я пробовал поговорить с ним по душам.

Как назло, с приходом в группу новенького у рабочих в раздевалке стали пропадать деньги. Заканчивая смену, они мылись в душевой вместе с моими ребятами. Подозрение явно ложилось на «пэтзушников».

— Известное дело, Андреич, твои безобразничают,— говорил бригадир цеха Иван Петрович.— До вас булавочной головки не пропало ни у кого... Как вы появились со своей братией, так началось...

Я терялся в догадках. Казалось, я знал всех своих мальчишек, верил им, не мог допустить мысли, что кто-то из них вор...

— Как появился этот хлюст в группе, так и пошло,— мрачно сказал староста.— Скажите, что не так?

Я знал, что он имеет в виду Огнева.

— Гнать надо в шею этого фрукта, пока не поздно. Еще не такое выбросят... Опозоримся на все училище и завод.

Не знаю, что чувствовал Тимка в те моменты, когда вся группа, сидя в раздевалке, гадала о пропаже денег у рабочих. По его непроницаемому лицу с угрюмо сдвинутыми бровями и крепко сжатыми губами можно было предположить: он догадывается, что ребята думают на него.

Буквально в следующую получку произошло такое, чего никто не мог ожидать. Забыв мочалку, Тимка выскочил из душевой обратно в раздевалку. И вдруг увидел одного из рабочих, торопливо роющегося в кармане своего товарища...

Огнев бросился на вора. В точные, злые удары Тимка вкладывал всю горечь несправедливой обиды, нанесенной ему по вине этого подонка с оплывшей от пьянок физиономией... Застыли в дверях, в хлопьях пены, мои ребята, не решаясь остановить разъяренного, похожего в своей ненависти на тигренка Тимку. Стояли, остолбенев от неожиданности, рабочие и тоже не пытались унять паренька...

Надевая рубаху, Иван Петрович сказал четко и громко:

— Вы уж простите нас, ребятки... И ты, Андреич!

Физиономии моих парнишек светились радостью. Снять такое пятно с группы! И кто снял! Мрачный шкет. Нелюдимый бедолага!

Каково ему? Почти всегда один. Матери, кажется, никогда и не бывает дома. Может, поэтому замкнут и всегда непонятно угрюм Тимка... О чем он думает, оставшись наедине? Сам готовит себе ужин и завтрак. Один ложится спать в пустой квартире. Странная, непонятная жизнь у этого паренька. С кем он дружит во дворе?

Позже я узнал многое. У вихрастого малыша Тимки, похожего на веселого чижа, был отец—большой, сильный и добрый. Потом отца не стало.

Мать приходила все чаще и чаще пьяная, раздраженная и замкнутая. С красными от мороза, негнущимися пальцами. Тимка жил, как хотел. И все это, словно невидимая пыль, ложилось на его душу, покрывало ее ржавым налетом равнодушного отчуждения. Он грубил, научился ругаться. С рыжим соседским Санькой спекулировал возле кинотеатров билетами.

По вечерам собирались в подъезде, придумывали «развлечения». В почтовых ящиках на дверях квартир вспыхивали газеты...

Рыжий Санька занялся хищением на вокзалах и вскоре «загрел» в колонию. Не миновать бы и Тимке его пути, если бы не решил он вовремя податься в «ремеслуху»...

— А сейчас как тебе живется, Тима?— спросил я его позднее, когда уже прочно, надежно «вписался» он в группу.— Не жалеешь, что к нам пришел?

— Что вы!— удивился он.— Мне хорошо с вами... Я не знал, что такие все парни в группе отличные...

— Как мама?— решился я на нелегкий вопрос, не будучи уверен, что Тимка на него ответит. Он и впрямь съезжился, но тут же распрямылся, как тугая пружина.

— Она ничего, мамка-то... Тяжко ей, конечно, без бати... Я понимаю... Выплевает вот... Но это так, с тоски...

У меня как-то уж очень грустно екнуло сердце. Обычно в таком возрасте подростки безжалостны к взрослым, даже к своим близким.

Тимка же любил и, как мог, оберегал мать от посторонних глаз и грубого слова. Поняв это, я не стал больше ни о чем его спрашивать. А он вдруг с какой-то радостной надеждой сказал:

— Вот окончу училище, и тогда мы с ней во как заживем! Армию отслужу, порядок будет! Москва тоже не сразу строилась... Правда же?!

Я шел с ним рядом и думал: как хорошо, что училище, группа стали вторым домом для Тимки. Ледяная кора словно бы таяла на сердце мальчишки от живого участия к нему окружающих, Тимка радовался, что ему все верят и никто не сомневается в его честности, что нашел товарищей, друзей...

И еще я подумал о том, как важно мастеру знать духовный мир своих питомцев, не рассчитывать на какой-то фатальный случай, не ждать педагогического чуда, момента, когда ученик сам раскроется в соответствующей ситуации.

И снова вспоминаю я своего веселого и удивительно непостоянного Васю Цыганкова. Сорвавшись на экзаменах в техникум, он появился у меня в группе. Нельзя сказать, что мальчишка с воинственно взлохмаченным смольняным чубчиком очень уж переживал крушение своих надежд и планов. Через две-три недели он и думать забыл о прежней мечте стать энергетиком. Бывает, подумав, какая важность!.. Из ПТУ тоже выходят отличные парни—электромонтажники, сварщики, в общем, дельные ребята. Мопед или там, к примеру, магнитофон для них через два-три месяца после училища не проблема...

Однако, поработав в слесарной мастерской с месяц, Вася заметно сник и утратил интерес к окружающему миру. Его явно угнетало стоять за слесарным верстаком и опиливать плоскости будущего молотка, не отклоняясь ни на долю миллиметра от размеров на чертеже.

Подойдя как-то ко мне, он сказал вдруг тусклым голосом, стараясь не глядеть в глаза:

— Знаете, Виктор Андреевич, тоскливо на сердце, аж волком вот-вот взвою!

Уйду я, пожалуй, от вас... Не станете ругать?

— Не стану,— ответил я ему в тон.— Только ведь пожалеешь потом, Вася...

Он улыбнулся.

— Что вы! За баранкой не заскучаю! Шофером пойду к бате в автопарк... Летишь по шоссе—ветер стонет! А тут пилишь, пилишь, в глазах зеленеет с тоски.

— Ну, еще месяц, а там сварка пойдет, электромонтаж,—попробовал я возразить ему.— Потерпи малость... Электрик или сварщик ты—все равно обязан иметь слесарные навыки. Шофер тоже не шофер, если не умеет напильником и зубилом работать. Подумай!

Вася, задумчиво склонив голову набок, отмахнулся.

— Там слесарей-ремонтников навалом! Шофер с рейса в козла колотит, а его телегу чинят...

Упало у меня сердце совсем, когда следом за Васей ко мне, краснея, приблизился и Толя Ежиков.

— Я тоже с Васькой смотаюсь... Думал, сразу электромонтажником стану, а тут слесарить надо полгода...

К своему ужасу, я понял: вся группа, наострив уши, прислушивалась к нашему разговору.

Спасли меня от полного краха случай и риск...

Срочно в далекую командировку требовалось направить группу электромонтажников. Там, в таежных глухих дебрях сибирской трассы, и началась для моих ребят первая производственная практика.

Никогда не забуду, какой радостью засветились глаза мальцов, когда мы увидели в лесном урочище крохотные путевые вагончики лэповцев! Как разглядывали они, присмирав, бородастых и добродушных монтажников. Любовались их обожженными морозными ветрами лицами, их выдавшими все на свете кирзеевыми сапожниками и ватниками, перенимали их неторопливую, какую-то вразвалочку, особенную походку и восхищались стальной крепостью огрубевших рук...

— Да я тут согласен до смерти работать!—восторгался Вася.— Мечта и сказка!

ТА ЗАВОДСКАЯ ПРОХОДНАЯ, ЧТО В ЛЮДИ ВЫВЕЛА МЕНЯ

Александр СОЛОДОВНИКОВ.

фрезеровщик Оренбургского станкостроительного завода

Я смотрел на разгоряченные лица ребят, видел веселые отблески костра в их по-детски открытых глазах и беспокоился лишь об одном: не пропадет ли этот восторг, не заскучают ли по дому, не угаснет ли опять первым Вася Цыганков, с завидным аппетитом уплетающий сейчас за обе щеки горячую картошку из алюминиевой миски?

...Погасшая под утро печка. В темном вагончике лютый холод. Только светятся мохнатые от инея маленькие оконца. Спят, накрывшись одеялами и ватниками, ребята.

На улице беснуется буран. Работы временно прекращены. Кажется, нет сил, способных вывести людей на трассу. А время не терпит. Весна придет незаметно. И тогда конец всем работам: развезет, затопит урочище. Не пройти, не проехать...

В кромешной тьме едва различаю удивленное лицо бригадира Антипыча. Почесывает под свитером спину. Зевает. Не желает даже и слушать меня.

— Очумел ты, что ли?! Померзнут, как воробы, твои пацаны, Андреич! Под суд захотел? Иди спи!

Посапывают во сне ребята. И впрямь жаль будить их. Сажу на койке, набросив на плечи ватник. За дверью бесится ледяная мгла. Не замечаю, как задремал...

Кто-то невидимый трогает меня за плечо. Староста Яша Никитин. Широкоплечий, плотный паренек. Наш «батька», как любовно называют его в группе ребята. Авторитет — позавидуешь! Побаивается и слушается его даже Цыганков.

— Ну что? Бужу братву, что ли?..

Белая тьма поглотила крошечные фигурки.

Увялая по колено в сугробах, идем к насыпи. В соснах гудит снежный буран. Спит глаза: Обрывает дыхание.

— Костер, ребята! — кричит Васька.

Вспыхнула смоляная пакля. Веселое, еще холодное пламя скользнуло по сухим сучьям, загудело, завихрилось...

Еще один костер разгорелся рядом. Уходила сонливая утренняя дрожь. Васька уже ставил в костер ведро с кабельной массой. Яша Никитин с Илюшкой Найденовым долбили у основания будущей опоры земляную впадину.

«Молодцы! — думал я. — Ни одного нытика!»

Росла цементная кладка. Застывал стальной пепельно-серый цемент. Через час у насыпи возникли в своих мохнатых шапках монтажники Антипыча. Как только узнали, что мы вышли на трассу, не выдержали, пришли...

Стояли, покачивали удивленно головами, хлопали по ватным коленям своими овчинными рукавицами. Ну и мелюзга! Удивили бывалых таежников!..

— Как дела, монтажники?! — кричал, натирая снегом раскрасневшееся лицо, Васька. — Поздравляем с прогрессивкой!..

Я с улыбкой смотрел на своих воспитанников в уже пообтершихся, програвших у костров ватниках, в шапках-ушанках с оторванными тесемками. Знаю, этот день никогда не забудут мои мальчишки. В это утро они одержали нелегкую, быть может, самую первую в жизни победу! Она проверила их и на изгиб, и на скручивание, и на сжатие. Так испытывают металл на прочность.

Убежден: чем прекраснее и труднее у подростков цель, чем сложнее препятствия на пути к этой цели, тем сильнее и ярче должны проявиться скрытые в них волевые качества, творческий азарт, смекалка.

Есть на свете удивительная профессия — гранительщик алмазов. Особым чутьем мастер находит и оттачивает те единственные и неповторимые грани, которые заставят потом вспыхнуть камень ослепительным пламенем. Мастер может и должен найти драгоценные и неповторимые грани человеческих характеров в своих питомцах.

...Люди планеты Земля будут вечно приносить цветы к бронзовому монументу первого космонавта. Чистый, как горный хрусталь, юноша, ставший уже при жизни легендой, когда-то с величайшей гордостью носил черную шинель с голубыми петличками и фуражку с серебряными молоточками. Форму ученика ремесленного училища... И я крепко завидую мастеру, сумевшему найти чудесные грани удивительной воли и мужества в простом паренке из Гжатска — одном из миллионов замечательных наших ребят, воспитанников Золотых Резервов Страны!

Рисунки Михаила ПАПКОВА

Помню, привезли мне из литейки заготовку, сунули чертеж.

— На. Делай!

Ну, в простейших чертежах я разбирался: десятилетка за плечами. А тут, как развернул лист — линии, цифры, прямо темный лес! Ни поставить деталь на станок, ни фрезу подобрать не могу. Приходит через положенное время мастер с готовой деталью, а я от стыда и глаза не знаю куда спрятать.

— Что, еще не сделал? Плохи дела...

Не знаю, одолел бы я непокорную деталь, не подожди в тот момент фрезеровщик Вячеслав Александрович Ортенберг.

— Давай вместе разберемся.

Наука у него была простая: стои рядом, смотри, если что непонятно, спрашивай. Вскоре мои затруднения были разрешены, и я даже поразился: да как же сам не сумел додуматься, ведь все так просто! Потом уже понял: только в руках настоящего мастера любое дело кажется простым и легким.

Хороший фрезеровщик, знакомясь с новым чертежом, уже видит за схемой готовую деталь с плавными линиями, последовательность всех предстоящих операций. Но нужно обладать еще даром творческого воображения, чтобы, отталкиваясь от привычной технологии, предложить другую, неожиданную, которая резко сократит время обработки детали или даст значительную экономию материала.

Сдал я на разряд, начал работать самостоятельно. Но в наших отношениях мало что изменилось. Как и всегда, что бы ни делал, чувствовал дружескую поддержку старшего товарища.

Теперь-то я точно знаю, что не мне одному повезло на хорошего учителя. За двадцать лет работы на заводе мог убедиться в том, что приобщение молодежи к вершинам мастерства — главная традиция станкостроительного. Сколько времени надо молодому фрезеровщику, чтобы овладеть станком, почувствовать фрезу или резец как продолжение своих рук! Как тут обойтись без помощи старших?

— Волнуешься, переживаешь? — говорит Павел Константинович Усов стоящему рядом новичку Жене Хлынину. — А это даже хорошо, что волнуешься. Лучше лишнее волнение, чем равнодушие. Думаешь, и я сразу фрезеровщиком стал?

Усов подводит стол с поковкой к фрезу. Еще несколько точных движений, и ножи фрезы начали вгрызаться в сталь.

— А теперь сам попробуй.

В любом деле, убежден Усов, каким бы скромным и неприметным оно ни казалось, человек способен подняться до высот подлинного искусства. Таких людей у нас на заводе десятки. Вот, к примеру, разметчик (он же и строгальщик и слесарь) Петр Иванович Сухоруков. Через его руки прошли тысячи станин — и ни одного случая брака. Сто процентов отличного качества! Надо видеть, как глубоко переживает Петр Иванович, если кто-нибудь из строгальщиков неточно сделает деталь по его разметке. И я его понимаю. Научился он чувствовать технологический цикл цеха, как хороший музыкант свой инструмент, и малейший срыв в работе для него словно фальшивая нота на концерте. И еще мне в нем нравится, что никогда не боится он «унизить» свое рабочее достоинство каким-нибудь мелким, черновым делом. Есть ведь еще такие специалисты: им подавай только квалифицированную работу, на которой можно блеснуть мастерством, отличиться.

Чем значительнее общие успехи, тем нетерпимее, неприятнее задевает любое проявление равнодушия, нечестности, халтуры. А они, к сожалению, еще есть. Нет-нет и столкнешься с таким горе-работником, который свою работу рассматривает как тяжкую повинность. Мы нередко критикуем того или другого начальника за слабый контроль, за плохое руководство. И это полезно для дела. Но первопричина брака, низкого качества продукции часто кроется в холодных ремесленниках, забывших свою рабочую гордость. Разговариваешь иногда с человеком, а он даже стыдится собственной профессии. Конечно, такой никогда не станет отдавать работе все силы и способности. Вот и выходит, что прививать любовь к профессии так же обязательно, как выполнять план.

...Шестой месяц продолжается трудовая вахта молодежи в честь 60-летия Октября. Комсомольцы, как обычно, советовались со своими наставниками, какой реальный вклад в это движение может внести молодежь завода за 60 ударных недель. Подсчитали вместе возможности каждого и выяснили, что смогут к юбилейному дню сделать сверх плана два поперечно-строгальных станка новой модели. В счет комсомольского обязательства уже отработаны десятки нормо-часов. Не всегда все ладится в работе: станки-то новые, сложные. Но в такие трудные минуты обязательно приходит на помощь человек щедрой души и большого рабочего мастерства — наставник...

Владислав БАХРЕВСКИЙ. Фото Юрия УСТИНОВА

РОДНАЯ ЖИЗНЬ

Вроде бы обычная история. Сашка Соколов с пути сбился.

Катилась жизнь гладкая, беспечная. Восемь классов позади: хочешь — в десятилетку ступай, хочешь — в техникум или в ГИТУ. Пошел в техникум.

А дружки зарабатывать захотели скорее Сашкиного. Пристроились кто куда, денежками шуршат, бахвалятся. Каждую получку, как «положено», обмывают, и Сашка, безденежный, с ними.

Дальше, как в плохо придуманном фильме. Бросил техникум. Приятелей нашел других. Эти о деньгах толковали со вкусом, о больших, легких. Тому, мол, наживать на руках мозоли не надобно, у кого голова есть...

И недолго пришлось бы сказывать старую сказку, если бы не Кузнецов Николай Александрович с Горьковского автомобильного завода.

В молодости Николай Александрович комсомольским секретарем был. К нему и пришли Сашкины родители, бывшие его комсомольцы.

— Николай, помоги! Возьми парня к себе в бригаду...

Такая уж слава за Кузнецовым: если дитяtko неразумное вот-вот на кривую дорожку вступит, к Николаю Александровичу бежать надо. Этот спасет и выводит.

Николай Александрович Кузнецов ходит медленно, слова сказать не торопится. Смотрю: вроде бы человек суровый, в себе весь. Не сразу разглядишь под дужками очков тяжелые трещины морщин, которые от хорошего дела и слова тотчас собираются в солнышко, и тогда понятно: добрый человек перед тобой.

Повернись жизнь по-другому, был бы Николай Александрович учителем. Но в жизнь он вступал в сорок пятом, с четырьмя классами. Сам — костромич из-под Шарьи. В войну, мальчишкой, — в колхозе. В те времена колхозная работа — куда пошлют. Но его частенько в кузницу посылали, на подмогу. Отец у него был кузнецом, и дед, и прадед.

ВОЗРАСТ РАЗНЫЙ, ЗАБОТЫ — ОБЩИЕ...

Фамилию из-за ремесла потеряли. Были они Кудрявцевы, но люди их иначе как Кузнецовыми не величали. Уличное прозвище стало фамилией.

По первому послевоенному оргнабору попал Николай Александрович в город Горький, в ремесленное училище. Вышел из него в сорок седьмом году слесарем-инструментальщиком.

На заводе приняли молодых ребят не потережнему. Не захотели некоторые рабочие делиться заработком с новичками. От новичков какая производительность? Одна забота с ними, а по разряду он такой же специалист. Вот и нажали на ребят: хочешь остаться в цехе, ступай, проси, чтоб с тебя скинули пару разрядиков. Коля Кузнецов не пошел, а кто и спасовал.

Со временем, конечно, история всплыла, виновных наказали, но ведь такой «урок» сколько вреда молодому может принести: в школе учили, что рабочий класс — это самая светлая сила, а они, рабочие, вон какие!

— Легче всего от новичка потребовать: хоть умри, а норму выдай! Но ведь новому человеку привыкнуть к цеху нужно. Шумно, машины огромные, как тут не оробеть? Маленьким себя человек чувствует, потерянным. А нам нужен хозяин. Чтоб понимал парнишка: все эти машины не на его бедную голову, а для него, для облегчения его труда.

Николай Александрович сказал и улыбается, смотрит, так ли ты понял. Потом опять говорит:

— Раньше ведь тоже наставники были, только по-другому назывались — шефы. Я своего учителя, Анатолия Семеновича Левина, до сих пор в пример ребятам ставлю. Он и теперь еще слесарей готовит. Только в мою молодость шефство было стихийным. Кому-то из старших приглянешься, он тебя и опекает, обижать не дает, показывает, как ловчее сделать то или другое. Теперь завод скреплен наставничеством.

И опять два солнышка на меня. Николай Александрович знает цену точному слову, услышанному и своему тоже. Сказал удачно — обрадовался. Это в нем опять от педагога.

— Я на заводе тридцать лет. — Николай Алексан-

дрович, сам того не замечая, положил на стол перед собой натруженные руки. — Ведь что должен понять молодой парень, когда его пропустили через проходную завода? И не умом понять, объяснить там как-то себе, всем существом уразуметь должен, что завод — это его семья. А семья — это семья. Тут и любовь, и обиды, и радости. Одним словом, родная жизнь.

Горьковский автомобильный завод по площади, по количеству занятых на производстве и на всяких службах людей — город.

Изготовить автомобиль с браком — никуда не годное, но ведь поправимое дело, а вот когда на человека ставят штамп «негодный», а негодному всего 17 лет, это уже сверхбесхозяйственность.

В большой семье, говорят, не без урода. Но не пожелал рабочий класс автомобильного завода в городе Горьком исповедовать старую истину.

Начинанию дали имя: «Ни одного отстающего рядом!» Обосновали философски, подсчитали математически. Можно диссертацию защищать, и кто-нибудь защитит, а суть дела проста: рабочие поднялись на защиту своего рабочего звания.

Тот же Сашка Соколов, не попади он в комсомольско-молодежную бригаду ремонтников Кузнецова, пополнил бы собой когорту тех, у кого есть свои, личные причины проливать горькие слезы, глядя «Калину красную». А Сашка поработал год у Николая Александровича, к учебе опять потянулся, поступил в вечерний техникум, в комсомол приняли, а комсомольцы избрали его комсоргом.

— Выравнился парень, — говорит Кузнецов. — Отметили ему бригадой восемнадцатилетие. Проводили в армию. В армии он секретарь комсомольской организации части.

Я говорил уже, что у Николая Александровича талант педагога. Он интуитивно понимает, что одного пожилого человека на дожину молодых парней хватит ненадолго. Но он один никогда и не работал, у него всегда в бригаде три-четыре человека, которым он доверяет как самому себе.

— Ребята в партию вступают, кончат заочно институты, да и опыта им не занимать...

В 1975 году, когда страна готовилась отпраздновать тридцатилетие Победы над фашизмом, пришли к Николаю Александровичу четверо его парней: Володя Еремеев, Виталий Бутин, Володя Коробов и Саша Соколов.

— Лица у всех красивые: то ли переругались, то ли от сильного ветра — с улицы пришли. А все — мой костяк. Еремееву и Бутину я рекомендации в партию давал. Бутин у нас депутат райсовета. Еремеев тогда еще техникум заканчивал. Ушел он теперь от нас, еще одного вырастили... Саша — комсорг. Коробов — самый взрослый парень, 27 лет. «Что случилось?» — спрашиваю. «Пока ничего». «А что должно случиться?» Переглянулись, расселись. Повели издали. Мы, мол, люди молодые. Войны не видели. А тут праздник Победы. Хочется к нему не косвенное отношение иметь...

Я слушаю, жду. Все они свои слова сказали, добрались до сути: «А что, если каждому из наших парней отработать часов по шестьдесят бесплатно, в Фонд мира? В честь тридцатилетия». Пойми, мол, Николай Александрович, взбодрить ребят хотим, от земли маленько приподнять.

Гляжу на парней, на длинноволосика Сашку, других своих лохматых вспоминаю. «Думаете, не поддержат?» — спрашивает Еремеев. «Думаю, что поддержат... Только ведь это не субботник. Это ведь месяца на три растянется. Одно дело — взрыв энергии, и совсем другое — долгое да ровное горение». «Так в том-то и дело, — говорит, — на войне люди не три месяца, а четыре года отдыха не знали». Это Сашка. Сашка, который год назад легких денег искал. «Ладно, — говорю, — решим завтра окончательно».

Кто, думаете, за голову схватился? Родители. Как? Без выходных три месяца? И почему обязательно бесплатно?

Детям пришлось внушать родителям, что не могут они брать деньги за эту работу. Что это не прихоть, что это не ради молвы. Для себя им это нужно, чтобы почувствовать... Слов не хватало. Надо ведь было говорить высокие слова. А их лучше не говорить, их лучше носить в себе, не расплескивая чувства.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ГЛАВНЫМ КОНВЕЙЕРОМ.

Комсомольско-молодежная бригада слесарей и инструментальной оснастки производства грузовых автомобилей рамного цеха — таково полное наименование бригады Кузнецова.

Председатель совета наставников цеха, член парткома производства грузовых автомобилей, член заводского совета наставников, член горкома КПСС, член редколлегии заводского радио, кавалер ордена Трудового Красного Знамени и ордена Трудовой славы III степени — такова общественная анкета Николая Александровича.

— Наше дело — сотни ловить.

Сотки миллиметра. Бригада Кузнецова занимается ремонтом штампов. Вахту в честь тридцатилетия Победы решили отработать на производственном участке. Ремонт — это всего лишь ремонт, хотелось бы создателями.

Встали на место штамповщиков, и сразу пошли открытия, и все неприятные. Оказалось, работать на штампах неудобно: спина болит, руки болят — за смену нужно сделать по крайней мере двенадцать тысяч движений. Но это не самое страшное: того и гляди штамп сделает двойной ход — и рука всмятку.

Раньше ремонтники о работе штамповщиков не задумывались. Это их не касалось. И вот теперь почувствовали все от начала до конца на себе, а ведь всего четыре смены простояли за штампами (начальник цеха попросил бригаду заниматься ремонтом).

Но эти четыре смены дали бригаде и цеху много. Тотчас было предложено и принято автоматическое устройство, которое освободило рабочего от хлопотной и опасной операции — снимать из-под пресса деталь. Теперь сьем делает автомат. Рабочие избавлены от опасности тяжелых травм, производительность труда поднялась.

...Недавний выпускник ГПТУ, рабочий без стажа хозяином проходит по цеху. Его взгляд придирчив. Он пытается охватить работу всего производства, найти уязвимые звенья.

Творческая мысль разбужена.

Когда работали три месяца без выходных, в бригаде было празднично. Но после праздников неизбежны будни.

Побавался Николай Александрович будней. Не размагнитились бы ребята. И чтобы праздник остался праздником, хотя бы в памяти, Николай Александрович сыграл большой сбор бригаде.

Пришли матери и отцы подростков, пришли жены парней постарше, и сам он пришел с женой и сыном-десятиклассником.

Взяли в завкоме автобус, поехали по историческим местам Горького.

Кремль древнего Нижнего Новгорода над кручей. С птичьего полета глядишь на паромы, на суетливую жизнь улиц, на высокие дымки далеких заводов, на весенний зеленый простор Заволжья и ищешь невидимую черту слияния Оки и Волги...

Бригадой прошли вдоль кремлевской стены, где разместились выставка боевых машин и орудий прошлой войны, которыми город Горький снабжал фронт.

Постояли у Вечного огня, трогая руками холодный мрамор плит... Они понимали, перед каким огнем стоят, какая земля у них под ногами и какое небо над головой.

Ну, что такого они сделали, молодые парни с автомобильного? Чуть больше других поработали. Поработали до усталости. Но в первый раз, может быть, молодые почувствовали себя ответственными людьми.

У Вечного огня посетило их молчание. Молча, всей группой, с матерями, с отцами, с женами, пошли вслед за Николаем Александровичем через реку к памятнику Ленину. И родители и жены, в штывки принявшие «выдумки Кузнецова», тоже прониклись чувством ответственности. Ведь это их дети, их мужья приняли на свои плечи особую ношу.

Удивительный получился день.

Удивительно немногословный.

Удивительно значительный.

А летом, в выходные, за грибами они ездят. Еще цехом гоняют в футбол: наставники и ученики. Ничего, наставники держатся. У них ведь не только «старички».

— Наставничество — великое дело, если только оно не на словах. — Губы у Николая Александровича во второй раз за нашу беседу сжимаются плотно и жестко. — Знаю, и так бывает, пришел подросток на производство, подвели его к рабочему, пусть к хорошему рабочему, к мастеру своего дела: вот тебе наставник. А у наставника характер. Но и у подростка характер. Глядишь, не любят люди друг друга. И вместо наставничества бумажная формальность. Слышали, теперь часто в медицине говорят: совместимость. В нашем наставническом деле без совместимости мертво.

Но если на доверчивость отзывом — доверие, все в порядке, это и есть совместимость. Тогда можно утверждать, что новичку нужен именно этот наставник, именно этот человек, а не другой, хотя у другого производственные показатели выше и в художественной самодеятельности он солист.

Саша Новиков в армии отслужил, в бригаду вернулся. Он наставник младшего брата Сергея. Но по родственному старшинству, а потому, что Сережа уважает старшего брата, старший брат для него авторитет.

Наставник и подросток берут взаимные обязательства: один обязуется научить, другой овладеть. И бригадир Кузнецов тут как тут. Все свои нагрузки он обращает на пользу дела. Быть членом редколлегии заводского радио для него не обуза. Взявших обязательства он приглашает к микрофону: поделитесь планами вслух. А через полгода опять обоим пригласит рассказать, как идут дела. Все об этом знают, и микрофон становится серьезным помощником хитрого бригадира.

— Работать у нас в бригаде трудней! — Николай Александрович не кривит душой. — Есть такие, кто не выдерживает нашего ритма, нашей дисциплины. А вот после армии обязательно возвращаются ребята в бригаду. У нас трудно, да людям в глаза не стыдно посмотреть. Мы себе цену знаем.

Бригаду приглашают на праздники. На школьные, в ПТУ-4, в котором все они учились — все, включая бригадира.

Бригада на виду, и надо не подкачать, иначе о чем же расскажешь придирчиво смотрящим на тебя школьникам, твоим младшим приятелям по двору?

— Альбом я завел. — Тяжелый фолиант ложится передо мной на стол. — Жалко, что мысль такая пришла недавно. Ведь это же история жизни бригады. Этому альбому — пройдут годы — цены не будет. И для нас, старожилы бригады, и, главное, для новичков. Поглядит он на газеты, на грамоты, на снимки и ахнет про себя: «Вон куда попал, вон им какой почет, куда мне до них!» А мы ему и поможем поверить, что он тоже не плоше других. Давай входи в наш рабочий строй. Всем места хватит. И почета, если заслужил...

Много комсомольцев на Горьковском автозаводе, и живут они все в этом году по календарю, который определяется 60 неделями октябрьской вахты. Встала на вахту и комсомольско-молодежная бригада Кузнецова. Много в ней новых лиц. Но вписались новички в коллектив надежно, уверенно держат шаг. Обязалась бригада в период ударной вахты выполнить производственное задание двух лет. И еще обязательство: за счет экономии основных и вспомогательных материалов и снижения потерь от брака внести в копилку соревнования не менее 300 рублей на каждого члена бригады.

Раз обещано, значит, будет сделано. У Николая Александровича Кузнецова и его ребят не бывает иначе

ОКОНЧЕН ЕЩЕ ОДИН РАБОЧИЙ ДЕНЬ БРИГАДЫ КУЗНЕЦОВА.

Борис СЛУЦКИЙ

Ведро вишни

Пробирается солдат ползком
и ведро перестоявшей вишни,
на передовой отнюдь не лишней,
волочит простреленным лужком.
Солнце жжет,
а пули жжик да жжик.
Вишня брызнула горячим соком.
Но в самозабвении высоким
говорит он: потерпи, мужик!

Перестаивает война.
К ней уже привыкли.
Притерпелось.
А расчету вишни захотелось,
пусть перестоявшей.
Вот она:
черная, багровая, а сок
так и норовит оставить пятна.
До чего же жизнь приятна!
До чего же небосвод высок!

Осень

Облетела листва. Сразу стало светлей
между голых, нагих, обнаженных ветвей.

Между солнцем и мной, между тучей и мной,
между мной и небесною бездной сквозной.

Пурпур с золотом — вся мишура облетела.
Обнажается дерева черное тело.

Только черные голые сучья
тянут черные лапы паучьи.

Ничего, кроме пустоты между мной
и осенью, синюю голубизной.

И, блистая на солнце, летит на меня
лава конная синего белого дня.

Опасности первого шага

Дед и бабка учат ходить
крупного серьезного внука.
Это первая в жизни наука
в серии «овладеть-победить».

В серии «решиться и смочь»
это первое в жизни деянье.
Надо преодолеть расстояние.
Самому себе надо помочь.

Молод дед и бабка юна —
ныне в моде ранние браки.
На буреющей летней травке
в майке он, в сарафане она.

С той поры, как свой первый шаг
сами сделали,
миновало
сорок лет с небольшим. В ушах
грохот скорости, вроде обвала.

Но сейчас не об этом речь.
Речь о внуке. Его отвага
их пугает. Как остеречь
от опасностей первого шага?

Большая волна

Ворочается море, а под ним
ворочается дно морское,
и, как под канонадой капонир,
оно не ведает покоя.

Как будто чудо-юдо
с чудом-юдом
в единоборстве роковым сошлись,
ворочаются с реактивным гудом,
на берег пены извергая слизь.

Как будто плечи ходят ходуном
у чемпиона мира под рубахой,
ворочаются!
Будто Годунов,
в ночи гонимый
совестью и страхом.

И силушка по жилушкам ревет,
береговые рамки раздвигая,
стремясь куда-то вверх
или вперед,
огромная,
гремячая,
нагая.

А воробью погибнуть не дадут —
какой мороз его ни убивает,
какими нояблями ни продут:
воробушком недаром называют.

Воробушек! Как сказано! Любовь
круглит уста, вытягивает звуки —
и весь народ протягивает руки,
чтоб в них согрелся воробей любой!

Невзрачная душонка городков,
он отлететь от них никак не хочет.
Что транспорт городской ни прогрохочет,
перечеркивать тотчас он готов.

Великая и вечная душа
промышленности, техники и связи,
не торопясь и не спеша,
из грязи перемахивает в князи.

Аэродромная трава

Аэродромная трава,
привыкнув к шуму-грому,
не пробует качать права
у аэродрома.

Гляжу, как ветер от крыла
траву эту колышет.
Она то встала, то легла,
замрет и снова дышит.

Когда же вечер настает,
как наступил он ныне,
сменяется дневной полет
полетами ночными.

Но все же шелесты слышной,
и что-то вроде грома
прокатывается вдруг по ней,
траве аэродрома.

Уже не зелена — черна.
Уже не молча — громко
во все концы она слышна,
растущая вдоль кромки

бетонной взлетной полосы.
И, распрямляя плечи,
встают ромашки и овсы
и произносят речи.

ФЕВРАЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ХРИСТИАНИЯ — СОЦИАЛЬНАЯ УТОПИЯ

Чтобы попасть туда, нужно перейти через хилый деревянный мостик. Доски, из которого он сделан, наполовину стили, перила поломаны. Дальше видны несколько сколоченных на скорую руку хибар. Повсюду валяются груды мусора. На обрубках дерева или прямо на земле сидят десятка полтора парней и девушек. Все они называют себя жителями «Свободного города Христиании». До 1971 года здесь стояли солдаты, а после их выезда участок явочным порядком заняла молодежь. Городские власти решили расчистить участок, но нынешние обитатели Христиании (так называется этот участок в центре Копенгагена) заявили довольно резко, что о добровольном их уходе не может быть и речи.

Многим жителям Христиании податься отсюда некуда. Квартирная плата в Копенгагене слишком высока, и они кто как мог расселились здесь в полуразрушенных казармах, отслуживших автобусах или ла-чугах, стенами которых являются старые листы жести и фанеры. В большинстве своем тут обитают безработные и студенты.

Конечно, о своих социальных требованиях можно заявлять и здесь, не отмежевываясь от тех требований, которые выдвигает рабочий класс. Но никто не считает «Свободный город Христианию» единцей, активно борющейся за свои права. Сейчас это лишь олицетворение социальной утопии, основанной на несбыточных мечтаниях, весьма далеких от кипящей вокруг реальной жизни.

«ПШЕКРУИ», ПОЛЬША

РЕКВИЗИТ СЕКТАНТОВ И... КОНЕЦ СВЕТА

Швейцарская полиция арестовала группу сектантов, которые возвещали скорый и неминуемый конец света. Последователей своего учения сектанты вербовали преимущественно из рядов молодежи. Для того, чтобы произвести впечатление на сомневающихся, использовалась хитроумная техника. В так называемом молитвенном доме были обнаружены скрытые стереофонические громкоговорители, проекционные аппараты, спрятанные в мебели, приборы, отражающие световые лучи, и даже бесшумно работающий вентилятор, вызывающий причудливое движение воздуха. Используя эту аппара-

туру, проповедники инсценировали «явление» бога, который повелевал отказаться от мирских соблазнов, не забывая указать и на обязанность вносить в поддержку секты значительные денежные суммы.

Когда один из юристов потребовал амешательства властей в деятельность секты и начал расследование, сектанты тотчас же начали запугивать и шантажировать тех, кто выступал со свидетельскими показаниями. Затем был убит судья, начавший расследование. К удовлетворению общественности, преступники были арестованы и преданы суду.

«ВУА УВРИЕР», ШВЕЙЦАРИЯ

ДВОЮРОДНАЯ СЕСТРА МУРЕНЫ

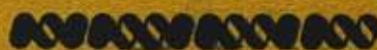
Одна из самых редких рыб, которая, как полагают канадские эскимосы, думает хвостом, была недавно поймана в арктических водах Канады. Эскимосы называют ее рыбой «старухой». Они считают, что рыба эта — порождение дьявола, и пойманной добычей не рискуют кормить даже собак.

«Старуха» — родственница мурены. Длина ее — около трех футов (фут — 30,5 см). Обнаружена она пока только в подземных пещерах в заливе Батерст Инлет, где она питается голубыми мидиями. Исследователь Вейн Гжовски, используя гидрокостюм, нырял за рыбой до тех пор, пока не поймал одну из них, первую за последнее десятилетие.

Рыба вращает глазами во всех направлениях, внимательно наблюдая за перемещениями человека. Она может покидать воду на шесть часов, нападая на всякую живность, проходящую мимо.

Редкий экземпляр рыбы отправили к набивщику чучел.

«УИКЭНД», АНГЛИЯ

ОПАСАЙТЕСЬ КОНФЕТ!

На рождество юные американцы получают традиционные подарки. Лучшие всего, — советует известный детский врач, — дарить им фрукты, жареные кукурузные зерна, игрушки, но только не сладости.

Директор Нью-Йоркского института, занимающегося изучением развития детей, доктор Алан Левин предупреждает, что дети, начинающие вдруг удивлять родителей дурным или странным поведением, становятся порой жертвами злоупотребления сладостями. Обычно на следующий после праздника день в институте царит хаос. Дети не могут проходить обычный курс лечения. Некоторые процедуры приходится отменять, другие сокращать: дети в такой день просто неуправляемы.

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ», США

В ВОЗРАСТЕ ОТ 9 ДО 90

Данси Эйшфорд, которая умерла в возрасте 90 лет в Норвиче (Англия), считается одной из самых своеобразных и загадочных писательниц всех времен: свою единственную книгу «Молодые посетители», ставшую уже полвека назад бестселлером, она написала в возрасте от 9 до 13 лет. В конце первой мировой войны одна из подружек Данси Эйшфорд, узнав о существовании рукописи, тайком от автора отослала ее известному тогда критику Фрейку Шинкертону. Первое издание книги вышло в 1919 году. Успех превзошел самые смелые ожидания. А через год в одном из театров Нью-Йоркского Бродвея была поставлена пьеса по роману Данси Эйшфорд.

«АКТУАЛИДАД ЭСПАÑOЛА», ИСПАНИЯ

ШЕДЕВРЫ ИСКУССТВА КИПРА

Богатства Кипра, демонстрирующиеся в иностранных музеях, — самые лучшие пропагандисты Кипра за рубежом. Подлинные шедевры были созданы цивилизацией, история которой уходит за шесть тысячелетий до нашей эры. Увы, эти великолепные произведения искусства, обнаруженные во время раскопок (чаще всего никем не разрешенных, ведущаясь тайком), одно за другим покидали остров. Пути контрабанды перекрыть удавалось не всегда, и теперь искусство Кипра широко представлено в Британском музее, в музее культуры и искусства в Вене, в Стокгольме, в Нью-Йорке.

В музее Метрополитен в Нью-Йорке хранятся золотые браслеты и ожерелья, серьги с жемчугами. Все эти богатства были найдены в начале столетия, потом тайком вывезены с Кипра и куплены в Париже американским миллиардером Пирпентом Морганом, который и завещал их музею.

Кипр выпустил серию марок, на которых изображены шедевры искусства, находящиеся в зарубежных музеях. На одной марке, в частности, можно увидеть мраморную статую Артемиды, на другой — золотое ожерелье.

«САИПРЕС ТУДЭИ», КИПР

ВПЛАВЬ ЧЕРЕЗ СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

Тридцатисемилетний венецианец Паоло Донаджо, электрик по профессии, решил установить необычный рекорд: пересечь вплавь Средиземное море от Сицилии до африканского побережья. Заплыв этот требовал не только чрезвычайной физической выносливости, но и особого умения преодолевать сильные морские течения. После интенсивных тренировок Паоло, сопровождаемый шлюпками с двумя наблюдателями из итальянской федерации плавания и своим приятелем Фульвио Бергамини, обязанностью которого было снабжать его пищей, водой и тонизирующими средствами, начал заплыв. В течение двух с половиной суток все было нормально. Но вот на горизонте начали собираться тяжелые тучи, предвестники бури. Ветер усиливался, волны становились все выше. К счастью, буря направилась в противоположную сторону, благодаря чему стало благоприятным и течение. Спустя сто часов смелый спортсмен достиг африканского берега, установив желанный рекорд.

«МАГАЗИН», РУМЫНИЯ

МОДЕРНИЗИРОВАННЫЙ БУМЕРАНГ

Из Мельбурна пришло известие: есть новый мировой рекорд! Житель Квинсленда Боб Барвел, тридцати двух лет от роду, бросил бумеранг ровно на сто метров, оставив позади англичанина Герба Смита. Кривая палка облетела футбольные ворота и вернулась к своему хозяину. Мельбурнская печать, конечно, несколько преувеличила значение события, утверждая, что оно вызвало живой отклик во всем мире. Но, как бы то ни было, в Австралии об этом долго и писали и говорили: бумеранг — почти национальный символ страны, а к символам надлежит относиться почтительно.

За всей этой шумихой кое-кто подзабыл, что возвращающийся бумеранг — исконное оружие австралийских аборигенов и что именно им принадлежит честь его изобретения на этом континенте.

Конечно, новый рекордсмен из Квинсленда бросает не такой бумеранг, каким пользовались и пользуются аборигены, а улучшенный по всем правилам науки. Вместе с выравнивающим свинцовым грузом такой метательный снаряд

весит 241 грамм. И изготовлен он не из дерева, а из вулканизированного стекловолокна.

«100×1 ЗАГРАНИЧНИ
ЗАЙИМАВОСТ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

МНОГОЭТАЖНЫЕ УЛИЦЫ

Легковые автомобили — бич для городов Японии: если в 1955 году в стране было 1500000 автомобилей, то сейчас их число достигло 26500000, и каждый год оно увеличивается на два миллиона. Улицы больших городов буквально загромождены автомобилями, все более острой становится и проблема места для стоянок.

Несколько лет назад в Токио были приняты радикальные меры для облегчения уличного движения. Создана сеть многоэтажных автострад, которые пересекают город вдоль и поперек. Они некрашены, закрывают солнце, сильно затряхивают воздух и днем и ночью являются источником шума. Но без них немислимо движение в Токио.

«ПАРАЛЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ

Сурок зимой находится в состоянии оцепенения: сердце его бьется со скоростью десять ударов в минуту, ритм дыхания падает до двух-трех в минуту, все жизненные процессы замедляются.

Как известно, ученые давно стремятся открыть секрет зимнего сна животных. И вот группе американских ученых, возглавляемой доктором Альбертом Дроу, удалось недавно обнаружить вещество, которое вызывает спячку у животных. Когда летом это веще-

СЕКРЕТ ЗИМНЕГО СНА

ство ввели белкам, у них вопреки календарю начали появляться признаки оцепенения и замедлились жизненные процессы. Ученые определяют сейчас точный химический состав удивительного вещества. Обнаружено и средство, нейтрализующее его действие, — им является гормон тестостерон. После введения этого гормона к белкам возвратилась активность.

Эти исследования имеют огромное значение для медицины. При тяжелых операциях замедление

жизненно важных процессов позволило бы пациентам легче пережить кризис. Такой препарат мог бы спасти от голодной смерти, например, при авиационной катастрофе в безлюдной местности. В этом случае люди, приняв специальные таблетки, погрузили бы себя в состояние, напоминающее зимний сон, и находились бы в нем до тех пор, пока не пришла бы помощь.

«МАДЬЯР ИФЬЮШАГ»,
ВЕНГРИЯ

И СНОВА СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

На сей раз сведения о нем пришли из США. Американский снежный человек (йети) зовется сасквотч и живет, как полагают, в Скалистых горах на границе США и Канады. Питается он растительной пищей и мелкими грызунами. Рост родственника легендарного гималайского йети примерно два метра, все его тело, исключая ладони и ступни, покрыто шерстью, лицо имеет некоторое сходство с человеческим, а движения довольно неуклюжи.

Люди, которые видели сасквотча или его огромные следы, не особенно склонны рассказывать об этом, дабы не прослыть чудаками и фантазерами.

Итальянский исследователь Ренцо Кантачалли собрал много документальных свидетельств об этом загадочном существе. По мнению некоторых ученых, и йети и сасквотч являются предшественниками человека. Эти изолированные группы людей в своем развитии. Другие же ученые видят в снежных людях обычных обезьян, прямых потомков жившего полмиллиона лет назад гигантопитека. Наиболее же смелые утверждают, что в отдаленных уголках нашей планеты могли выжить и остатки неандертальцев. Последние жили в Европе, Азии и кое-где в Африке. В Америку же они могли проникнуть по сухопутному мосту, который 60—80 тысяч лет назад соединял Новый Свет с Азией.

«ПАНОРАМА», ИТАЛИЯ

СЕГРЕГАЦИЯ И РИТОРИКА

Подпольный фильм о расовой сегрегации в Южной Африке оказался подлинным возмутителем спокойствия на прошедшем во Флоренции кинофестивале. В этом фильме — он называется «Последняя гробница в Димбасе» — безымянные кинематографисты смогли убедительно продемонстрировать «вопиющую истинность существования людей с черной кожей в их стране», как сказано в титре. Публика увидела настоящие концентрационные лагеря, увидела, как

используется «африканская рабсила», как умирают «цветные дети» (один из каждых трех в течение первого же года жизни). Как во время сеанса, так и при выходе из зала слышались возгласы негодования и возмущения зрителей. В течение часа длился документальный кинорассказ об условиях работы африканцев на золотодобывающих рудниках ЮАР. Расовая сегрегация оказалась документированной более чем убедительно.

«ВИЗАО», БРАЗИЛИЯ

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении

Фото Игоря ГНЕВАШЕВА

писатель, актер, режиссер

ШУКШИН

Владимир
КОРОБОВ

Самое простое — напомнить, что из рассказов «Классный водитель» и «Гринька Малюгин» составит вскоре сценарий для фильма «Живет такой парень». Новелла «Игнаха приехал» вместе с написанными чуть позднее и в первую книгу не попавшими «Степкой» и «Змеиным ядом» станет основой для второго поставленного Шукшиным фильма — «Ваш сын и брат». А рассказ, ранний, 1962 года, рассказ «Степан Разин» о деревенском скульпторе-самоучке «аукнется» аж в 1970 году, когда выйдет на экраны третий шукшинский фильм — «Странные люди» (заключительная киноновелла «Думы»). Что ж получается, между первым и последним прижизненным сборником такой контраст, будто писали их разные люди, а миллионам с экрана показываются вещи ранние, по мнению иных «ценителей», «проходные» и «эпюдные»! Как это, интересно, объяснят сторонники «контрастно-анекдотической» и «национально-самокритической» концепций творчества Шукшина?.. Но это, повторяю, самое простое, ниже я попробую доказать, что многие дорогие Шукшину мысли и образы, вплоть до отдельных стилистических особенностей и словесных оборотов, как и перспектива усиления сатирического направления в его творчестве, — все это уже есть — и не только, так сказать, в эмбриональном состоянии — в первой его книге.

Не надо обладать большой проницательностью, чтобы заметить: «Далекие зимние вечера» и «Племнник главбуха» приведут Шукшина в недалеком будущем к циклу рассказов «Из детских лет Ивана Попова», к «Дяде Ермолаю», «Рыжему», некоторым другим, прямо или косвенно связанным с биографией самого автора, с его последующими воспоминаниями-раздумьями о детстве, рано переставшем быть детством, и о мудрых уроках жизни, в этом детстве полученных. «Артист Федор Грай» живо вам вспомнится при чтении написанных Шукшиным годы спустя рассказов «Ваня, ты как здесь?» и «Крыша над головой»: В этих рассказах не будет такой прямой и цельной натуры, как сельский кузнец Федор Грай, доказавший-таки местному режиссеру, как надо играть «простых людей», но халтура в «большом» и самодеятельном искусстве будет показана и высмеяна примерно в том же ключе. Легко, в сущности, переживаемая несчастная любовь деревенского парня Леньки к городской омещанившейся девушке («Ленька») обернется нештучной драмой Петра Ивлева (повесть «Там, вдали...») и приведет к трагедии в молодой семье Паратовых («Жена мужа в Париж провозжала»). «Страдания молодого Вагонова», начинающего юриста, мало будут походить на страдания Лели Селезневой с факультета журналистики, но жизнь одинаково посмеется над их благими, но не

* О совсем Простом Человеке из «Энергичных людей» здесь тоже вспомнить можно.

сообразующимися с реальной действительностью порывами. Иван Петин, шофер первого класса («Раскас»), будет не менее любить свою работу, чем другой, похожий на него шофер Михайло Беспалов из «Светлых душ», но семейная жизнь Петина будет совсем не такой безоблачной, как у Беспалова...

«Сельские жители» свидетельствуют и о том, что уже в это время Шукшина интересовал и волновал образ Степана Разина. Еще не изучались им старинные хроники и редкие книги по восстанию XVII века, но поэтический, легендарный образ народного вожака уже жил в нем и требовал своего воплощения:

«...Мужик он был крепкий, широкий в плечах, легкий на ногу... чуточку рябоватый. Одевался так же, как все казаки. Не любил он, знаешь, разную там парчу... и прочее. Это ж был человек! Как развернется, как глянет исподлобья — травы никли. А справедливый был!.. Раз попали они так, что жрать в войске нечего. Варили конину. Ну и конины не всем хватило. И увидел Стенька: один казак совсем уж отоцал, сидит у костра, бедный, голову свесил — дошел окончательно. Стенька толкнул его — подает свой кусок мяса. «На, — говорит, — ешь». Тот видит, что атаман сам почернел от голода. «Ешь сам, батька. Тебе нужнее». — «Бери!» — «Нет». Тогда Стенька как выхватил саблю — она аж свистнула в воздухе: «В три господа душу мать!.. Я кому сказал: бери!» Казак съел мясо. А?... Милый ты, милый человек... душа у тебя была».

Это Шукшин рассказывал устами учителя-пенсонера Вадима Захаровича в раннем рассказе «Степан Разин». Мы напрасно бы стали искать подобную сцену в романе «Я пришел дать вам волю».

Продолжение. Начало в №№ 1, 2, 3.

но не буквальное, а внутреннее созвучие этого первого шукшинского наброска образа Разина последующему развернутому его воплощению мы все же чувствуем, не правда ли? Особенно вот эти слова: «Милый ты, милый человек... душа у тебя была». Ведь что, если не мятущуюся, страстную и болящую душу и трагедию человека, сказавшего народу «Я пришел дать вам волю», показал более всего Шукшин в своем романе!..

Впрочем, лучшие наши критики оценивали позднейшее творчество Шукшина без всякого отрыва, в самой тесной связи с первыми его рассказами и уже по ним видели, что это за художник, что волнуется, что он ненавидит. До нас дошла «внутренняя», то есть имеющая чисто служебное, внутриздательское назначение, рецензия Александра Николаевича Макарова на второй сборник рассказов Шукшина (сюда вошла еще и повесть «Там, вдали...»). Казалось бы, в этом-то случае рецензент должен был говорить только о тех произведениях, которые представлены в данной книге, тогда еще рукописи (ни один из рассказов первого сборника сюда не вошел). Но... прочитайте, что пишет Александр Макаров:

«Как-то получилось так, что впервые я узнал Шукшина-прозаика по рассказам «Они с Катюши» в «Новом мире», уже после знакомства с ним как с постановщиком превосходного фильма «Живет такой парень». И в его прозе чувствовался человек, если можно так сказать, обладающий кинодраматургическим талантом, умеющий репликой, жестом, детально передать характер героя, рождающийся не тут вот, на бумаге, в процессе творчества, а заранее продуманный до кончиков ногтей, выраженный где-то там задолго до рассказа, осмысленный настолько, что герою оставалось только войти в рассказ и заговорить, чтобы читатель принял его сразу за живое лицо и даже как бы знакомое.

У Шукшина описания почти отсутствуют, даже портреты: так, бросит одну деталь, но речь персонажей так выразительна, что человек живет и виден. И суть не только в том, что автор хорошо знает, я сказал бы, чувствует, словарь современного русского языка, а в каком-то волшебстве диалога — люди обмениваются малозначительными фразами вроде «здравствуйте да продайте, что сегодня делаешь, да ничо», а за этими фразами, скорее, словами видишь человека, характер. Как уж он это делает, одному богу известно. У Булгакова в «Театральном романе» рассказываете, как ему представлялась комната, в которой оживали и двигались какие-то фигурки, которые вдруг начинали разговаривать. Видимо, свойства личного дара именно такового — он, как драматург, отбрасывает всю обстановку, реквизит, сохраняя лишь самое необходимое, и его герои сразу начинают двигаться, действовать и разговаривать. И этого достаточно, чтобы мы их поняли, поняли, какое душевное движение вызывает ту или иную реплику. Его рассказы на редкость лапидарны, то есть при предельной сжатости глубоко выразительны. Авторский слог наг и точен, но отнюдь не беден, не скуден, метафоры редки, и в то же время никакой нивелировки языка, язык ясный, уходящий корнями в живую речь. Словом, у Василия Шукшина свой, самобытный почерк. И свои верования и привязанности. Мне представляется, что главной болью этого писателя стала боль за человека той России, которую когда-то называли полевой, за тех, кто живет на периферии и появляется в литературе либо в качестве охваченных трудовым энтузиазмом в связи с очередной кампанией, либо в качестве «позабыт, позаброшен». А вот он показывает их как просто людей, нередко с очень нелегкой судьбой, заслуживающих нашего внимания, он любит и понимает их. Может быть, даже и нет в нашей литературе другого писателя, который так болезненно ощущал бы за собой чувство необъяснимой вины человека, который сам-то живет в иных условиях и в другой среде, а дума о тех, кто остался там, неотвязно преследует его. Прямо как у Теркина — «Мать-земля моя родная, вся смоленская (катунская) родня, ты прости, за что — не знаю, только ты прости меня!» Может, я и не прав, но не могу освободиться от ощущения, что пером Шукшина движет какое-то схожее с этим чувство, и он хочет пробудить и у читателя интерес к этим людям и их жизни, показать, как, в сущности, добр и хорош простой человек, живущий в обнимку с природой и физическим трудом, какая это притягательная жизнь, несравнимая с городской, в которой человек портится и черствеет. И в этом нет никакого ретроградства и консерватизма, а есть своя правда: подавляющее большинство населения страны живет такой жизнью и заслуживает не интеллигентничавшего сострадания, а понимания и уважения, к которым, мне думается, и зовет Шукшин в своих повестях и рассказах. И в умении расположить к таким людям Шукшину не откажешь. Да это и не умение, а скорее какое-то свойство таланта. И его Пашка Колокольников («Живет такой парень»), и Петр Ивлев («Там, вдали...»), и многие другие герои, вплоть до попавшего в комическое положение Ефима Пьяных («Операция Ефима Пьяных»), вызывают чувство глубокой симпатии. Шукшин вообще не боится ставить своих героев в комическое положение, но его юмор не подходит под то определение, которое дается в словарях и учебниках (беззлобное высмеивание недостатков, выставление человеческих слабостей в смешном виде и т. п.), это юмор, свойственный только благородным, художественным натурам, который способствует усилению симпатии и любви к герою...»

В начале 1974 года, уже после смерти А. Макарова, Шукшина познакомил с этим отзывом. Взволнованный и растроганный, Василий Макарович написал его вдове:

«Я не знал Александра Николаевича лично. И не знал этой рецензии... Прочитал только теперь. И почувствовал неподдельное желание побыть одному: точно откуда-то

«оттуда» вдруг дошел до меня добрый спокойный голос, очень добрый, очень ясный... Как же бы мне дорого было это умное напутственное слово тогда, 10 лет назад! Как нужно! Оно и теперь мне дорого».

Мы заметили в начале разговора о «Сельских жителях», что иные рассказы этой книги вызвали в том числе и споры. Подробнее сказать о некоторых из них тем более важно, что они касались не только тех или иных эмпирических фактов, расхождений в трактовке того или иного образа, но и самих творческих принципов, метода Шукшина-рассказчика, особенностей его поэтики.

В конце 1963 года в «Литературной России» началась дискуссия о современном рассказе. В ней принял участие и Василий Шукшин. Он не стал ни с кем спорить, а «просто» поведал, как он понимает рассказ (статья так и называлась «Как я понимаю рассказ»). Из этой статьи мы узнаем, что основные принципы (и методы) литературного и кинематографического творчества Шукшина были им выработаны — и выстраданы, надо полагать, — уже тогда, в начале шестидесятых годов. Размышления Шукшина о кино до поры до времени опустим (на этот счет он высказывался много, и разговор об этом ниже), а рассказ Василия Шукшина понимал так:

«...Мне нравится в хорошем рассказе деловитость, собранность. Ведь что такое, по-моему, рассказ? Шел человек по улице, увидел знакомого и рассказал, например, о том, как только что за углом брякнулась на мостовой старушка, а какой-то ломовой верзила захохотал. А потом тут же устыдился своего дурацкого смеха, подошел, поднял старушку. Да еще оглянулся по улице, не видел ли кто, как он смеялся. Вот и все. «Иду сейчас по улице, — начинает рассказывать человек, — вижу, идет старушка. Поскользнулась — бряк! А какой-то верзила кэ-эк захохочет...» Так, наверное, он будет рассказывать. А если бы он начал так: «Я проснулся сегодня в каком-то подавленном состоянии. Ночью кошмары какие-то снились — звери какие-то...» «Выпил вчера?» — поинтересуется знакомый рассказчик. Что он должен ответить? «Я ему про старушку, а он мне — про «выпил!» При чем тут я? Старушка за углом упала». Так, что ли? Или как? Хуже всего, когда возникает такой вот вопрос: ты о чем? Почему-то когда иной писатель-рассказчик садится писать про «старушку», он — как пить дать! — расскажет, кем она была до семнадцатого года. А читателю и так ясно — девушкой или молодой женщиной. Или он на двух страницах будет рассказывать, какое в тот день, когда упала старушка, было утро хорошее. А если б он сказал: «Утро было хорошее, теплое. Стояла осень», — читатель, наверное, вспомнил бы в своей жизни такое утро — теплое, осеннее. Ведь нельзя, наверно, писать, если не иметь в виду, что читатель сам «досочинит» многое.

В данном случае я говорю не о длиннотах, которые могут быть не длиннотами, а все о том же законе движения. Рассказ тоже (как и кино. — В. К.) должен увлекать читателя, рождать в душе его радостное чувство устремления вслед жизни или с жизнью вместе, как хотите. А ритм жизни нашей (XX века) довольно бодрый. Тут тебя так и спросят: «Ты о чем?» Я не знаю, что такое «телеграфный стиль», знаю, что такое скучный рассказ. А должно быть интересно, вот и все.

Если в зрительном зале сидят пятьсот человек, они сразу обнаружат, что скучно. С рассказом сложнее. Один человек всегда найдет минутку усомниться. «Может, я не понял?» Иногда действительно не понимает. Но часто не понимается, по-моему, что писатель (рассказчик) — это обыкновенный человек, тот самый, который встретил на улице знакомого и захотел рассказать тот или иной случай из жизни. (Это другое дело — какой случай его поразил.) Все просто. Но вот как дело доходит до письменного стола или до пишущей машинки, так все опрокидывается в яму, которая именуется «творческими муками». Ищутся начала, концы, завязки, развязки, подвязки... Можно сделать так, а можно совсем иначе. Но как же так? Ведь если старуха упала на мостовой, это не значит, что она может в рассказе немножко взлететь вверх. Не фотография, не натурализм, не бытописательство, не упрощенчество, но житейски правдивое явление: старушка падает вниз, а не вверх. Вверх — это оригинально, такого еще не было, но придумано. За столом. В «муках творчества». А придумывать рассказ трудно. И, главное, не надо.

Ну, а вывод авторский? А отношение? А стиль автора? А никто и не покушается ни на вывод, ни на смысл, ни на стиль. Попробуйте без всякого отношения пересказать любую историю — не выйдет. А выйдет без отношения, так это тоже будет отношение, и этому тоже найдется какое-нибудь определение, какой-нибудь «равнодушный реализм». Ведь известно, что даже два фотографа не могут запечатлеть один и тот же предмет одинаково, не говоря уж о писателе, у которого в распоряжении все средства живой жизни. Другое дело, что нет и писателя без искренней, тревожной думы о человеке, добре, о зле, о красоте... Это так. Поэтому нельзя, наверно, чтобы писатель-рассказчик отлекался от своего житейского опыта в сторону «чисто» профессиональную. В стороне «чисто» профессиональной легче запутать следы, скрыть, что тебе, собственно, нечего рассказать. Опять же старушка может взлететь вверх.

Мастерство есть мастерство, и дело это нужное. И если бы писатель-рассказчик не сразу делал (старался делать) это главным в своей работе; а если главным оставалась его жизнь, то, что он видел и запомнил, хорошее и плохое, а мастерство бы потом приложилось к этому, получился бы писатель неповторимый, ни на кого не похожий. Я иногда, читая рассказ, понимаю, что рассказ писался для того, чтоб написать рассказ. И радовался человек, и волновался, и «искал слово», и просил, чтоб в квартире было тихо, а зачем? Старуха упала, а ему наплевать, он уже забыл, что она упала, тут

уж пошли — капель тенькающая, солнце в мареве, туманы в разводах. И все это само для себя. А все должно служить старухе, ее «делу», и вовсе не много этого надо. Она ж упала, бедная, а несла, небось, яйца в кошелке и расколола, а дома сын яичницу ждет — на работу торопится, скандал будет...

Человеческие дела должны быть в центре внимания рассказа. Это не роман — места мало, времени мало, читают на ходу. Кроме того, дела человеческие за столом не выдумашь. А уж когда они попадают, наконец, на стол в качестве материала, тут надо, наверно, укрепиться мужеством и изгонять все, что отлекало бы внимание читателя от их сущности. Дела же человеческие, когда они не выдуманы, вечно в движении, в неуловимом вечном обновлении. И, стало быть, тот рассказ хорош, который чудом сохранил это движение, не умертвил жизни, а как бы «пересадили» ее, не повредив, в наше читательское сознание».

Бог с ними, с подробными комментариями к этому достаточно полно и ясно изложенному творческому кредо. Но вот странное дело. Сколько раз по поводу и без повода слышали и слышим мы фразу: художника надо судить по законам, им самим над собой признаваемым. Увы, и набив оскомину, чаще и больше оперируют этим суждением именно для красного словца, нежели для серьезного практического приложения — своеобразного и всеми вроде признаваемого верным «руководства к действию». Иначе чем же объяснить, что статья «Как я понимаю рассказ», это шукшинское «верую», прошла без должного внимания, не принималась критикой в расчет ни тогда, в 1964 году, ни потом, на протяжении десяти лет, а сейчас и вовсе никто из пишущих о Шукшине ее не затрагивает: то ли руки не доходят, то ли проще без нее, удобнее строить и ныне, как в былые времена, всякого рода собственные концепции и выводы.

На протяжении всего творческого пути Василий Макарович Шукшин стремился быть понятным читателем и зрителем именно так, как думалось ему, хотелось и представлялось, именно так, а не иначе. И он очень сильно, мучительно переживал, когда критика видела в его произведениях совсем не то или не совсем то, что он хотел в них сказать, выразить и действительно говорил и выражал. Ему, наверное, легче было, если бы иные рецензии и статьи при всех их доброжелательности и высоких оценках в общем плане вовсе бы не писались и не печатались, ибо слава славою, но гораздо важнее для него было донести, не расслепшая, в се содержимое горького, но просветляющего, очищающего ум и сердце, смывающего мутную и серую накипь о души содержимое пока только пригубленного нами кубка его творчества. Но будто какой злой рок его преследовал: всякие статьи и рецензии появлялись, Шукшин со вниманием прислушивался к высказанным в них мнениям, потом сам высказывался — что хотел он сказать тем или иным своим созданием, — но опять-таки: слушали его, но не слышали (или не хотели слышать). Объяснения его, собственный его взгляд на вещи — все это куда-то терялось, заслонялось многочисленными, разномысленными в десятках и сотнях тысяч экземпляров иными объяснениями и взглядами.

Вот весьма показательный и характерный в этом смысле эпизод. Его рассказал довольно хорошо знавший Шукшина, друживший с ним журналист Игорь Бодров:

«В журнале «Сельская молодежь» был напечатан рассказ Шукшина «Микроскоп». Как-то зашел о нем разговор.

— Ну и рассмешили вы всех, Василий Макарович! — наивно и честно доложил я.

А в рассказе речь шла о том, как передовой колхозник потратил свою трудовую премию на покупку учебного микроскопа, конечно, втайне от жены. И как он углубился «в науку», как открывал давно открытые вещи, написано было очень смешно.

— Рассмешил, говоришь? — переспросил Шукшин. — Ну, а подумай, что я хотел сказать этим сюжетом?

Я начал высказывать свои соображения в том смысле, что народные таланты неиссякаемы, что жизненные обстоятельства порой мешают проявить способности отдельным людям.

— Да не об этом речь в рассказе-то! — перебил меня Василий Макарович. Щека его дрогнула. — А о том, что людям всегда надо правду говорить. Ведь это так просто и справедливо — правду. И тогда они не будут изобретать велосипедов...»

Только сейчас, когда его нет уже с нами, мы начинаем поналежку пробиваться сквозь вороха газетных и журнальных страниц к самому Шукшину, и если что мешает нам это делать спокойно, то это установившаяся среди части публики крикливая и прожорливая, а в сущности своей равнодушная, при всей внешней горячности холодная «мода на Шукшина», которая, разумеемся, пройдет, как проходит всякая мода. Шукшин останется с теми, кто выдержит это нелегкое «испытание модой», закалится в нем, не только не растеряв своей любви, но и умножив ее. Станет эта любовь сколь зыбкой, думоющей, столь и искренней. А пока, пока будем добросовестно продолжать свой путь к «самому Шукшину», что мы и пытаемся делать с начала этой работы.

Продолжение на 31-й стр.

Через несколько минут дверь в кабинет открылась, и на пороге появился молодой парень в форме сержанта, с папкой в руках.

— Спасибо,— сказал Прадерм, забирая у вошедшего папку.

Сержант удалился.

— Кстати, эта женщина, Лей Чжи, переехала сюда из Сингапура,— заметил Прадерм, передавая досье Патрику.

— Ну-у!— засмеялся Након.— Считаю, что «триада» у тебя в руках. Чувствует мое сердце, что это убийство выведет тебя на «Анг Сун Тонг».

— Понимаешь,— ответил Ло,— там, вероятно, была какая-то крупная интрига. Иначе к чему вся эта комедия, а точнее, трагедия с имитацией кораблекрушения?

— Извините, господин Ло,— перебил Патрика Прадерм,— я зайду минут через двадцать на тот случай, если у вас возникнут какие-то вопросы.

— Иди, иди,— с многозначительным видом произнес Након,— но учти: если Патрик раскроет это убийство, я его беру к себе, а тебя выгоню.

— Чтобы работать с вами, нужно иметь незаурядное терпение,— с притворной грустью сказал Прадерм.— Боюсь, что через день-два господин Ло сбежит и вам придется упрашивать меня вернуться. А я подумаю: стоит ли?..

С этими словами он юркнул за дверь, лишив шефа возможности парировать нанесенный удар.

Ло сел за стол и раскрыл папку. Зазвонил телефон. Видимо, звонило «начальство». Вежливо пообещав сделать «все возможное», Након швырнул трубку на рычаг.

— Черт!— выругался он.— Все-таки я уйду с этой дурацкой работы!

— Почему?— рассеянно поинтересовался Ло, уже углубившийся в чтение.

— Застрелен какой-то крупный коммерсант. Из министерства звонят уже пятый раз: требуют срочно найти убийц. А то, что осенью на улицах валялись десятки трупов, абсолютно никого не волновало...

— Ты все о том же.— Патрик поднял голову и

что Лей Чжи потеряла рассудок в результате сильного нервного потрясения.

Ло закончил читать и закурил.

— Ну что?— спросил Након, оторвавшись от бумаг.

— На такой информации далеко не уедешь,— отозвался Патрик.— Нужно еще раз поговорить с сестрой Лей Чжи, попытаться выяснить, почему дочь Лей Чжи и ее новоиспеченный зять взяли билеты в разные каюты.

Он захлопнул папку и встал.

— Скажи, улица Сомдет Тью Пхайя далеко отсюда?— Ло с трудом выговорил сложное тайское название.

— Какое это имеет значение, если ты поедешь на моей машине?

— Тоже верно.

В кабинет вошел Прадерм. Узнав, куда собирается ехать Ло, он вызвался сопровождать его.

6

— Вы давно знакомы с Наконем?— спросил Прадерм, когда они ехали в машине.

— Лет пять. Наши «триады» предоставили нам возможность довольно хорошо узнать друг друга.

— Я удивляюсь, как все детективы Юго-Восточной Азии еще не успели подружиться...

— Все еще впереди,— пообещал Ло.

— Не сомневаюсь. Эти подонки всюду считают себя хозяевами и с каждым днем становятся все наглее. А самое обидное: до них не добраться. Они готовы перегрызть глотку друг другу, но когда попадают к нам, молчат, как камни. Страх перед своими собратьями делает их немymi.

— Иногда бывает наоборот,— заметил Ло, вспомнив Ко Ина.

— Что вы имеете в виду?— не понял Прадерм.

Патрик рассказал ему о том, как он завербовал Ко Ина.

— Неплохо,— согласился тот,— но для этого нужна информация. А это как раз то, чего нам не хватает.

«Воксхолл» затормозил у китайского кафе. Ло и Прадерм вошли в широкий проем, заменяющий двери

— Года три. Мы переехали сюда с мужем из Индонезии.

Госпожа Сюэ явно чувствовала себя неловко, в ее голосе ощущалось напряжение. Ло решил разрядить обстановку.

— Ну и как вам здесь нравится?— спросил он с улыбкой.

— Здесь лучше. В Индонезии у нас дела шли не очень хорошо.

Она перестала нервничать, скованность постепенно начала проходить.

— А в Индонезии вы жили долго?

— О, я уехала туда, когда была еще молодой. Вышла замуж и уехала.

— Скажите, госпожа Сюэ, в каких отношениях вы были с сестрой?

Женщина наморщила лоб, не понимая вопроса.

— Ну... рассказывала ли она достаточно откровенно о своей жизни за то время, что вы не виделись?

— Мы столько времени не виделись,— грустно улыбнулась госпожа Сюэ.— Разве все расскажете?

— Не все, может быть, какие-то эпизоды...

Она пожала плечами.

— Больше всего она говорила о Леунге. И каждый раз плакала.

— О ком?

— О своем сыне, которого украли у Лей. Она столько пережила из-за того подлеца.

Госпожа Сюэ смахнула слезу.

— А разве ваша сестра знала, кто украл у нее сына?

— Да. Она говорила, что Леунга украл тот мерзавец, который преследовал ее еще в Сингапуре.

— Вы не могли бы вспомнить поподробнее, что рассказывала об этом человеке ваша сестра...

— Лей рассказывала об этом много раз...— Госпожа Сюэ вздохнула.— Я помню почти все, что она говорила. В молодости Лей была очень красивой девушкой. И ее любви домогался один человек. Это был нехороший человек. Он занимался темными делами, состоял в какой-то шайке. У него было много денег. Он упорно ухаживал за Лей, делал ей дорогие подарки. Но она его боялась и ненавидела. Однаж-

Андрей ЛЕВИН

ЖЕЛТЫЙ ДРАКОН ЦЗЯО

РОМАН

посмотрел на своего приятеля.— Не доведет это тебя до добра.

Након ничего не ответил, и Ло снова занялся материалом об убийстве Лей Чжи.

Убитой было сорок пять лет. В Таиланд перебралась из Сингапура в двадцать. Вскоре после ее приезда у нее был похищен четырехлетний сын, и его поиски ни к чему не привели. Муж Лей Чжи умер несколько лет тому назад. Последние годы она держала небольшую галантерейную лавку и жила вместе с дочерью. Года четыре назад из Индонезии в Бангкок перебралась ее сестра...

Закончив читать кучные биографические сведения о Лей Чжи, Патрик перевернул страницу. Дальше шли протоколы опроса свидетелей. По словам соседки, 30 апреля в лавку Лей Чжи около двенадцати часов дня зашли двое мужчин. Через пятнадцать минут они вышли оттуда. Соседка приняла их за обычных покупателей. Девушка, которая работала у Лей Чжи и после ее помешательства практически вела все дела, в это время куда-то уходила. Она вернулась в лавку, но через минуту выскочила с криком, что ее госпожа убита. Соседка бросилась туда и увидела Лей Чжи лежащей на полу в задней комнате. Вызвали полицию. Приехавший позже врач из уголовного управления констатировал смерть от удушья. Девушка, работавшая у Лей Чжи, ничего вразумительного по этому поводу сказать не могла. Сестра Лей Чжи — тоже. Следствие зашло в тупик, и дело передали в криминальную полицию. Здесь тоже не смогли ничего понять. Видимые мотивы убийства отсутствовали, свидетельских показаний было недостаточно. Дело пришлось закрыть.

Последней в тощей папке была подколота медицинская справка. В заключении психиатра говорилось,

и закрывающийся на ночь железными жалюзи. Вдоль обеих стен длинного прямоугольного помещения стояло несколько складных столиков без скатертей. Немногочисленные посетители были такими же потрепанными, как и столы.

Едва Патрик со своим спутником уселись, к ним подошел мальчик лет десяти, в коротких штанишках и майке. С деловым видом он поставил на стол небольшой круглый поднос с соусами, перцем и солью, положил два замусоленных меню и застыл в ожидании заказа.

— Два пива,— бросил Прадерм по-тайски.

Мальчонка невозмутимо забрал поднос, карточки и молча направился к стойке.

— Эй,— окликнул его Прадерм,— твоя мать дома?

Мальчишка вернулся к столику и, подняв на Прадерма свои черные глаза, заморгал. Очевидно, залапанное меню было его единственным учебником тайского языка. Ло догадался, о чем спрашивает Прадерм, и повторил вопрос по-китайски. Мальчик кивнул и юркнул в заднюю комнату. Оттуда вышла полная седая женщина в черных сатиновых брюках и синей цветастой кофточке. Она увидела Прадерма, и на ее лице промелькнуло что-то похожее на улыбку.

— Что угодно господам?

— Извините,— ответил Ло,— но мы хотели бы еще раз побеседовать с вами о том печальном происшествии...

— Ее зовут Сюэ,— подсказал Прадерм по-английски.

— Да, да, пожалуйста,— ответила хозяйка кафе.

Она смущенно теребила воротник кофточки, не зная, что ей делать: то ли сесть, то ли остаться стоять.

— Посидите с нами немного,— помог ей Патрик.

Женщина пробормотала слова благодарности и опустилась на стул.

— Вы давно живете в Таиланде?— поинтересовался Ло.

ды— она уже и сама не помнила, при каких обстоятельствах,— Лей ответила отказом на его предложение выйти за него замуж. Он пришел в бешенство, тем более что при разговоре присутствовали его друзья. И сказал Лей, что она пожалеет об этом. Лей очень испугалась, потому что знала: он способен на все. Когда она познакомилась с каким-то коммивояжером из Бангкока, и он предложил ей выйти за него замуж, она сразу же согласилась, хотя и не любила его. Они уехали в Бангкок, и здесь у них родился сынишка — Леунг. Лей забыла о том человеке. Но он-то не забыл о своей угрозе. Однажды Леунг исчез. Тогда ему было четыре или пять лет... Полиция не смогла найти его. А через некоторое время Лей получила письмо от того бандита. Он писал, что это расплата за ее непокорность.

— А почему она не пошла в полицию с этим письмом?— спросил Патрик.

— Он написал, что если Лей обратится в полицию, он убьет ее сына. Она даже мужу ничего не сказала: боялась, что тот пойдет в полицию. Она рассказывала, что ей пришлось пережить. Это ужасно. А потом у нее родилась Сукхит, и постепенно все улеглось.

— Он больше не преследовал ее?

— Нет. Наверное, он удовлетворился своей мстостью.

Прадерм не понимал, о чем разговаривают Ло и госпожа Сюэ, но по виду Патрика и по интонациям его голоса почувствовал, что инспектора что-то заинтересовало. Он не стал отвлекать его вопросами; а молча пил пиво, изредка поглядывая на говорящих. Посетители кафе постепенно разошлись. Новые клиенты не приходили. Госпожа Сюэ знаком приказала сыну закрыть стальные жалюзи у входа.

— Лей не называла его имени?— поинтересовался Ло.

Госпожа Сюэ отрицательно покачала головой.

— Скажите, госпожа Сюэ, что явилось, по-вашему, причиной помешательства Лей?

Продолжение. Начало в №№ 21—24, 1976 г., и №№ 1—3, 1977 г.

Рисунок Валерия КАПАСЕВА

— Даже не знаю, что сказать. Ведь я не была в тот момент рядом с ней. Но мне кажется, что она потеряла рассудок, когда узнала о кораблекрушении.

— Ей кто-нибудь сказал о катастрофе или она прочитала о ней в газете?

— Не знаю. Но газет она, по-моему, не читала. Наверное, кто-то сказал.

«На медицинском заключении о ее помешательстве стоит дата 3 января,— вспомнил Патрик.— Неужели бангкокские газеты к этому времени уже опубликовали сообщение о кораблекрушении? Рановато. Даже в наших газетах первая информация появилась только второго».

Он повернулся к Прадерму.

— Вы не помните, когда ваши газеты писали о том, что «Тумасик» затонул?

— Не помню,— ответил Прадерм,— но это несложно проверить... Впрочем, стоп!— воскликнул вдруг он.— Я читал об этом на побережье. Там я провел два дня— воскресенье и понедельник... Я прочел о кораблекрушении перед возвращением в Бангкок.— Он прищурился, прикидывая даты.— Да, заметка была напечатана третьего января.

«Значит, все сходится. Кто-то прочитал газету и сказал о катастрофе Лей Чжи».— Ло пожалел, что возникшая у него догадка не подтвердилась. Но на всякий случай решил еще раз уточнить.

— В какой день случилось несчастье с вашей сестрой?— спросил он у госпожи Сюз.

— В воскресенье. Ее соседка только к вечеру разыскала меня и сказала, что с Лей творится что-то неладное. Когда я приехала, она бегала по дому вся растрепанная, что-то кричала, чуть не ударила меня... Потом упала на пол и заплакала...

Госпожа Сюз тряхнула головой, словно старалась отогнать от себя мрачное воспоминание о том вечере.

Сомнений у Патрика больше не оставалось: кто-то

сообщил Лей Чжи о кораблекрушении до того, как известие о нем появилось в тайских газетах. Значит, тот гангстер, который преследовал Лей Чжи в молодости, не забыл о ней. Нет, он не удовлетворился тем, что украл Леунга, как сказала госпожа Сюз и как, очевидно, полагала ее сестра. Все эти годы он накапливал в себе злобу против несчастной женщины, чтобы однажды извергнуть ее. Ло удивился не жестокости этого гангстера, а его невероятной, нечеловеческой способности хранить в себе слепую ненависть столько времени. Ведь даже змея, говорят, выбрасывает яд на землю, если долго не может найти жертву, чтобы вонзить в нее свои смертоносные зубы. Зачем этому человеку нужно было ждать так долго, чтобы нанести еще один удар отвергнувшей его женщине? Почему, если он решил отнять у Лей Чжи еще и дочь, он не сделал этого раньше? Не знал о существовании Сукхит? Забыл о Лей Чжи и вспомнил о ней только сейчас? Или?... Еще одна догадка мелькнула в голове Патрика, поразив его своей непостижимостью.

— Вы, конечно, видели мужа Сукхит?— снова обратился он к госпоже Сюз.

— Разумеется. Очень приятный молодой человек.

— Как его звали?

— Шан. Шан Чу.

В списке пассажиров «Тумасика» такой фамилии не было.

— Вы уверены, что они вместе сели на судно?

— Конечно! Я вместе с Лей провожала их. Правда, у Шана были какие-то срочные дела перед отъездом. Он сказал, чтобы Сукхит не ждала его, а проходила все формальности и занимала каюту. Он пришел к самому отплытию. Сукхит очень волновалась. И мы тоже. Когда он примчался, залыхавшись, уже все пассажиры были на корабле. Пограничники еще ругались, что он опаздывает.

— Как он выглядел?

— Но... зачем это вам?— удивилась госпожа Сюз.— Бедный мальчик утонул... И Сукхит... тоже...

Она не смогла сдержать слез.

— Успокойтесь, госпожа Сюз,— мягко произнес Патрик.— Для нас это очень важно. Я потом вам все объясню...

Женщина вытерла слезы и велела своему сыну принести ей воды. Отпив несколько глотков, она тяжело вздохнула.

— Ну... такой... высокий, худощавый. Очень симпатичный. Я даже не знаю, что еще сказать. Да, на лбу, между бровями, у него был небольшой шрам. Он говорил, что в детстве он то ли рассек лоб, то ли ему делали какую-то операцию. Он и сам точно не помнил.

— А свадебных фотографий у вас не осталось?

— Нет. Снимал какой-то знакомый Шана. Они уезжали на следующий день, и этот знакомый обещал прислать фотографии.

— У него тоже был билет на «Тумасик»?

— Нет. Он проводил Шана и Сукхит, а сам собирался лететь на самолете.

— Они давно познакомились?

— Кто?

— Шан и Сукхит.

— Месяца три назад. Шан приезжал в Бангкок по каким-то делам. Но Сукхит познакомила его с нами только за несколько дней до свадьбы. Для Лей Чжи это было так неожиданно...

— Госпожа Сюз, я слышал, что у вашей сестры было очень плохое зрение... Это правда?

— Да, последние два года она мучилась глаукомой.

— А вы знали ее мужа?

— Только по фотографиям. Как-то Лей Чжи показывала мне его снимки. Он умер незадолго до нашего приезда в Таиланд.

— Вы не могли бы показать мне его фотографии? У вас, наверное, остался семейный альбом Лей

— Да, конечно. Я сейчас принесу.

Она поднялась и пошла в заднюю комнату.

— Ну, что? — поинтересовался Прадерм у Патрика.

— Я все объясню вам по дороге в порт, — ответил Ло. — Мне туда нужно обязательно заехать. Кажется, я ухватился за какую-то ниточку, хотя прямой связи между убийством Лей и имитацией кораблекрушения все же не улавливаю... Но могу сказать точно: убили ее неспроста и это — дело рук нашей «триады».

«А может быть, Белый Бумажный Веер все-таки сумел из тюрьмы каким-то образом предупредить своих сообщников о том, что нам известно об инсценировке кораблекрушения? — мелькнула у Патрика мысль. — И Лей Чжи убита как человек, который мог пролить свет на это загадочное происшествие?»

Госпожа Сюэ вернулась к столику с ветхим, выцветшим альбомом в руках. Как и в большинстве семейных альбомов, фотографии были наклеены в нем лишь до половины. Между остальными страницами пожелтевшие от времени снимки лежали в полном беспорядке.

— Вы знаете, я сейчас вспомнила, — сказала она. — Когда я пришла к Лей в тот вечер... ну, когда она сошла с ума, на столе лежал этот альбом. Он был раскрыт, а вокруг валялись фотографии — и на столе и на полу. И... какое-то письмо.

— Вы не обратили внимания, на какой странице был открыт альбом? — спросил Патрик, понимая, однако, бессмысленность своего вопроса.

— Нет. Потом я подумала, что она рассматривала фотографии Сукхит... после того, как узнала о кораблекрушении.

Госпожа Сюэ разыскала среди общей кучи фотографию мужа Лей Чжи и подала Патрику. Со снимка на инспектора смотрело одутловатое лицо пожилого человека с родинкой между бровями. Родинка была величиной с рисовое зерно.

— Более ранних фотографий нет?

— Я не знаю. Я никогда не смотрела этот альбом.

Госпожа Сюэ захлопнула его и начала листать сначала.

— Это наши родители... Это я и Лей, когда мы ходили еще в школу...

Женщина задумчиво и подолгу рассматривала каждую фотографию, словно возвращалась в молодость. По ее лицу порой пробегала грустная тень воспоминаний. Ло терпеливо ждал.

— Вот, наверное, он... Такая же родинка на лбу... Как он сильно изменился в пожилом возрасте! Ничего общего! Только родинка...

— Госпожа Сюэ, посмотрите внимательно на эту фотографию. Она вам никого не напоминает?

Но женщина уже и без слов Патрика напряженно вглядывалась в снимок. Ее дрожащая рука потянулась к приоткрытому рту. Она медленно перевела недоумевающий, потерянный взгляд на Ло, на Прадерму, словно искала объяснения и поддержки. Опять опустила глаза на фотографию и вдруг закрыла лицо руками, издав клокочущий, захлебывающийся звук.

— Брат? — тихо спросил начавший понимать, в чем дело, Прадерм.

Патрик молча кивнул.

— Нет, не может быть, — почти беззвучно шептала госпожа Сюэ, не отнимая рук от лица. — Это слишком жестоко. Это...

Она не договорила, схватила стакан с водой и стала пить большими судорожными глотками. Поставила стакан и снова закрыла лицо руками.

— О ужас! — прошептала женщина, горестно раскачивая головой. — Бедная, бедная Лей! Как мне тебя жаль! Пережить такое! Лучше бы ты этого не знала!

Она повернула заплаканное лицо к Патрику.

— Но зачем, зачем ему понадобилось, чтобы Леунг женился на собственной сестре?!

— Очевидно, эта шайка занимается кражей девушек и продажей их в публичные дома, — сказал Патрик.

— Н-не понимаю, — сквозь слезы проговорила госпожа Сюэ.

— Есть банды, которые занимаются такой торговлей, — объяснил Ло. — Но поскольку нелегально перевозить человека через границу не так-то просто, банды вербуют молодых людей, или, как они называют их на своем жаргоне, «охотников». «Охотники» приезжают в какую-нибудь страну, соблазняют девушек, женятся на них и увозят якобы к себе на родину. Ну, а дальше...

Патрик сделал выразительный жест рукой.

— Какой ужас! — прошептала госпожа Сюэ, глядя на инспектора широко раскрытыми глазами. — Этот подлец погубил Леунга! Заставил его заниматься таким грязным делом! Подстроил так, чтобы брат продал родную сестру в публичный дом! Изверг!

Ло молча смотрел на несчастную женщину, испытывая чувство неловкости, словно он был виноват в случившемся.

— Нет, это лучше, что они оба погибли — и Леунг и Сукхит! — воскликнула госпожа Сюэ. — Лучше умереть, чем быть подлецом и проституткой!

«А я уже не уверен в том, что они утонули», — подумал Патрик, но промолчал.

— Вы найдете этого мерзавца?! — Госпожа Сюэ умоляюще смотрела то на Патрика, то на Прадерму. — Скажите, вы найдете его?

— Это моя работа, — угромо ответил Ло, — и за этим я приехал сюда из Сингапура.

Он поднялся.

— Извините за причиненное вам беспокойство, госпожа Сюэ. И спасибо за то, что вы нам помогли. Вы не могли бы отдать мне это фото?

Патрик указал на снимок мужа Лей, наклеенный на второй странице.

— Да, да, пожалуйста. Раз оно вам нужно... — Госпожа Сюэ повернулась к сыну, сидевшему за стойкой, и кротко попросила: — Принеси ножницы.

— Благодарю вас, — сказал Ло.

Он аккуратно вырезал снимок и спрятал его в карман пиджака.

По дороге в порт Патрик в подробностях пересказал своему спутнику разговор с Сюэ.

— Сейчас меня интересует фамилия человека, стоявшая в списке пассажиров «Тумасика» последней, — закончил он.

— Н-да, — только и произнес в ответ Прадерм, покачивая головой.

...В порту чиновник пограничной службы долго копался в бумагах, перелистывая многочисленные списки и, наконец, изрек равнодушным тоном:

— Мистер Сег Чэн из Сингапура.

— Вот как? Любопытно. — Незаметно для себя Ло пробормотал сакраментальную фразу Аланга.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Ритуал

1

В бангкокском аэропорту Желтого Дракона встречал расторопный и вежливый молодой человек в бордовом костюме. Он протянул руку, помогая Желтому Дракону сойти с трапа, и любезно осведомился, как прошло путешествие.

— Благодарю вас, — небрежно роняя слова, ответил Желтый Дракон, — все было прекрасно.

— Господин Тук просил передать свои извинения по поводу того, что он не мог вас встретить, — проговорил молодой человек, с поклоном принимая от Желтого Дракона его паспорт. — У него появилось неожиданное и крайне важное дело. Он весьма сожалел...

Желтый Дракон молча кивнул.

— Прошу вас. — Бордовый юноша передал паспорт выростшему за его спиной пограничнику и распахнул перед Желтым Драконом заднюю дверь стоящего неподалеку от трапа черного «мерседеса». — Вам забронирован номер в отеле «Индра».

Желтый Дракон снова ничего не ответил и сел в машину. Молодой человек устроился на переднем сиденье, и «мерседес» чинно поплыл по безупречно гладкому асфальту аэропорта.

У ворот, перекрытых шлагбаумом, машина остановилась. К ней приблизился солдат с автоматической винтовкой наперевес.

— Документы! — на плохом английском языке отрывисто потребовал он.

Молодой человек вытащил из бокового кармана голубую картонку со своей фотографией и какими-то тайскими закорючками и, не поворачивая головы, небрежно взмахнул рукой перед носом охранника. Тот выткнулся по стойке «смирно» и отдал честь. «Мерседес» двинулся дальше.

— Ничего не подлаешь, военное положение, — извиняющимся тоном произнес молодой человек, полюбившись к Желтому Дракону и преданно глядя ему в глаза.

При въезде в город машина снова остановилась, пропуская колонну грузовиков, до отказа забитых солдатами. Метров через пятьдесят, на перекрестке, Желтый Дракон увидел двух полицейских, которые вели какого-то человека со связанными руками, грубо толкая его в спину прикладами коротеньких автоматов.

Человек медленно волочил ноги, спотыкаясь на каждом шагу. В свете неоновых фонарей его лицо казалось мертвенно-зеленым. Эту неестественность усиливала бежавшая со лба по правой щеке кровь. Арестованный на минуту замешкался, и один из полицейских, забежав вперед, ударил его кулаком в подбородок. Человек вскрикнул и упал на тротуар. Другой полицейский начал бить его ногами. Немногочисленные прохожие старались быстрее пройти мимо полицейских.

Машина завернула за угол, и через несколько минут они подъехали к высокому помпезному отелю, в архитектуре которого неудачно сочетались мотивы в тайской интерпретации.

Молодой человек пророчно выскочил из машины и

помог выйти Желтому Дракону. Затем он побежал вперед, и, когда Желтый Дракон вошел в просторный холл, молодой человек уже ждал его вместе с одетым в бархатную ливрею служителем отеля.

— Господин Тук надеется видеть вас завтра в половине десятого. Вы не возражаете?

— Нет.

— Я буду ждать вас здесь четверть десятого.

Желтый Дракон не ответил на почтительный поклон молодого человека и вслед за служителем двинулся к эскалатору.

В трехкомнатном номере суетился коридорный, проверяя, все ли готово к въезду клиента. Закончив это пустое занятие, он с нагло-заискивающим видом посмотрел на Желтого Дракона, ожидая чашечки чая. Желтый Дракон вытащил из кармана пятидолларовую бумажку и протянул ему. Коридорный с поклоном взял деньги и осведомился, не будет ли каких приказаний. Приказаний не последовало.

На следующее утро отдохнувший и посвежевший Желтый Дракон подъезжал к старинному особняку, спрятавшемуся за высокими стенами в густой зелени смоковниц. Темно-синие створки ворот раздвинулись, пропуская машину, и мягко соединились снова. «Мерседес» объехал вокруг клумбы с розмаринами и остановился у ступеней из шведского красного гранита. Навстречу Желтому Дракону вышел пожилой мужчина в больших роговых очках. Он был одет в голубой с золотистым орнаментом халат мандарина. Широкие рукава разлетались от быстрых движений.

— Как я рад вас видеть, дорогой Куан! — воскликнул он. — А вы совсем не изменились со времени нашей последней встречи и прекрасно выглядите.

— Здравствуйте, Тук. — Желтый Дракон пожал протянутую руку. — Я также не могу удержаться от комплимента в ваш адрес. Благодарю за любезное приглашение. Недельный отдых мне не помешает, хотя чувствую я себя вполне бодро.

— Право, Куан, мне очень приятно, что вы согласились приехать, — сказал хозяин, обнимая Желтого Дракона за талию и увлекая его к входу. — Если мне не изменяет память, мы не виделись почти четыре года?

— Да, — согласился Желтый Дракон, — последний раз вы приезжали в Сингапур года четыре назад.

— Как быстро бежит время! А мы стареем, стареем, — театрально произнес Тук.

— Ну, о вас этого не скажешь.

Они прошли в гостиную и погрузились в мягкие, просторные кресла, стоявшие вокруг низенького круглого столика из орехового дерева.

— Как поживает ваша семья? — поинтересовался Желтый Дракон.

— Прекрасно, прекрасно. — Тук залиvisto засмеялся. — Позавчера отправил дочь и супругу отдыхать на Гавайские острова...

Слуга в белой ливрее с вишневой окантовкой внес на подносе бокал с шампанским и хрустальные бокалы. Наполнив их, он удалился.

Хозяин особняка поднялся.

— Дорогой Куан! Первый тост — за наши священные братства. За наши союзы Неба, Земли и Человека.

Они выпили и снова сели.

Тук был главой одной из самых крупных местных «триад». Вместе с «триадами» Гонконга и Макао концерн Тука долгое время держал в руках весь пиратский промысел в южных морях, охватив огромные районы от Малаккского пролива на западе до островов Гилберта и Самоа на востоке. Молодой в ту пору, но уже набравший силы «Анг Сун Тонг» пришлось потратить немало усилий, чтобы добиться признания своих прав на морской разбой. Через некоторое время «Анг Сун Тонг» заключила с «триадами» Таиланда и Гонконга «соглашение о сотрудничестве», и довольно часто они совместно осуществляли наиболее крупные контрабандные операции с валютой, золотом, наркотиками.

— Ну, как ваши дела, дорогой Куан? Что нового?.. Я читал, что полиция наткнулась на могильник на Блэк-Мати. Это не опасно для вас?

— Нет, — небрежно ответил Желтый Дракон, — тем более что мы не имеем к нему никакого отношения.

— Значит, существует еще какая-то солидная организация, кроме вашей?

— Вполне возможно. Зато у вас, я вижу, произошли большие изменения.

— О, да, — Тук довольно потер руки, — наконец-то у нас нашлись люди с твердым характером. Ведь последние три года мы просто катились в пропасть. Я был в ужасе. Этот эксперимент с демократией начал заходить слишком далеко. Студенты совершенно, совершенно распустились. Постоянные митинги, демонстрации. Они кричали о каких-то правах, требовали каких-то свобод. Бр-р! Дело дошло до того, что в полицию — подумайте только — в полицию! — Тук выразительно поднял обе руки и потряс ими в воздухе, — стали появляться весьма нежелательные для нас настроения. Разумеется, это были единичные

случаи, но тем не менее нам пришлось основательно повозиться, чтобы избавиться от слишком ретивых детективов.

— Сейчас, надеюсь, все поставлено на свои места? — заботливо осведомился Желтый Дракон.

— Можете не сомневаться! — Тук поднял ладонь. — И вообще при нынешнем режиме мы стали чувствовать себя намного спокойнее. Я всегда говорил, что «левые» во много раз опаснее нас. И я рад, что это наконец осознали здесь. Ну, хватит о политике. У нас с вами и без нее забот хватает, не правда ли?

— Вы, безусловно, правы, дорогой Тук, — с глубоким вздохом ответил Желтый Дракон и пригубил шампанское. — Проблем у нас больше чем достаточно. Взять хотя бы последнюю партию девиц, на которых вы вывели моих людей. Нам с большим трудом удалось их пристроить. За них давали буквально гроши.

— Не может быть! — притворно изумился Тук. — Это был прекрасный товар. Мне бы ваши возможности и связи...

— Ну, не скромничайте, мой дорогой, вам грех жаловаться. А товар, если говорить честно, был второсортный. Я очень вас просил бы, милейший Тук, учесть в дальнейшем мои пожелания. Я понимаю, после того, как весь Индокитай стал «красным», вы оказались почти монопольным поставщиком. Я не возражал, когда вы подняли цены, но согласитесь, что пять тысяч долларов за девицу — это та сумма, за которую хотелось бы получить достойные образцы.

— Вы несправедливы ко мне, уважаемый Куан, — огорченно возразил Тук. — Мы ведь с вами давние друзья, и, смею вас уверить, я никогда не позволил бы себе...

— Уважаемый Тук, — Желтый Дракон смягчил тон, — не принимайте столь серьезно мои слова. Я сказал это так, между прочим. Я не таю никакой обиды и прекрасно понимаю, что вы сделали все, что было в ваших силах.

— Конечно, конечно, милейший Куан, — радостно закивал головой хозяин, — вы же знаете, как я к вам отношусь.

«Слишком хорошо знаю, — подумал Желтый Дракон, — знаю еще с тех пор, когда пришлось пулеметами доказывать тебе в Малаккском проливе, что я тоже имею право на место под солнцем. Старая, скупая жаба!»

Он вспомнил историю тридцатилетней давности, когда со своими людьми напал на какое-то голландское судно. Не успели они перебить команду и перетащить к себе на борт грузы, как из сумерек вынырнула шхуна и подошла почти вплотную к моторным сампанам Желтого Дракона. Оттуда послышались проклятия, и из рупора до Желтого Дракона донесся ультиматум: если он сейчас же не отдаст добычу и не уберется из чужой зоны «промысла», его сампаны разлетятся в щепки. Кричавшим и был Тук. Желтый Дракон решил не уступать. Между пиратами завязалась перестрелка, которая закончилась бы неизвестно чем, если бы их не спугнула малайские полицейские катера. Капитан потерпевшего судна, видимо, успел передать сигнал опасности на материк. Позже между Желтым Драконом и Туком произошло еще несколько стычек. И только потом они встретились в Куала-Лумпуре и договорились о «сотрудничестве».

— Мой дорогой Тук, — сказал Желтый Дракон после многократных заверений в том, что он не сомневается в дружеских чувствах хозяина, — я предполагаю, что после того, как у вас сменилось правительство, здесь должно появиться значительно больше американцев, чем в последние годы.

— Разумеется. Только полные идиоты вроде наших гражданских министров могли потребовать от американцев вывести войска из Таиланда. Еще немного, и нас проглотили бы «красные».

— Так вот, — продолжал Желтый Дракон, — я подумал, что американцы должны интересоваться золотом. Я знаю людей, которые перед падением Сайгона успели кое-что вывезти оттуда и готовы предложить значительное количество золота. Везти его в Европу и Америку сами они не решаются: очень далеко и опасно, — а продавать на местном рынке не хотят: слишком дешево. Я, как человек гуманный, сниму с их плеч столь непосильное бремя. По моим самым приблизительным подсчетам, вы сможете получить на этом около трехсот тысяч долларов чистой прибыли.

— Не так уж много, — с простодушной улыбкой заметил Тук.

— Вы сможете выручить больше, если сумеете его продать кому нужно.

— Все будет зависеть от вашей цены, уважаемый Куан.

— Дорогой Тук, — лицо Желтого Дракона чуть осветилось ответной улыбкой, — ведь мы старые друзья и наверняка сумеем договориться. Моя совесть не позволит мне взять с вас лишнее.

Тук снова радостно закивал головой, как бы давая понять, что абсолютно уверен в этом.

— Как только вы будете готовы принять первую партию золота, — продолжал Желтый Дракон, — вы дадите мне знать.

— Договорились, — ответил Тук и добавил: — А теперь — в сторону дела. У меня есть для вас приятный сюрприз.

— Вот как?

— Да, милейший Куан, — довольно засмеялся Тук. — Зная вашу неистовую любовь к старинным скульптурам, я хочу предложить вашему вниманию одну вещь.

Тук позвонил в бронзовый колокольчик. В гостиную вошел слуга и молча поклонился. Тук, щелкнув пальцами, указал на стоящий в углу и закрытый материей предмет около метра высотой. Слуга снова поклонился, подошел к нему и сдернул покрывало. Взору Желтого Дракона открылась восхитительная фигура южера мифической танцовщицы Апсары, выполненная из золота. Апсара грациозно изогнулась на золотой подставке в древнем ритуальном танце. Ее тонкие руки с красивыми длинными пальцами были подняты над головой, которую украшал остроконечный головной убор, инкрустированный бриллиантами, аметистами, сапфирами.

Восторженный возглас едва не сорвался с уст Желтого Дракона. Но, перехватив выжидающий цепкий взгляд хозяина особняка, он заставил себя сохранить на лице бесстрастное выражение.

— Гм, недурно.

— Недурно?! — воскликнул Тук. — По-моему, это восхитительно! Взгляните, какая работа! Эта фигура, эти изящные руки! Двенадцатый век. Эта славная негодяйка долгое время украшала один храм недалеко от Пномпеня. Я давно к ней присматривался и, когда понял, что «красные» вот-вот захватят власть в Камбодже, решил, что для них такое сокровище — непозволительная роскошь. Разве мужлань способна оценить настоящее искусство?

— И во сколько вы оцениваете эту... балерину? — небрежно поинтересовался Желтый Дракон.

— Вам, как старому другу, я могу предложить ее, скажем, за сто тысяч долларов.

— Сто тысяч? — Желтый Дракон поморщился. — Вы шутите, уважаемый Тук. В этой болванке не больше десяти килограммов золота — от силы тысяч на пятьдесят. Ну, и, конечно, работа. Шестьдесят тысяч — это максимум, что я могу за нее отдать.

— Шестьдесят тысяч! — обиженно вскричал Тук. — Шестьдесят тысяч за такую прелесть?! Это не двадцатый век. Вы только вдумайтесь — двенадцатый век! Уникальная скульптура — второй такой вы не найдете, ручаюсь.

Тук подскочил к танцовщице и любовно погладил ее по золотой руке.

— Ну, хорошо, я согласен сбросить тысяч пять, но только ради вас. Ну как, берете?

Желтый Дракон вздохнул.

— Нет, дорогой Тук. При всем уважении к вам я не могу платить такие деньги за вещь, которая этого не стоит. Шестьдесят тысяч — это хорошая цена.

— А бриллианты! — Тук ткнул пальцем в головной убор Апсары. — Вы забыли про бриллианты! Я не говорю об аметистах, сапфирах, но бриллианты... Три штуки, и каждый не меньше карата!

— Ну, хорошо. Семьдесят тысяч, и по рукам.

— Нет, — страдальчески прошептал Тук, — не могу. Девяносто тысяч, не меньше.

— Семьдесят пять.

— Восемьдесят пять.

«За восемьдесят отдаст, — подумал Желтый Дракон, но тут же одернул себя: — С какой стати я должен уступить?»

— Нет, дорогой Тук, семьдесят пять тысяч — моя последняя цена.

Хозяин особняка развел руками.

— Мне очень жаль, милейший Куан, но я не могу больше сбросить ни цента. Право, я хотел доставить вам удовольствие, но... что поделаешь... Я и так шел на убыток.

Он снова позвонил в колокольчик и приказал вошедшему слуге унести фигуру Апсары. После того как слуга удалился, собеседники с холодной вежливостью обменялись несколькими ничего не значащими фразами и разошлись, договорившись встретиться на следующий день.

Недельное пребывание Желтого Дракона в Бангкоке подошло к концу. Накануне отъезда Тук пригласил его на прощальный ужин. Они сидели на маленьких скамеечках за квадратным столиком, уставленным яствами. В комнате, которую освещали лишь два шестигранных разрисованных фонарика, свисавших с потолка над самым столиком, царил приятный полумрак. Мягкий красноватый свет покоился на хрупком фарфоре двух изящных старинных ваз, создавая впечатление, что лампочки находятся внутри них, делал бархатной шероховатую поверхность патины на бронзовой курилнице. Тук философствовал.

— Красноречие и вольнодумие порождают беспорядки, — вещал он не спеша, с наслаждением отправляя в рот дольки вываренного в бульоне ласточкино-

го гнезда. — Литература и музыка способствуют распухлости нравов, снисхождение — мать проступков. Если беспорядки и распухлость не пресекаются вовремя, они распространяются. Если же они распространяются широко, народ становится сильнее своих властей. А что делать, чтобы власти оказались сильнее народа? Наводить порядок еще до того, как вспыхнут беспорядки. А чтобы сохранить порядок, нужно управлять людьми не как добродетельными — именно от этого они и распускаются, а как порочными — тогда они полюбят порядок...

Тук отпил глоток подогретого рисового вина и продолжал:

— Если управлять людьми как добродетельными, они начинают излишне любить друг друга. И скрывают свои проступки. Если управлять людьми как порочными, они перестают доверять друг другу. И тогда проступки скрыть невозможно. Остается лишь жестоко карать за них. В этом случае наступает образцовый порядок. И его должно поддерживать наказаниями. Чем больший трепет вселяет кара, тем лучше для самих же людей. Они будут уважать тех, кто стоит над ними.

— Мне нравятся ваши рассуждения, Тук, — произнес Желтый Дракон. — Именно образцовый порядок способствует жизнестойкости и неуязвимости наших священных союзов.

Тук поднял бокал с рисовым вином.

— Я вас совсем замучил сентенциями древних философов, дорогой Куан. Давайте лучше выпьем на прощание. Завтра вы уедете, и бог знает, когда придется свидеться.

Поставив на столик бокал, Тук промокнул рот салфеткой.

— Да, чуть было не забыл. У меня есть к вам одна просьба.

— Я слушаю вас, Тук.

— Это просьба не столько моя, сколько моих друзей. Но все же я прошу отнестись к ней...

— К чему слова, Тук? Я сделаю для вас все, что в моих силах.

— О, в ваших силах я не сомневаюсь, — улыбнулся хозяин особняка.

Он разжег кальян, затянулся с громким бульканьем и отложил его.

— Речь идет о продаже весьма конфиденциальных документов. Точнее, об их похищении. Бумаги вез один человек из Бангкока на небольшое суденышко под названием «Тумасик». Он купил их у секретаря одного очень влиятельного господина. Вы, конечно, знаете, что судно потерпело кораблекрушение месяца полтора назад.

«Вот почему ты в первый день поинтересовался Блуканг-Мати, — подумал Желтый Дракон, — уж не Лим ли вез документы? Странно, Красный Жезл ничего мне об этом не говорил».

Ни один мускул не дрогнул на лице Желтого Дракона. Он внимательно слушал собеседника.

— До катастрофы на судно было совершенно нападение, а труп человека, у которого находились бумаги, оказался почему-то на Блуканг-Мати. Того, кто забрал бумаги, удалось разыскать. Это некто Фонг — бывший артист из Шанхая. По-видимому, сейчас он возглавляет какую-то солидную организацию, которая в будущем может стать для вас конкурентом.

— У ваших друзей неплохо поставлена информация, — заметил Желтый Дракон, — если они смогли узнать такие подробности, несмотря на катастрофу и отсутствие свидетелей.

— Случайность, — бросил Тук. — Шхуну, которая должна была напасть на «Тумасик», чтобы перехватить документы, опередил этот самый Фонг. Но люди со шхуны подобрали в море матроса с «Тумасика». Он рассказал о нападении и о том, что у одного из пиратов с языка сорвалось название какого-то отеля «Силлеон». Разыскать отель и затем выйти на этого Фонга оказалось делом нетрудным. Фонг согласился отдать документы, были оговорены все условия. Но он убил человека, который пришел за ними, распустил свой театр и исчез из поля зрения моих друзей. Я был бы вам весьма обязан, дорогой Куан, если бы вы попытались разыскать этого Фонга. У меня есть его фотография. Я понимаю, сделать это нелегко, но для моих друзей его поиски окажутся еще сложнее. И, смею вас уверить, они щедро отплатят за услугу.

«Ну что ж, Красный Жезл, — усмехнулся в душе Желтый Дракон, — эти бумаги тебе дорого обойдутся. От меня ты вряд ли уйдешь. Только нужно будет подумать, кто больше заплатит за них: друзья уважаемого Тука или кто-нибудь еще?»

— Я попытаюсь, — сказал он, — хотя, как вы правильно заметили, задача не из легких.

— Попробуйте нащупать сначала организацию: ее найти проще, чем одного человека. Тем более, что это отвечает и вашим интересам.

— Да, но документов у него может уже и не быть...

— Сомневаюсь, — ответил Тук. — Это слишком ценный товар, чтобы предлагать его первому встречному.

Продолжение следует.

К

Каждый шаг — шаг.

Я пишу о детстве. Это, конечно же, не брянский шаг, но зато там — там, в детстве, начинаются чемпионы своим путем к пьедесталу, к олимпийскому пьедесталу.

На каждому, однако, суждено одолеть это до конца.

Едва ли спорил бы со всеми трудностями и, если бы не мой тренер. Первым и единственным тренером Николая Григорьевича Толкачев.

Я пришел в гимнастику двенадцать лет назад — в 1964-м. А до этого, скрывать не стану, не думал о гимнастике, не мечтал о какой-то необыкновенной, выдающейся возбужденно соседских мальчишек комбинации на перекладине (прошлы, тогда мы называли ее турником) или о дронном сапате в полыхах.

Если и привлекал меня спорт, то уж никак не гимнастика. Скорее футбол или хоккей. Игра меня волновала больше.

Мир создан из случайностей, хотя всему непременно найдутся последствия себе объяснимые, и один из случайностей, счастливых для меня случайностей, заключалась в том, что моя дружка Женя Скурдюк уползла в ту пору гимнастичкой, занималась в секции, в которой начал работать преподаватель в том же 1964 году из Норильска по Владимир Толкачев.

Мы вместе с Женей ходили по двору, вместе купили ведерок. Времени свободного у меня было предостаточно, поскольку школа не рвинула меня интересом. Гораздо больше беспокоило отношение ко мне ребят — тех, кто постарше. И в семье и дружки с двенадцатилетними, а курить научился, пожалуй, раньше, чем читать.

Понимаю, что это не слишком выдержанное и педагогическим отношением откровения, но если — принял — меня спорт, то почему бы не об этом не вспомнить — для подтверждения могучей воспитательной роли спорта.

И вот вместе с Женей мы пришли в секцию. И открылся мне чудесный мир движения. Таную мне похуже на нос дружку вместе бы было, видимо, бытало мне в семье рассказ.

Но врат не стану. Не открылся. И гимнастика меня не покорила сразу и навсегда. Все было проще и примитивнее, что так. И скоро это вышло, как мне представлялось, вместе и выросли. Мало ли дружок, болели приважики теплыми развлечениями!

Тренер пришел за мной, потом писала, что он меня буквально за руку привел обратно в гимнастику. Граду писали, но привели не так.

Видел ли во мне в ту пору Николая Григорьевича послевоенного олимпийского чемпиона?

Не знал. Способностями своим тренером и не признаю. У меня было одно, только гимнастикой собственной координацией движения эти даны и отличались, хотя и невелики был ростом, жила по двору, где каждый сам определял свое место, приучила меня никому не давать спуску и в постоновых катах и сражениях и — вынослив и силы и смелости.

Это все с одной стороны. А с другой — лет по семь — десять повторял мне тренер как два за два: «Ты будешь выдающимся гимнастиком!» — Ты станешь чемпионом!» — У тебя великое будущее!» — У Толкачеве бы были планы, размышляя по тогдашнему, что и в будущем стану чемпионом.

Наверное, это злило мое упрямство, когда я не хотел сонинать, самым простым, по его мнению, путем наверх, приважики и отличию мой полнейший безответственность.

Но тренер терпел. Он умел терпеть. Николай Григорьевич был для меня больше, чем тренером. Больше, чем педагогом. Больше, чем мне материальным наставником, ровняю отождавила каждый шаг своего подопечного.

У нас дом был неплатежеспособным, отку уходил из семьи. Четыре старших сестры и я росли с мамой. А папа не жаждал в одиночку справиться с такой командой?

Учителя в школе, догадывалось и сейчас, падринвали при упоминании моей фамилии. Три дружки за четверть — такое было не редкостью.

Нет, но подарок достался Николаю Григорьевичу. И если остался в семье, то не по любви к гимнастике. Не спорт привлекал меня.

Трених.

Я галтулся к нему, и с некоторым пор жил у тренера постоянно. Николай Григорьевич изменил мне отцу.

Сейчас и, конечно, могу определить, один из самых главных достоинств этого замечательного педагога и человека — умение тонким душевным подходом к детям. Тогда одним катароником и не рассуждал. Не знал, однако, что мне с Николаем Григорьевичем хороши. Тренер жил интересами своих мальчишек. Мы вместе ездили на рыбалку (и с тех пор и не раз, пока — удочками), играли в футбол. Толкачев игриве плакал меня на юг, к морю, в Тулу. На занятия Николая Григорьевича мы не работали — мы просто

Чемпионы о себе

В 1976 году в рубрике «Чемпионы о себе» были опубликованы выступления Александра Якушева, Ноны Гаприндашвили, Марии Исаковой. В этом номере слово предоставляется абсолютному чемпиону Олимпийских игр по гимнастике Николаю Андрианову. Кого из выдающихся советских спортсменов вы хотели бы видеть в качестве авторов журнала? Ждем ваших писем-заявок с пометкой на конверте «Чемпионы о себе».

Николай АНДРИАНОВ, заслуженный мастер спорта

ДВЕНАДЦАТЬ К ПЬЕДЕ

полный комплект медалей: серебряные моим товарищам и мне вручили за второе место в командном соревновании, а бронзовую я получил за третье место в прыжке.

В Монреале в нашей команде были восемнадцатилетние гимнасты, называли они меня Колей, и отчества моего, думаю, просто и не знали.

На что мы с тренером рассчитывали перед поездкой в Монреаль?

На золотую медаль. Мы полагали, что у меня есть возможность быть первым в вольных упражнениях или в прыжке. Или на кольцах.

Планы были перевыполнены: я выиграл все три эстафеты. Досталась мне и еще одна, четвертая по счету и наивысшая золотая медаль — за победу в сумме многоборья. Медаль, принесшая самый высший в гимнастике титул — абсолютного олимпийского чемпиона.

Не скрою, я счастлив, что удалось сломать печальную для нас традицию, в соответствии с которой в сумме многоборья верх на нескольких олимпиадах одерживали японские мастера. В последний раз золотую медаль абсолютного олимпийского чемпиона по гимнастике для нашего спорта выиграл Борис Анфрянович Шахлин, и было это в Риме в 1960 году. А вот теперь мне выпало продолжить традиции гимнастов прежних поколений — Виктора Ивановича Чукарина и Бориса Анфряновича Шахлина.

Самый интересный момент борьбы XXI Игр? Состязания в вольных. Естественно, это только моя, весьма субъективная точка зрения.

Стартовал я неудачно. Сорвал один элемент. Есть такой элемент — «спичак». Это стойка силой, согнувшись, ноги врозь, с прямыми руками. Неприятный для меня элемент, из разряда «неподдающихся». Нет, он не очень труден. Сегодня его довольно уверенно осваивают мальчишки, а для меня он камень преткновения. Не однажды подводил он на крупных соревнованиях (видимо, упущено было что-то раньше), сделал мне «подножку» этот самый «спичак» и в Монреале. Вот и выставили мне судьи после обязательной программы в вольных только девять и сорок пять сотых балла. Опережали меня наши Володя Маркелов и Александр Дитятин и два японца — Мицую Цукахару и Савао Като. Два других японца — Хироси Кадзияма и Эйдзо Кемодзу — имели такую же оценку.

Было обидно. Уж очень хотелось выиграть, хотелось доказать, что вовсе не случайно завоевал я золотую медаль в вольных на прошлой Олимпиаде.

В произвольной программе на следующий день я получил уже девять и восемь десятых балла. Стало легче.

И вот финал. Шесть лучших должны разыграть комплект олимпийских медалей.

Я не волновался в те минуты: с нервами у меня все в порядке. Двойное сальто в конце композиции, по-моему, произвело на судей впечатление — во всяком случае, я получил девять и восемьдесят пять сотых, что и принесло мне золотую медаль.

Поясню, почему я специально подчеркнул, что показал двойное сальто в конце композиции. Пока это, ну, скажем, не частое явление: если в начале выступления многие гимнасты демонстрируют этот элемент, то в конце, когда силы спортсмена уже на исходе, не каждый рискнет пойти на двойное сальто.

Склонен ли я к риску? Безусловно. Вспоминая о вольных, замечу попутно, что я включил в свою композицию элемент, который начал разучивать за тридцать дней до начала XXI Игр. Был ли в этом риск? Был ли риск в решении показать двойное сальто в конце композиции?

Ответить однозначно трудно. Риск был. Но — это не противоречие самому себе! — я особенно не рисковал. Николай Григорьевич так рассчитал всю четырехлетнюю программу моей подготовки к Монреалу, что пик формы пришелся именно на дни выступления, я был полон, максимально полон сил и потому мог, кажется, как говорят в таких случаях, свернуть горы. Между тем мне советовали кое-что выбросить из программы, сделать композицию проще, но надежнее. Неприемлемый для меня совет. Мне кажется нелепой сама идея — выбросить что-то уже выученное (пусть и не назубок) в ту именно минуту, к которой я шел несколько лет. Добровольно отказаться от находки — это не по мне.

Наверное, меня и Николая Григорьевича можно упрекнуть в том, что мы плохие тактики. Наверное. Но никто не заставит нас пересматривать именно такое понимание спорта.

Случайно услышал, как однажды говорили обо мне: «Колька берет своей настырностью».

Настырность? Упрямство? Да! Но вы мне сначала объясните, чем оно, это мое упрямство, отличается от настойчивости, желания отстаивать свою точку зрения, сохраняя верность самому себе.

Я не отрицаю роли тактики. Соглашаюсь и с тем, что должно быть у гимнаста тайное оружие — новый элемент, показанный вдруг, внезапно, когда казалось, что спортсмен исчерпал все свои возможности.

Более того, иногда, мне кажется, стоит поразить судей и публику каким-то новым элементом еще на

разминке, перед началом соревнований. А потом, когда элемент произвел нужный эффект, можно его и не включать пока в свою композицию — и так, мол, хватает нам всех этих «ультра-си», элементов повышенной сложности, чтобы выиграть: ведь цели мы своей, в сущности, уже достигли.

На разминке в Монреале я показал при соскоке с колец тройное сальто. И судьи, убежденные, запомнили эту концовку моей комбинации на кольцах.

А репутация спортсмена в гимнастике столь же важна, как и в фигурном катании. Поэтому приходится нередко «работать на публику». Говорю сейчас, естественно, о подготовке программы, а не о секундах ее исполнения — в эти мгновения я не вижу зала, мне не до него, слышу лишь гам, шум, даже аплодисменты не отличаю от криков.

Меня как-то спросили, слежу ли я за выступлениями соперников или полностью погружен в размышления о собственной композиции, мысленно прокручивая ее перед подходом к снаряду.

Я редко слежу за соперниками. Просто потому, что знаю, как, с чем они выступят (неожиданности, конечно, не исключаются). Сила, возможности, потенциал конкурентов изучаются заранее. Разведка в спорте поставлена хорошо, а к этому добавьте еще и «рекламу»: спортсмены порой не только не скрывают своих планов, но и утаивают ничего из собственного арсенала, но, напротив, всячески демонстрируют миру свои находки и достижения. И оттого еще до начала чемпионата или Олимпийских игр мы превосходно знаем, кто есть кто.

Вот самая свежая иллюстрация. Я был готов заключить пари на любых условиях, что вольные и прыжок на XXI Играх выигрывает Нелли Ким. И это при фантастической репутации румынки Нади Каманечи, побуждающей одну «десяточку» за другой. Почему я был убежден в победе Ким? Да потому, что и до стартов в Монреале было известно: такой сложности элементов — и притом прекрасно освоенных, исполняемых безукоризненно чисто, — как у Нелли, нет ни у одной из ее соперниц. Она прыгает «цукахару с винтом», с поворотом на 360 градусов и включает в свою композицию на вольных двойное сальто.

Гимнастика меняется. Стремительно меняется. И то, что было вчера под силу только чемпионам, только одиночкам, сегодня прочно осваивают сотни и тысячи спортсменов.

А чемпионы идут дальше. Не могут не идти. Остановки в современном спорте быть не может. Удовлетворись достигнутым, не сумеешь перешагнуть через сегодняшние свои достижения — безнадежно отстанешь и наверстать упущенное будет практически невозможно.

В этом привлекательность и в этом безжалостность спорта наших дней.

Во время Олимпиады-80, которую принимает Москва, мне будет около двадцати восьми лет. А в дни Олимпиады-84 — уже около тридцати двух. Казалось бы, возраст возмужания, расцвета всех сил. И тем не менее, увы, я твердо знаю, что в тридцать два я уже не выйду на олимпийский помост: никаких шансов соперничать с молодыми у меня не будет. А в двадцать восемь? Будут у меня какие-то основания рассчитывать на успех?

Не такой простой, как представляется на первый взгляд, вопрос. Рассуждения о громадном опыте, который накопится к третьей моей Олимпиаде, едва ли могут успокоить. И дело не в том, что сил у меня станет меньше или энтузиазма поубавится. Дело в ином. Гимнастика станет иной. С иными возможностями. С иными требованиями и иными критериями.

Я не знаю, какими они будут. Я не знаю, подойдет ли, будет ли соответствовать моя техника тем элементам, что появятся через три-четыре года в арсенале ведущих мастеров. Может быть, уже сегодня где-нибудь в Омске, Харькове, Осаке, Лейпциге или Братиславе начал тринадцатилетний гимнаст готовить что-то умопомрачительное, что и представить себе пока еще трудно. А это значит, что через четыре года потребуются принципиально новая техника, новая база, на основе которой только и можно будет освоить завтрашнюю гимнастику.

Не хочу называть имена, но на моей памяти было немало трагедий — знаменитая чемпионка, великодушная гимнастка не могла освоить элемент, которым легко овладевали ее совсем юные подруги по спорту. И нелепо было бы в чем-то укорять чемпионку. Скорее можно было ей посочувствовать.

Вот и жена моя, Люба, обладательница золотых олимпийских наград, завоеванных в Мехико и Мюнхене, практически так и не смогла вернуться в гимнастику после рождения сына: время умчалось, лови — не догонишь.

В большой спорт приходят, точнее, врываются новые мастера. Те, о ком ты еще полгода назад знал лишь понаслышке, если знал вообще. Имя Геннадия Крысына мало что говорило многим любителям гимнастики в начале года. Он попал в сборную страны за три месяца до начала Олимпийских игр. Это был резкий скачок. Из почти полной безвестности в число

лидеров. И если бы не пресловутый консерватизм судей, не их традиционна настроенное отношение к новому имени, восемнадцатилетний гимнаст мог бы завоевать не одну, а две-три олимпийские медали.

Вот чей характер мне нравится. Гена силен, самолюбив, решителен, настырен. Иной новичок поначалу робеет перед авторитетами, боится именитых соперников, а здесь ни Като, ни Цукахару, ни Касамацу не смущали дебютанта. Такой спортсмен не дрогнет, на него можно положиться. Характер, трудолюбие, настойчивость, вера в собственные возможности — вот аргументы Геннадия, а я высоко ценю эти слагаемые спорта.

Лента чемпиона не легче шапки Мономаха.

Тренировки утренние. Тренировки вечерние. Тысячи раз повторяемые элементы, складывающиеся постепенно в комбинации. Монотонность, скука? Есть немного. Но азы, элементы школы повторяют, как гаммы, изо дня в день и фигуристы и балерины. Да и писатели провозглашают: «Ни дня без строчки!»

А тренер повторяет, тренер убеждает: «Ты станешь чемпионом».

Как же нелегко стать чемпионом!

Нас многие знают. Известность приятна: в этом тоже проявляется общественная оценка наших усилий. Но популярность имеет и негативную сторону. Хоккеист Владимир Вихулов точно сказал: «Слава — это жизнь в аквариуме». У всех на виду.

Причем на виду только «парадная» часть твоей жизни. И твои медали. А тысячи часов тренировок — за кадром. Это интересует меньше: да и что может быть интересного, считают болельщики, если одно занятие ничем, в сущности, не отличается от другого.

Отличается. Иначе монотонность, шаблон, рутинная погубили бы душу спорта — интерес к соревнованию, к творчеству, к выявлению собственного потенциала. Творческое отношение к тренировкам — единственно возможный (исключений не вижу) путь наверх.

Наверное, футбол или хоккеисту тренироваться легче, чем гимнасту. По крайней мере в одном отношении: командный вид спорта предполагает и коллективные, командные тренировки.

Я очень люблю хоккей, с особым интересом слежу за матчами наших команд с канадскими профессионалами и немного завидую хоккеистам. У них больше возможности отыграться, у них есть возможность на ошибку. Начинается матч, и порой игра у команды не клеится, но мало-помалу спортсмены входят в колею, увлекаются, зажигаются, и начинается великолепная игра. И если проигран первый период, то во втором или в третьем команда может с лихвой наверстать упущенное. А если не в форме, не в настроении форвард или целая тройка, то другие звенья выручат сегодня, помогут товарищам.

А у нас второго периода нет. И времени на раскачку не остается. У нас требуется максимальная собранность при каждом выходе на гимнастический помост.

И не на кого рассчитывать. Разумеется, если речь идет о командной борьбе, то партнеры могут подстраховывать, выручить. Но командная золотая медаль — одна, а остальные семь — личные. Хорошо, если выигрывает товарищ... Правда, тебе от этого утешение не ахти какое. И когда на чемпионате Европы Ольга Корбут срывала какой-то элемент, а Людмила Турищева выступала безукоризненно хорошо, то едва ли Ольга была совершенно счастлива. И ей хотелось стоять на верхней ступеньке пьедестала почета. Люда подстраховала, но ведь и Ольга о большем мечтала.

Тренировки, сборы, соревнования, самолеты, поезда — это наша жизнь. В последний раз новогоднюю ночь с семьей я провел в 1973 году. Хорошо, что жена все понимает: Люба тоже немало лет отдала гимнастике.

Как-то у меня спросили, случайно ли, что жена у меня спортсменка. Я думал об этом и прежде. Нет, не случайно. Круг наших знакомств ограничен в силу всех тех причин, что я называл, и хорошо, что мне повезло — увидеть и узнать Любу. Но не думайте, что дома мы только и говорим о гимнастике. Совсем нет. Обычная семья с самыми разными интересами и самыми разными заботами. Обычная семья, одна из десятков тысяч, где и жена и муж увлечены спортом.

Рассказ о себе будет, видимо, неполным, если не скажу о своих планах. Тем более, что они мне уже ясны. Попробую стать тренером. У меня есть ученик. Студент Владимирского педагогического института, где учусь и я. Зовут его Сергей, ему 21 год.

Почему я не начал работу с мальчишкой? К сожалению, пока заниматься с пятиклассником, которого надо опекать, я не могу, нет времени. С Сергеем проще. Даю ему задание и могу уехать на соревнования. Он точно выполнит план.

Разумеется, пока это только проверка своих педагогических возможностей — так я и сказал Сергею.

Мечтаю, чтобы лет через двадцать кто-нибудь думал обо мне с таким же теплом и такой же благодарностью, как я о Николае Григорьевиче Толкачеве.

Писатель, актер Режиссер ШУКШИН

Начало на 22-й стр.

«Я наблюдал его, вслушивался в то, то он говорит... Я только начинал «наполняться» им. Режиссер Шукшин учил меня правде, человек Шукшин учил меня оберегать ее, трепетно, осторожно, как самое хрупкое существо, как только что родившегося ребенка. Нечаянно сделаешь этому ребенку в одном месте больно, а он уж и весь нездоров», — вспоминал Леонид Куравлев. Этот интересный актер сохранил для нас немало любопытных воспоминаний и наблюдений.

После дипломного фильма они снова встретились с Шукшиным летом 1963 года на съемках кинокартины Л. Кулиджанова «Когда деревья были большими». Фильм этот достаточно известен, главную партию там ведет Юрий Никулин, роли же Шукшина и Куравлева эпизодические.

«Мы жили с ним в деревне Абрамово под Ногинском, — рассказывал Куравлев, — на террасе небольшого домика. Купались в речке, по ночам пели песни... а на зорьке рыбачили. И снова он входил в мою жизнь, но уже каким-то другим... Неожиданным. Он пел — и лицо становилось то грустным и... остановившимся, что ли, а то вдруг совершенно преображалось, и весь он будто выпрямлялся, посылая в ночную бесконечность сильный и чистый звук... После песни он ненадолго умолкал. Потом говорил:

— А теперь — эту... — и первым начинал петь. На рыбалке он любил слушать тишину. Речка ровная, гладкая, уставшая за день от десятков рук, весел, от крика и суеты. Он смотрел на нее, изредка покашливая... Вдруг — всплеск!

— Она... — заговорщически подмигивал, совершенно уверенный, что клонит именно у него. — Ну... ну... Вот она! — и по-мальчишески радостно смеялся...»

Шукшин сидел и с книгой — на той же террасе или на берегу — и писал что-то в тетради, но если его вдруг отвлекли, звали куда-нибудь, он не сердился, а переключался. Что и говорить, редкий это дар — уметь работать среди всяческих возможных помех, знать, что через некоторое время тебя непременно оторвут от дела, и все же, несмотря ни на что, этим делом заниматься вполне осознанно и серьезно, забыв ради него — пусть ненадолго! — все остальное. Много шукшинских рассказов будет написано во время съемок того или иного фильма, но, правда, как правило, при том условии, что данный фильм не его детище, он лишь исполнитель одной из ролей. Но можно ли так работать, не вредя самому себе, своему здоровью? О здоровье Шукшин всерьез задумывался мало, разве что, когда совсем «прижмет».

Насколько изнурительна была на Дону жара, насколько тяжело даже физически было играть главную роль в «Они сражались за Родину», он и на этих съемках писал. Именно здесь были созданы «До третьих петухов», «А поутру они проснулись», несколько рассказов, вошедших в последнюю его прижизненную публикацию («Наш современник», 1974, № 9), а также был начат и едва ли не до половины доведен еще и один сценарий... Нет, не щадил он себя, и, кто знает, сколько вообще наберется в его жизни дней — не говоря уж месяцев, — когда он отдыхал как следует или хотя бы спал по восемь часов!

Светлое, трогательное это воспоминание Л. Куравлева... И купание, и песни, и рыбалка, и шутка! Но вот еще один свидетель тех дней. Юрий Никулин:

«Мы с ним (Шукшиным. — В. К.) тогда особенно не сошлись. Он мне запомнился нелюдимым, хмурым и замкнутым».

Как сопоставить первое со вторым, и кто же прав, Куравлев или Никулин? Нет, память не изменила ни тому, ни другому, просто одно дело — знать и видеть человека, другое — узнать и увидеть. Далеко не перед всеми и тем более не вдруг раскрывал свою душу Василий Шукшин. Но он вкладывал ее без остатка в свои книги и фильмы, — пройдет не так уж много времени, и это пойдут многие.

...С Куравлевым они в это время неразлучны еще и потому, что предстоит вместе поработать как следует. Свершилось, наконец: сценарий, составленный из сцен, входивших в рассказы «Классный водитель» и «Гринька Малюгин», и совершенно новых, одобрен, автор сценария выступит и как режиссер. Идет тщательнейший подбор исполнителей не только главных, но и эпизодических ролей.

Рассказывает Нина Афанасьевна Сазонова (нет нужды специально представлять эту прекрасную, любимую миллионами актрису):

«...Как-то раз вызывают меня к нему на пробу — дело было давно, я в кино еще только начинала. Предлагают маленькую роль — тетку Анисью в фильме «Живет такой парень». Помните? Пашка Колокольников привозит к ней жениха — напарника своего, пожилого шофера. На другой день знакомимся с Шукшиным. Шукшин мне — с ноткой сожаления:

— Молоды вы, Нина Афанасьевна... У нас-то что происходит? Хотим мы двух ст. эчков соединить... А я ему:

— Старичков? Скучно, Василий Макарович, ну, ей-богу, скучно! То есть не то чтобы скучно, а грустно как-то уж чересчур. Ну, допустим, старички... Доживают, значит, свой век. Всех радостей-то — вместе чайку попить. Жалко их, и ничего больше. А я думаю, не жалеть, а радоваться надо, на них глядя. От души посмеяться над шитыми белыми нитками улочками тетки Анисьи и от души сочувствовать ей. Она ведь, тетка-то эта, не своей волей одна осталась. Мужиков война съела. Сколько я таких повидала... Есть у меня одна знакомая в деревне, уже в годах женщина. Разоткровенничалась как-то: «Замуж-то я бы и теперь пошла — был бы человек хороший... — и руку к сердцу жмет. — Знаете, сколько тут неистраченного?..» Да неужто не заслужила она своего, пусть запоздалого, бабьего счастья, неужто ей до старости ждать, пока она только на то годна будет, чтобы самовар ставить?..»

Ох, если бы вы только видели, как слушал меня Шукшин! А ведь он не просто режиссер — он писатель, ему судьбы людские открыты, он достаточно на людей посмотрелся... Выслушал меня и сказал: «Я подумал». А назавтра знакомит меня с партнером моим — артистом Балаковым. Я — уж не я, а тетка Анисья — в смех: «Да какой же это старичок? В полном соку дядечка...» И Шукшин смеется.

Стали мы репетировать — легко, быстро пошла у нас эта сцена, и прекрасно заиграл, зажил Куравлев — Пашка Колокольников. Помните его? Он не просто играет — он кружева плетет! Уж так хочется ему соединить этих добрых незадачливых людей — для блага их и для своего удовольствия. Не приди мы тогда к согласию с Шукшиным, не скинь полтора десятка годков нашим героям — думаю, не было бы этого юмора, этой теплоты, этого озорства. После нескольких съемочных дней у меня осталось ощущение огромной проделанной работы, словно я показала целую жизнь, целую судьбу. А роль-то крохотная... Вот оно — актерское счастье».

Отношение Василия Шукшина к актерам, его работа с ними удивительны. Об этом вполне можно написать отдельную книгу, весьма полезную и поучительную не только для начинающих режиссеров. Уже после второго своего фильма, «Ваш сын и брат», Шукшин писал в «Советском экране», что он не в состоянии ответить на вопрос: «Каковы ваши основные принципы работы с актерами?» Что у него нет никаких особенных принципов, главное для него: «Был бы хороший, умный человек — я с ним договорюсь, как нам лучше сделать дело». Но это и есть главный и особенный принцип Шукшина-режиссера в работе с актерами. Ведь что значит «договорюсь, как нам лучше сделать дело»? (Опять-таки не будем ничего «домысливать» и «выводить», а лучше снова послушаем самого Шукшина — это вернее, да к тому же читатель, наверное, уже догадался, девиз нашей работы — «как можно больше самого Шукшина», и, право же, нам доставляет истинное удовольствие процитировать что-либо не очень-то известное, а иногда и совсем не известное широкой публике — так рельефнее, на наш взгляд, и во всем многообразии можно представить себе личность Василия Макаровича Шукшина.)

«Мне не так уж важен, — говорит он, — тот набор средств — более или менее широкий, — которым располагает актер; мне важно понять, что он знает о людях, что повидал на своем веку, что сберег доброго, умного в сердце, прожил жизнь».

Актер должен не просто понимать своего героя, но и знать его до последних мелочей. До ногтей. Помню, как начинали мы работать когда-то с Всеволодом Васильевичем Санаевым. Он пришел ко мне побеседовать о возможном участии в фильме «Ваш сын и брат». Мы долго разговаривали — старались «вскрыть» характер старика Воеводина. Я выкладывался, мучительно соображая на ходу, как убедительно рассказать ему про этого мудрого русского старика, который доживает жизнь, но еще крепко, голова его свежа, и жизнь он прошел, знает ее вдоль и поперек. И вдруг Санаев сказал мне: «А знаешь, какие у него ногти?» «Какие ногти?» — «На ногах. Толстые, крепкие, широкие. И загнуты, потому что он их никогда не стриг. И слегка темные...» Он знал таких стариков. И я поверил ему. Нет, не поверил — доверился. Что такое «доверился»? Это значит — принял его как автора, позволил ему импровизировать, зная, что он не исказит текста.

Верность букве — это некая заповедь большинства кинематографических режиссеров... Такие режиссеры смотрят актеру в рот. Сказал не то слово — значит, ошибка! Ну, а если актер нашел свое слово, более точное, более сложное и, что самое главное, — живое? Все равно режиссер говорит: «Стоп». Дело тут подчас не в самом режиссере, а еще и в писателе, который упорно отстаивает свой текст. «Подумаешь, Лев Толстой нашелся!» — ворчит про себя режиссер, но сдается: предпочитает не иметь больше неприятных объяснений — довольно их было перед запуском. Что касается меня, я готов позволить актеру нести отсебятину, если только он соблюдает верность самому характеру, самому рисунку роли. Если верное чувство подсказало ему новые слова, я готов принять их как свои собственные.

Именно так — на правах соавторства — мы работали, например, с Лебедевым, с Куравлевым, с Сазоновой. Мне дорога в них та точность конкретного видения, которая позволяет работать с ними доверительно, на истинно творческих началах.

Помню, как Сазонова великолепно симпатизировала песню в сцене «сновидений» Пашки Колокольникова — это когда он в генеральском мундире делает обход в больнице и видит на одной койке тетку Анисью: «Что у вас болит?» «Ох, сердце...» Тут Сазонова от полноты сердечной и выдала «про ретивое». Ей не надо было ничего объяснять, показывать. Она спела, «как бог на душу положил», и была правдива. А если ты правдив — значит, ты прав.

Я требую от актера того, чего требую от всякого человека, которого беру «в работу», то есть избираю своим героем. Я требую искренности. Мне дорог актер, если я чувствую народную природу его таланта (выделено мной. — В. К.). Вот Лебедев — его, как художника, вывела к жизни Волга — главная российская улица. Санаев — в нем жив дух потомственных тульских умельцев. С огромным интересом работал бы я с Ульяновым и Мордюковой — я чувствую в них запас человеческой памяти, переходящей из поколения в поколение. Именно в работе с такими актерами, знающими жизнь, не способными сфальшивить, выдать одно за другое, проверяется органичность литературного образа для кинематографа. Экранизация нашей литературы просто невозможна без таких вот по-настоящему народных актеров».

Шукшина не интересовало, есть ли у актера «имя», обаятелен ли он и т. п. Он «искал не сходства, а правды», как точно заметил В. Санаев. И если он не чувствовал этой глубинной правды, заложенной в народной природе таланта актера, сомневался хотя бы немного в искренности его — ничто не могло поколебать его мнение относительно того или иного исполнителя. И мнение это он не скрывал: «...Мне не очень нравится Смокуновский. Случилось, на мой взгляд, вот что: мы очень стесковались по интеллектуальному актеру, все не было его и не было... И вот все заволновались — пришел! Все, конечно, к нему. И правда, легкость необыкновенная, демократичность, свобода... Но почему-то меня не оставляет мысль, что это лишь старание быть таким. Что-то важное ускользает — эта его легкость, какой-то текучий жест, неопределенная повадка. Или он еще не весь тут, или происходит какая-то подмена. Может быть, я ошибаюсь, но таково мое субъективное мнение».

И напротив, если он видел и чувствовал в ком-либо силу, что называется, нутряную, «от земли», ощущал в человеке «абсолютный слух на правду», то делал все возможное, чтобы поддержать этого человека при любых обстоятельствах. Сами посудите, легко ли было Шукшину, молодому режиссеру, снимающему лишь первый фильм, пойти против мнения художественного совета киностудии, «забракосвавшего» кандидатуру Л. Куравлева на роль Пашки Колокольникова, так как кинопробы у того были явно неудачны. Но он все же настоял на своем, потому что верил: именно Куравлев и никто другой даст жизнь этому образу. И оказался прав (а вспомним, что в то время Леонид Куравлев только-только начинал, в главных ролях не снимался, «имени» не имел). Да и вообще припомните: много ли в шукшинских фильмах собиралось «звезд», и не его ли фильмах благодаря кинематографу и зрителю открыли для себя многих талантливых, самобытных актеров, оставшихся до того времени в тени!

Но размышляя, казалось, «только о кино», о вещах, сугубо связанных с одним кинематографом, мы, говоря о Шукшине, должны все же не упускать ни на минуту литературное творчество Василия Шукшина, как сам он никогда не упускал его из виду, всегда держал в уме: «Я требую от актера того, чего требую от всякого человека, которого беру «в работу», то есть избираю своим героем. Я требую искренности...»

Чего же, если не искренности и правды, честности, добивался и требовал прежде всего Шукшин от жизни (вспомним хотя бы «Кляуззу»), от героев своих книг и фильмов! Они могут заблуждаться, его герои, совершать поступки странные и нелепые с точки зрения окружающих, могут врать, но при всем при том они искренни во всем и всегда — даже лицемеря, даже заведомо наговаривая на себя, возводя напраслину. Чего-чего, а фальши, внутренней «приличной», «интеллигентской» лжи в них нет.

И вот еще какую вещь я заметил: слово Шукшина о том или ином актере есть очень часто и слово о том или ином любимом и дорогим ему образе, характере или об отдельных чертах, качествах этого образа и характера, олицетворяющих для Шукшина лучшее в родном народе — обостренное чувство правды и справедливости, совестливость, доброту. «Во всех своих значительных ролях Сазонова не просто мать. Она очень мать. Она настоящая русская женщина, воплощение российского материнства, к которому нельзя относиться иначе, как с чувством трепетного почтения». Разве не вправе мы отнести эти слова, эту характеристику к образам матерей из шукшинских рассказов «Далекие зимние вечера», «В профиль и анфас», «Материнское сердце», «Письмо», «Сны матери», наконец, к до слез трогательному образу старой матери из «Калины красной!» «Непутевые» у многих из этих женщин сыновья, ничего, кроме стыда, страдания и горя горького, они им не приносят, но как неизбывна, всепрощающая, святая и бескорытна материнская любовь в произведениях Шукшина!

Поистине:

Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы —
То слезы бедных матерей!

(Н. А. Некрасов).

Окончание следует.

First system of musical notation for 'Rassveti', including vocal line and piano accompaniment. Dynamics include *mf* and *mp*. Lyrics: РАС - СВЕТУ, РАС - СВЕТУ.

Second system of musical notation for 'Rassveti'. Lyrics: - НЕ - ТОР, ПЛА - НЕ - ТОР ЗЕМ - ЛЯ, РАС - СВЕТУ, РАС - СВЕТУ.

Third system of musical notation for 'Rassveti'. Lyrics: СВЕТ - ИТ, ТВО - И И МО - РА, РАС - СВЕТУ, РАС - СВЕТУ.

РАССВЕТЫ

Музыка Вадима ГАМАЛИЯ

Слова Анатолия СОФРОНОВА

*Рассветы, рассветы
Над нашей планетой,
Над вечной планетой,
Планетой Земля.
Рассветы, рассветы
Да тихие ветры,
Любовь — это песня,
Твоя и моя.*

*Рассветы уходят,
Закаты приходят,
И розовым светом
Объята земля...
Пусть гаснут закаты,
Но нет, не погаснет
Любовь — наша песня,
Твоя и моя.*

*Рассветы, рассветы,
От лета до лета,
От света до света
Лучатся поля;
Несется планета,
И вместе с планетой
Любовь — наша песня,
Твоя и моя.*

Fourth system of musical notation for 'Rassveti'. Lyrics: СВЕТ - ИТ, ТВО - И И МО - РА, РАС - СВЕТУ, РАС - СВЕТУ.

КРОССВОРД

Составил В. ФРОЛОВ, Москва

A crossword puzzle grid with 28 numbered squares for clues.

По горизонтали:

7. Начальник воинской части, подразделения. 8. Гимнастический снаряд. 9. Обильные атмосферные осадки зимой. 11. Старинный текстильный центр в Англии. 14. Звуконепроницаемая кабина для испытания космонавтов. 15. Зодиакальное созвездие. 16. Центр кустарной промышленности в Индии. 17. Писатель, Герой Советского Союза. 18. Место конспиративных встреч. 21. Укрепление. 23. Преподавательница, педагог. 24. Договор, соглашение. 26. Звание младшего командного состава Советской Армии. 27. Скульптор, лауреат Ленинской премии. 28. Искусственно полученный радиоактивный химический элемент.

По вертикали:

1. Колебание водной поверхности. 2. Небольшое животное, обитающее в тропических лесах. 3. Место переправы, перехода через реку. 4. Орган управления войсками. 5. Деталь телефона. 6. Аппарат, образующий сигналы связи, радиолокации. 10. Видимая даль. 12. Наука о процессах в полупроводниковых приборах. 13. Создатель, певец былили. 19. Медный духовой инструмент. 20. Наука о звуке. 21. Древко знамени. 22. Декоративный кустарник, используемый для живых изгородей. 25. Гусеничная боевая машина. 26. Окоп, ход сообщения, траншея.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 3

По горизонтали:

8. Минимум. 9. Елисейев. 10. Аллюр. 11. Тэтэрэ. 13. Втулка. 14. Аккумулятор. 15. «Холопка». 17. Буровик. 18. Коала. 19. Нырок. 20. Рожок. 22. Рокот. 25. Маримба. 26. Обертон. 27. Инкрустация. 31. Патент. 32. Ергени. 33. Навои. 34. Бомарше. 35. Остужев.

По вертикали:

1. Диктофон. 2. Цифра. 3. Амаду. 4. Волнушка. 5. Серия. 6. Осетр. 7. Геология. 12. Эксперимент. 13. Возрождение. 16. Аккра. 17. Барто. 21. Фазотрон. 23. Курсовка. 24. Конвейер. 27. Инвар. 28. Ранац. 29. «Арион». 30. Ярмут.

ФОТОКОНКУРС «СМЕНЫ» ПОСВЯЩАЕТСЯ 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Редакция журнала «Смена» объявляет фотоконкурс — «Мир молодости Страны Советов», посвященный 60-летию Великого Октября. В конкурсе могут участвовать все кто влюблен в фотографию — фотолюбители и профессионалы, члены фотоклубов и фотосоюзов.

«МИР МОЛОДОСТИ СТРАНЫ СОВЕТОВ»

Лучшие снимки будут опубликованы в журнале, а авторы награждены премиями и дипломами.

Конкурсные снимки должны ярко и образно рассказывать о самоотверженном труде советской молодежи: ее учебе, отдыхе, участии в общественных делах, увлечениях, о духовном богатстве нашего молодого современника, красоте родной земли, отображать интересные события, происходящие каждый день в различных уголках нашей великой страны.

На конкурс принимаются отдельные фотоснимки, фоторепортажи и фотоочерки.

Присланные на конкурс работы не возвращаются и не рецензируются.

В конкурсе могут участвовать черно-белые и цветные фотографии (слайды). Размер черно-белых отпечатков не менее 24 × 30 см. На обороте каждого снимка должны быть указаны фамилия, имя, отчество автора, профессия, домашний адрес. Снимки следует обязательно сопроводить подробными подписями и прислать в редакцию не позднее 1 октября 1977 года.

Для победителей устанавливаются премии:
первая премия (три) — десятидневная поездка по стране,
вторая премия (пять) — фотоаппарат,
третья премия (двадцать пять) — годовая подписка на журнал «Смена».

Итоги конкурса будут подведены к 7 ноября 1977 года.

